

ВИКТОР
ТОЧИНОВ

ПАСТЬ

ПАСТЬ
ЛОГОВО
СТАЯ

БФ-коллекция

Виктор Точинов

**Пасть: Пасть. Логово.
Стая (сборник)**

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Точинов В. П.

Пасть: Пасть. Логово. Стая (сборник) / В. П. Точинов — «АСТ»,
2018 — (БФ-коллекция)

ISBN 978-5-17-111095-6

Много тысячелетий среди всех народов мира бытуют мифы и легенды о ликантропах, оборотнях, вервольфах — о людях, способных превращаться в опасных и почти неуязвимых хищников. Но когда за дело берется современная наука — легенда может обернуться кошмарной реальностью... Странные и страшные опыты проводят люди в белых халатах за глухими стенами засекреченных лабораторий. И в одном из опытов происходит сбой. Тварь, бывшая когда-то человеком, — на воле. Стремительная косматая тень рассекает ночную мглу. Льется кровь и гибнут люди. Все чаще на пригородных пустырях находят растерзанные трупы. Новое звено в эволюционной цепочке доказывает клыками и когтями свое право на место в нашем мире... Люди, ответственные за кровавую свистопляску, убирают следы и свидетелей, — и выжить в схватке с мостром еще не значит остаться в живых... Мужество против свирепой всепоглощающей силы, ум против хитрости зверя, честь и воля против людской подлости и равнодушия... Кто победит? Кто доживет до рассвета?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-111095-6

© ТочинОВ В. П., 2018

© АСТ, 2018

Содержание

Пасть	6
Пролог	6
Часть первая	11
Глава первая	11
Глава вторая	14
Глава третья	17
Глава четвертая	21
Глава пятая	26
Глава шестая	30
Глава седьмая	33
Глава восьмая	36
Глава девятая	39
Глава десятая	42
Часть вторая	46
Глава первая	46
Глава вторая	49
Глава третья	52
Глава четвертая	56
Глава пятая	59
Глава шестая	64
Глава седьмая	68
Глава восьмая	73
Глава девятая	77
Глава десятая	81
Глава одиннадцатая	83
Глава двенадцатая	87
Часть третья	89
Глава первая	89
Глава вторая	91
Глава третья	94
Глава четвертая	97
Глава пятая	101
Глава шестая	104
Глава седьмая	108
Глава восьмая	111
Часть четвертая	114
Глава первая	114
Глава вторая	118
Глава третья	124
Глава четвертая	128
Глава пятая	131
Глава шестая	134
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Виктор Точинов

Пасть: Пасть. Логово. Стая

(сборник)

Пасть

Пролог

От закопченного капонира ударила очередь. Длинная, во весь магазин. Неприцельная, в никуда. Они не обратили внимания. «Буратино», наш носатый друг, работает без осечек. Это там просто почерневший труп с выжженными глазами пытается кому-то и зачем-то доказать – что еще жив.

Руслан, впрочем, повернул туда драгуновку, – но на том все и закончилось, труп угомонился. Капитан даже не обернулся, потому что Марченко снова вышел на связь.

– Ты меня слышишь, Капитан? Еще одна попытка штурма – и мы открываем клетки. Ты понял? **МЫ ОТКРЫВАЕМ КЛЕТКИ!** А потом идем на прорыв.

Блефует. На испуг берет херр профессор. Клетки дистанционно не откроешь, с кодовыми замками надо возиться вручную. Ну-ну, и сколько вас после этого останется для прорыва? Сейчас там стволов десять, не больше... А *объекты* далеко не уйдут, не пугайте. Весь блок выстроен с таким расчетом – чтоб не ушли. Крепость, укрепления которой обращены внутрь. Но Марченко проговорился. Он не знает про группу Гнома. Не знает про туннель. Ничего не подозревает. Иначе они пошли бы на прорыв сейчас. Именно сейчас, когда наверху осталось восемь человек, включая их с Русланом. При таком периметре – прорвутся не напрягаясь. Другое дело, что далеко не уйдут. Но надо болтать, надо тянуть время...

– Послушайте, Марченко, – говорит он спокойно и доброжелательно. – Давайте не будем принимать поспешные решения. Потому что жалеть о них не придется никому – ни вам, ни нам... Некому станет жалеть. Давайте искать компромисс...

Словно в ответ на слова о компромиссе – слева, от котельной – несколько коротких очередей. Все-таки прорыв?! Нет, затихло... Просто нервы. Натянуты как струны – и у тех, и у других... Капитан продолжает:

– Давайте договариваться... Всегда можно найти приемлемый для всех вариант. Подумайте, Марченко. Поговорите с людьми. Так ли они хотят умирать?

Называя собеседника по фамилии, Капитан нарушал все инструкции. Псевдоним, всегда только псевдоним... Но сейчас это неважно, сейчас главное – как можно больше слов...

Марченко жестко рубит фразы:

– Вы знаете наши условия. Представителей власти сюда. Не меньше трех депутатов. Известных мне в лицо. Журналистов с камерами. Мы покажем все – и сдадимся. Не раньше и не позже.

Гадина... Будут тебе журналисты, будут камеры... Если бы не ты – эти тупые лбы вовек бы не догадались, что их ждет после закрытия Полигона... Черт возьми, почему молчит Гном?

* * *

Группа Гнома под землей. Девятнадцать человек. Перед ними препятствие – круглый, во всю трубу, металлический люк. Двести пятьдесят миллиметров броневого стали. Шипят два

резака. Взорвать – быстрее, но люк ставили знатоки своего дела, предусмотревшие все. Они сами и ставили. Во все стороны от люка на три метра – такой же толщины броневая плита. Труба тонкая, вокруг – пливун, чуть схваченный мерзлотой. А ни один направленный взрыв все сто процентов энергии в одну сторону не пошлет. Туннель просто исчезнет, а люк останется стоять. Заряды – два длинных, похожих на гробы ящика – для другого.

Они предусмотрели все. Кроме того, что придется штурмовать собственную цитадель. Хорошо одно – этот ход не известен съехавшему Профессору и его живорезам. Никак не должен быть известен...

Резаки шипят. Группа растянулась по туннелю. Диаметр – метр шестьдесят. Не разгуляешься. Не для прогулок прокладывали – для ухода в самом крайнем случае. Случай пришел, но приходится – входить.

Гном протискивается к люку – невысокий, широченный в плечах. Квадратный. Фонарь держит в далеко отставленной левой руке – вьевшаяся привычка. Будут стрелять на свет – пули пойдут мимо...

Резаки шипят. Режут не по кругу – овалом, только пройти самим и протащить заряды. И все равно – медленно, очень медленно... Белые пятна-кометы с остывающими красными хвостами еще не начали сближаться – ползут в стороны, к стенам туннеля. Хотя стен нет, потолка и пола тоже – труба.

Гном берет микрофон. Труба экранирует, передатчик в полутора километрах, на выходе из туннеля. Или на входе – это откуда смотреть. Туда змеится провод.

– Капитан, здесь Гном. Еще час. Как понял? Еще час! Тяни время, Капитан!

* * *

Капитан тянет время.

– Поймите, Марченко, я не могу решать такие вопросы. И не могу послать вертолет в Москву за депутатами... Я могу лишь гарантировать вам жизнь. Всем вам. Чистые загранпаспорта и десять тысяч подъемных на каждого. Не рублей. Деньги и документы готовы. Здесь готовы. С вас даже никто не возьмет никаких подписок. Вы можете рассказывать любые сказки. Кому угодно и где угодно, – кто вам поверит? Так или иначе, но Полигона больше не будет. Вы не опасны, Марченко... Сдавайтесь. Вам гарантируют жизнь.

Или ему показалось, или в голосе Марченко что-то дрогнуло:

– Ты лжешь, Капитан! Вы наобещаете нам что угодно, а живым не уйдет никто...

Ага... Да ты, гнида, не хочешь умирать. Вот такие гниды меньше всех хотят умирать. Тебе очень хочется, чтоб тебя переубедили, чтоб дали гарантии... Хорошо быть идеалистом и радеть за всех, – пока костлявая не взяла за горло. Может, мыслями ты и сейчас радеешь, а нутро твое дрожит, нутро подыхать не хочет...

– Какие вам нужны гарантии, Марченко? Деньги и документы здесь. Вы можете послать одного из своих – пусть посмотрит и вернется...

Марченко не верит. Хочет, очень хочет поверить, – и не может.

– Нет, Капитан. В эти игры играй с другими. Наши условия прежние: депутаты и журналисты. На замках клеток мы установили дистанционные заряды. И если ты затеваешь какую-нибудь пакость...

«Заряды он установил... Сказочник... Да он детскую петарду из спичечных головок не установит, козел... И его полудурки тоже ловчее управляются со скальпелями, тряхомуды высоколобые... Как только прорвемся в центральный блок, устроим им вивисекцию... Во всех подробностях. Неторопливо. Со вкусом...»

Но заговорил Капитан проникновенно и мягко:

– Генерал в курсе всех ваших требований... И не только он. Вы понимаете? Все решается не здесь и не нами. Но давайте будем реалистами, Марченко... Никто так сразу никаких депутатов сюда не потащит... Сначала прилетят генералы. Попробуйте договориться с ними. Вертолеты подлетят через два часа, не раньше...

Хреновый из него переговорщик, что и говорить... Но других нет и не будет. Не будет вертолетов с большими шишками в погонах. Незачем им знать про Полигон. Вместо них над лесотундрой зайдут на атаку «крокодилы» – если группа Гнома не закончит все раньше. Бог знает, по какой срочно слепленной легенде Генерал выцарапал и перегнал сюда вертолеты огневой поддержки, и какое задание поставлено экипажам... Но это и не важно. Ми-24 – на самый крайний случай. Если Гном... Но что там у него, черт возьми...

Время шло.

* * *

Резаки замолкли. Шов медленно остывает. Группа готова к броску. Гном дает последние указания:

– Если в подвале никого – ставим заряды под клетками, таймеры на двадцать минут – и уходим. Но это едва ли. Если кто есть – кладем их и поднимаемся. ПББСы¹ у всех поставлены? После подвала – сами знаете, кому куда. Главное – клетки. Первым делом держим клетки. К ним не должен прорваться никто.

Гном не говорит, что случится, если кто-то из осажденных прорвется и вскрыет замки. Не маленькие, сами понимают. Будет плохо. Тем более плохо, что спецпатронов у них нет, все спецпатроны остались в мятежном блоке. А обычные ничем не помогут. Ничем и никому.

Молчат, вопросов не задают. Все и так известно. Но командир перед началом должен еще раз повторить задачу – неписаный закон. Гном продолжает:

– Пленные не нужны – гасить всех. Вопросы есть?

Сзади, из темноты, коротко и деловито:

– И Профессора?

– Всех – значит всех. И Профессора...

Гном проходит от люка назад, где восемь человек ухватились за ручки тяжелых зарядов. Всматривается в освещенные фонариком лица. Там, впереди, наверху, кроме прочих – шестеро парней из внутренней охраны. Свои ребята. Еще вчера – свои... Но все в порядке, на лицах никаких сомнений – наверху враги. Наверху – трупы. Не знающие, что тут затаилась их смерть, готовая к прыжку.

Он становится у второго заряда. Его место здесь. Командир впереди на лихом коне – лишь в фильме про Чапаева. Последний взгляд на прозрачный щиток, врезанный в крышку заряда. Под ним – тумблер и круглая ручка таймера. Полный оборот – двадцать минут. Повернуть полностью, дернуть тумблер – и у них двадцать минут, чтобы уйти как можно дальше. Половина оборота – десять минут. Четверть – пять.

Гном бросает в микрофон два коротких слова и говорит ставшую ритуальной фразу:

– Ну что, волчата? Никто не планирует жить вечно? Гулливер, давай!

Гулливер, согнувшись едва не вдвое, отводит для удара ботинок сорок седьмого размера. Люк чуть-чуть просел – как раз на толщину шва. Шов хитрый, прилагать чрезмерных усилий не надо – двухтонная овальная громадина замерла в неустойчивом равновесии. Сейчас будет немного шумно. Бронеплита рухнет с грохотом и дальше счет пойдет на секунды и терции...

Гулливер мощно вдохнул и...

¹ ПББС – прибор бесшумной и беспламенной стрельбы. Порой весьма полезная штука.

* * *

Крохотная клипса в ухе ожила. Голос Гнома:

– Капитан, начинаем!

Ну вот и все. Конец переговорам. Но разговор не окончен. Надо отвлечь Профессора и тех, кто рядом с ним, отвлечь в последний раз. И он сказал первое пришедшее в голову:

– Марченко! Срочное сообщение! К нам вылетела комиссия, два часа назад. Смешанная – Минобороны и Академия Наук. Можете...

Капитан осекся – из клипсы донеслись звуки, заставившие замолчать и схватиться за рукоять пистолета. Единственного у них пистолета, заряженного *особыми* пулями.

* * *

...и люк не выпал с адским грохотом. Люк выпал почти бесшумно – так, с легким скрежетом. Потому что он ввалился внутрь – прямо на Гулливера. Даже не ввалился – был с силой выдавлен, стремительно вылетел... И дальше все пошло очень быстро.

Гулливер не успевает ни отпрыгнуть, ни даже крикнуть – короткий хрип, мягкий хруст – все кончено. Никто не ужасается, никто не спешит на помощь – потому что вместе к плитой к ним вваливается и кое-что другое...

Черная косматая тень выстреливает из мрака живым снарядом – передовая тройка опрокинута, смята – но пытается подняться лишь один – безуспешно, булькая рассеченным горлом. Тень уже среди них, в самой середине – стрелять нельзя, кругом свои – и они не стреляют, но только в первые секунды, обошедшиеся слишком дорого. Крики, стоны, хрипы. Короткий рык. Первая очередь – серия негромких хлопков. Потом – со всех сторон – те, кто еще жив. Туннель кишит свинцом. Пули рвут спертый воздух, рикошетят от стен. Пули убивают своих. Фонари брошены, фонари хрустят под ногами – света все меньше. Тень мечется окровавленной молнией. И, фоном – чей-то долгий крик – высокий, однотонный, пронзительный. Стрельба гаснет – магазины пустеют, менять некогда. И почти уже некому...

Гном бросает бесполезный автомат – тень не боится пуль. Кровь на глазах – лоб прободило рикошетом. У него есть секунда, много две. К заряду! Щиток – четыре винта по углам, плексиглас полтора сантиметра. За спиной все заканчивается – слишком быстро. Гном бьет. Один удар, повторять некогда – кулак расплюснен, под лопнувшей кожей – месиво. Но щитка больше нет. И тут же – убийственная хватка сзади, дикая боль в шейных мышцах. Пасть сжимается, позвонки хрустят. Он падает вперед, на заряд, пальцы здоровой руки – запредельным усилием – на рычажок тумблера. Дернуть сил нет. Все быстро меркнет.

Потом, когда Гнома безжалостно и стремительно рвануло назад, пальцы разжались – но через долю секунды. Рычажок замер вертикально – и медленно скользнул в другое положение. Всего рванувшегося наружу света и пламени уже не хватило, чтобы рассеять поглотившую Гнома тьму...

* * *

Два звена «крокодилов» уходили на запад, к Ижме. Центральный блок корчился в агонии. Что могло гореть – горело. Что не могло – превращалось в ничто в белом термитном пламени. Близо не подойти, стояли в отдалении, пальцы на спуске – на всякий случай. Если вдруг рванется из огненного ада охваченная пламенем стремительная фигура. Не рванулась – вертолетчики сработали чисто.

Конечно, кануло и то, что надлежало демонтировать и вывезти... Но снявши голову... В нескольких шагах от Капитана тлела пачка машинописных листов, прошитых толстой суровой нитью – не иначе выбросило волной при первом заходе, когда ракеты «воздух-земля» вскрывали бетонные стены блока, прогрызая путь к главной цели. К клеткам.

Подошел, загасил, поднял – от штампа на титульном листе остался лишь край синей рамки и буквы: «...НО». Секретно. А то и совсекретно. Фамилии авторов уцелели: Марченко и Чернорецкий. Посмертный труд Профессора... Сунул за пазуху – негоже секретным документам валяться где попало...

У останков блока делать нечего. Капитан медленно пошел туда, где полтора часа назад земля вспучилась и опала гигантским нарывом – над туннелем. Над люком. Над группой Гнома.

* * *

В двухстах метрах – воронка, вокруг – желтоватый глинистый вал. Там не уцелел никто. Даже теоретически никто не мог спастись при взрыве в такой трубе. Это все равно что выжить, сидя в пушке главного калибра линкора, – при выстреле.

Капитан снимает сферу, короткие волосы слиплись от пота. Дорого им обошелся сумасбродный дурак Марченко...

Вдруг – боковым зрением – какое-то движение. Развернулся прыжком – на склоне земля шевелится, слегка бугрится, осыпается желтый суглинок. Словно на поверхность пытается выбраться растревоженный взрывом крот... Крот?

Лапа. Окровавленная лапа с пятью длинными, хищно загнутыми пальцами – слишком длинными для любого зверя. Капитан ошалело смотрит, как слепо скребут землю острые когти... Но рука знает свое дело, рука ныряет за пистолетом сама, не дожидаясь команды мозга.

Пули буравят землю – вглубь, туда, где кошмарный хозяин кошмарной лапы. Мерзлый суглинок разлетается в стороны и в какой-то момент Капитан понимает, что перед ним лишь оторванная кисть – белеют обломки кости, обрывок мышцы судорожно сокращается... Приставляет дуло почти вплотную и тремя последними патронами разносит страшноватую находку. Потом старательно вдавливая каблуком в грязь подергивающиеся ошметки. Отходит задом, не отрывая взгляда от воронки – но там тихо. На этот раз все закончилось. На этот раз...

Задание выполнено, можно докладывать Генералу.

Полигона больше нет.

Здесь – больше нет.

Часть первая

Весна: частный случай ликантропии

Место действия

Издавна невезучей деревней было Редкое Кузьмино. Старинной и невезучей.

Вроде рядом, пешком дойти – и Санкт-Петербург, и Царское Село, и тракты на Ригу, Варшаву, Киев, – но только рядом. А Кузьмино – в стороне. На отшибе. Двадцать верст от столицы – провинция. Глушь. Дыра. Безвестность...

Судьба редкокузьминцев не баловала. И если попадали они на страницы истории – повод тому бывал самый гнусный...

Например: в октябре семнадцатого схватились у деревни мятежные казаки Краснова-Керенского с усмирявшими их балтийскими матросами. Или, если глянуть по-другому, – мятежные матросы с усмирявшими казаками.

В исторические книги за этот факт Редкое Кузьмино хоть одной строчкой, да попало. Ценою славы оказались выметенные под ноль припасы да подпаленные амбары с сараями...

А в Великую Отечественную – и того хуже. Так уж остановился под Ленинградом фронт, что передовая прошла по Редкому Кузьмину, – и простоял всю блокаду.

Деревни не стало. Что не сожгли снаряды и бомбы – раскатали немцы на перекрытия блиндажей и землянок; жителей, понятно, из фронтовой полосы угнали на работы в Германию.

Мало кто сумел вернуться и восстановить родное пепелище. На всю деревню осталось четыре жилых дома. И Редкое Кузьмино ликвидировали, зачеркнули на карте – превратили в одноименную улицу соседнего поселка – Александровской.

Странная то была улица. Когда заканчивались последние участки, приходилось долго идти совхозными полями до четырех утонувших в зелени домиков. Хуторок в степи, да и только.

Даже письма не доходили – почтальоны и не знали такого адреса. А может, ленились месить грязь по весенней или осенней распутице.

Новая жизнь пришла недавно.

Загрохотала строительная техника. Полезли вверх, как поганки после дождя, двух- и трехэтажные виллы. Четыре домика-старожила выглядели на их фоне бомжами, не пойми как затесавшимися на великосветский раут.

Новые времена.

Новые дома.

Новые люди.

Лишь несчастливая аура Редкого Кузьмина осталась прежней.

Глава первая

1

Откуда женщина пришла в поселок, никто не заметил.

Откуда-то издалека – шагала через раскисшие поля не то из Шушар, не то с Киевского шоссе.

Самого факта прихода тоже не увидели – жильцов в новеньких коттеджах и виллах в этот будний день почти не оказалось – весна, не сезон.

Да и не все дома достроены, на двух или трех копошились бригады рабочих. Но они не обратили внимания на одинокую прохожую – на явившуюся с ревизией хозяйку она не походила.

Женщина брела по улице медленно, устало переставляя ноги в заляпанных грязью сапогах. Обходила самые глубокие лужи и внимательно приглядывалась к табличкам с номерами.

Миновав несколько участков, женщина остановилась. Красно-кирпичный особнячок, украшенный декоративной угловой башенкой, мало отличался от соседних домов. Но она шла именно сюда.

Двухметровый глухой забор казался непреодолимой преградой. Но фортецию еще не достроили – и гостя прошла между двумя столбиками-опорами, беспрепятственно оказавшись на частной территории. Опасливо осмотрелась – нигде ни движения. И не слышно ни звука.

Двери ее не заинтересовали, она аккуратно обходила особняк вдоль высокого фундамента, бросая вокруг настороженные взгляды.

За домом земля не возделана – трава, бурьян – попавший внутрь забора кусок поля. На границе с соседним участком – поблескивающий серым зеркалом воды пруд. Рубеж между участками весьма условный – низенькая, не доходящая до колена изгородь; похоже, отношения между соседями достаточно теплые...

Того, что женщина искала, не было. Она еще раз огляделась, напряженно и вместе с тем беспомощно; увидела – и тонкие губы растянулись в усмешке. В неприятной усмешке.

Это оказался не колодец, как она надеялась. У фундамента – невысокое сооружение, маленькая кирпичная тумба. Она подняла оцинкованную крышку и заглянула вниз – так и есть, толстая труба водяной скважины, а шланг и провод, надо думать, идут к погружному насосу. Пальцы вцепились в холодную резину шланга, тянули и одновременно вращали – не успевший прикипеть патрубок соскочил неожиданно легко, тоненькая струйка неслитой воды полилась из трубы на землю и тут же иссякла.

Женщина выпрямилась и какое-то время стояла неподвижно; губы беззвучно шевелились.

Она достала из поношенной сумочки странный предмет – стальной цилиндр сантиметров двадцати в длину, с плотно, на мелкой резьбе, завинченной стальной же крышкой. На боку цилиндра – желто-красная эмблема. Знающий человек сразу сказал бы, что этот знак читается как «Биологическая опасность!», и держаться от него стоит подальше. Но и знающих людей, и даже полных невежд поблизости не было.

Крышку женщина отвинтила осторожными, уверенными движениями, свидетельствующими об опыте в таких делах. Извлекла из цилиндра большую запаянную ампулу, обернутую в мягкий уплотнитель. Аккуратно вложила ее в черный зев шланга и стала надевать обратно на трубу – пальцы действовали с филигранной точностью, как у минера, развивающего мину неизвестной конструкции.

Восстановив статус кво, она постояла пару минут, оглядывая дорогу с прилегающими участками, снова беззвучно что-то прошептала и изо всех сил, двумя руками, стиснула резину шланга.

Лицо стало страшным – как у матери, душащей голыми руками укусившую ребенка гадюку. Слабый звук ломающегося стекла она не услышала – почувствовала сквозь слой резины, как хрустнула и сплюснулась ампула – и тут же сделала шаг назад, потом второй, развернулась и быстро, не оглядываясь, пошла прочь...

Куда ушла женщина из поселка, тоже не видел никто. Сутулящаяся фигурка, медленно уменьшаясь, исчезла вдаль – может, двинулась через раскисшие поля к Киевскому шоссе, а может быть, свернула к Шушарам...

2

– Смотри-ка, права мама! Закончили дорогу, джип теперь не нужен... – удовлетворенно констатировал Колыванов, когда они свернули с шоссе и новенький асфальт зашелестел под колесами.

Саша молча кивнул.

Он сидел на переднем сиденье, прижимая к груди компакт-удочку (подарок отчима на недавнее одиннадцатилетие). Импортной чудо-снасти предстояло показать в грядущие выходные свою воспетую рекламой уловистость в поединке с кузьминскими карасями. И Саша предвкушал поражение привыкших к грубым деревенским снастям карасей – поражение с самым разгромным счетом.

Колыванов не стал втягивать пасынка в разговор.

Все четыре года отношения с ним он выстраивал осторожно и медленно. И добился в конце концов своего: от резкого неприятия – через признание неизбежным злом – Саша пришел к уважению, и к пониманию, что матери этот человек необходим и дорог... Обладая жестким характером, с пасынком Колыванов постоянно держал себя в руках, опасаясь раз и навсегда нарушить хрупкое равновесие...

...Подъезжая к дому, Колыванов, как и всегда, испытал странное чувство – сродни отцовскому.

Своих детей он как-то не завел – и сначала любимым детищем стала фирма: организуя и раскручивая бизнес, сбивался с ног и недосыпал, не знал, что такое отпуск и воскресный отдых, – совсем как любящий родитель у колыбели долгожданного первенца. Сейчас, когда дело наладилось, потеряло прелесть новизны и превратилось в рутину – Колыванов не на шутку увлекся обустройством загородного дома. Конечно, была еще Катя, но...

Но Катя не была в его жизни увлечением, она была самой жизнью, по крайней мере большей и лучшей ее частью...

Притормозив у ворот, Колыванов бросил взгляд вправо – Горянин, похоже, пока не приехал – говорил, что под конец недели накопилась куча дел в городе... Их коттеджи, разделенные небольшим прудом, строились по одному проекту и, развернутые декоративными башенками друг к другу, казались зеркальными отражениями.

Давно, лет двенадцать назад, два иногородних студента, Миша Колыванов и Денис Горянин, жили в одной комнате общежития и мечтали сделать карьеру не инженеров-программистов, а удачливых бизнесменов.

И сделали – Горянин бросил учебу на четвертом курсе, Колыванов дотянул до диплома, вовсю уже занимаясь ларечно-кооперативной коммерцией.

Первое время плечом к плечу шагали тернистым путем зарождающегося капитализма, затем пути их разошлись, хотя из виду друг друга не теряли и дружбу сохранили. Воротилами и олигархами не стали, но оба твердо стояли на ногах, сами относя себя к среднему классу (хотя грезящие реквизициями и раскулачиваниями сограждане наверняка считали их богатыми буржуями-кровопийцами).

Год назад друзья приобрели два недостроенных коттеджа в Александровской, в элитной пригородной зоне – после дефолта дешевого недостроя продавалось много... И Колыванов успел полюбить это место.

...Они разгрузили сумки с вещами, Колыванов загнал машину в гараж.

Саша, с прошлой осени на даче не бывавший, побежал к пруду – проверить, как перезимовали его ненаглядные карасики. А Колыванов, не появившийся в Александровской три недели, отпер дверь и заглянул внутрь с легкой тревогой: все ли в порядке?

На вид всё так и было – в порядке.

3

– Виктор Эльдарович!? Ну в чем я виновата? В том, что это обнаружила? По счету ведь все сходилось и могло сходить долго... – глаза Аллочки быстро наполнялись слезами.

В голубом костюме биологической защиты, с коробкой дыхательного аппарата на боку она немного напоминала инопланетянку из малобюджетного фантастического сериала – весьма симпатичную, надо сказать, инопланетянку.

Как и все лаборантки, Алла была влюблена в Виктора Эльдаровича. Высокий, стройный, с интеллигентным и мужественным лицом, он в сорок семь лет (в которых признавался) или в пятьдесят три (столько стояло в паспорте) действовал своей роскошной шевелюрой с легкой проседью на девушек Лаборатории без осечек.

Но сейчас Аллочка смотрела на него с удивлением, переходящим в страх – Виктор Эльдарович казался не похож сам на себя. Лицо исказилось так, будто от единственной пропавшей ампулы зависели все его планы на жизнь и карьеру.

Аллочка ничего не понимала, но безумный взгляд Виктора Эльдаровича подействовал на нее заражающе – поднималась паника, объяснения превратились в бессвязный лепет.

Он, похоже, не слышал ее оправданий; резко встал и направился к выходу:

– Посиди здесь. Никуда не выходи.

Услышав, как ключ дважды повернулся в замке (запер!?), Аллочка вскочила и тут же бессильно опустила обратно; не пытаясь сдерживаться, заплакала – окрашенные тушью слезы зазмеились по сразу ставшему некрасивым лицу...

Глава вторая

1

В доме ничего не изменилось, в доме все оставалось по-старому, – а значит, Колыванову было здесь хорошо. Он отключил сигнализацию, занес вещи; прошел к небольшому электрощитку, висящему над дверью кухни – нажал белую клавишу – что-то зажужжало, защелкали реле.

Колыванов вышел на улицу, прислушался – насос в скважине трудолюбиво гудел, через час водонапорный бак под крышей наполнится – но водой можно пользоваться уже минут через десять... Эту систему Колыванов поставил в ожидании, пока до Редкого Кузьмина дотянут обещанный водопровод, – а теперь сомневался, так ли уж ему нужна пахнущая хлоркой городская вода.

По какому-то геологическому капризу природы скважины у соседских домов бурили метров по пятнадцать глубиной, не больше, – а у Колыванова вода пошла лишь на сорок втором метре. Он ругался, бурильщики (бравшие деньги с каждого пройденного метра) виновато разводили руками, но результат окупил затраченные нервы, деньги и усилия – вода оказалась необычайно вкусная и чистая, с приятным привкусом минералки.

Знающие люди говорили, что скважина угодила в другой, более глубокий водоносный слой. Правда, Катя с подозрением относилась к подземным водам всего в двадцати километ-

рах от гигантского города, говоря, что туда может просочиться самая ядовитая гадость... Но Колыванов пил и похваливал.

Он как раз набирал кувшин своей любимой воды, когда в кухню вбежал Саша.

– Ну, как караси перезимовали? – с легким скепсисом спросил Колыванов. Выросший в низовьях Волги, население здешних водоемов за рыбу он считал довольно условно.

– Вот такие у травы плещут! – Саша раскинул было руки истинно рыбацким жестом, но устыдился и свел их до размеров десертной ложки. – Побегу червей накопаю, а с утра – на зорьку. Будильник я взял, не просплю...

– Говорят, километрах в двух отсюда, на Кузьминке, даже раки водятся. Будет потеплее вода, сходим обязательно... – при мысли о красных, дымящихся раках Колыванов мечтательно зажмурился. – Не хочешь водички попробовать?

Во время разговора он медленными глотками, как специалист-дегустатор, прихлебывал из стакана воду.

– Не-а, мама не разрешает... – и Саша налил себе из большой, привезенной с собой пластиковой бутылки.

«Маму слушаться, конечно, хорошо, – подумал Колыванов, осушая второй стакан. – Но когда она далеко и не видит... Ладно, куплю и поставлю фильтр, аквафор какой-нибудь...»

За окном мяукнул автомобильный сигнал. Он выглянул – так и есть, Денис приехал. Один, лишь с заднего сиденья выглядывает меланхолическая морда Филя. Любимой собаки Горянина.

2

Капитан, в отличие от Аллочки, прекрасно понимал, что такое штатм-57. И чем грозит его исчезновение. Но в панику не впал, не умел он впадать в панику.

Главное – сразу взять ситуацию под контроль. Для начала успокоить Виктора Эльдаровича (или Доктора – под этим псевдонимом тот фигурировал в разговорах узкого круга посвященных).

Доктор уже мандражирует, если его истерия начнет распространяться – конец всему.

– Кто еще знает?

– Л-лаборантка, Аллочка... Больше никто, мы с ней по инструкции... двумя ключами...

– Где она?

– У м-меня в кабинете, я запер на всякий случай...

Хм, молодец Доктор, испугался или не испугался, а сделал все как надо. Ладно, пусть девчонка посидит немного под замком, ничего страшного.

– Как все обнаружилось?

– Дикая какая-то случайность! Все проходило согласно инструкции – сорок восемь контейнеров в сейфе-термостате, каждый изымался с записью в документах... Сегодня м-мы с Аллой забирали один, и... и она заметила... не понимаю, как т-такое могло получиться... фантазматория какая-то...

– Спокойнее, Доктор. Ну что вы там нашли? Затаившегося Джеймса Бонда?

Незамысловатая шутка, казалось, слегка успокоила Доктора. По крайней мере, мямлить и заикаться он перестал.

– Один контейнер оказался с Ag-257. Это разновидность быстродействующего...

– Я знаю, чего это разновидность... – мягко сказал Капитан, имевший все мыслимые допуски. – Как такое могло произойти? Ведь каждый контейнер имеет маркировку на крышке?

– Маркировка смылась. Возможно, капнули реактивом... остались две цифры: 57. И Алла заметила, что они не по центру... Вскрыли – ампула другая...

– Если произошла банальная путаница, то пропаша должна быть среди 257-го, так?

– Ну, 257-й не проходит даже по первому списку, безобидный препарат серебра... и почти не оправдавший возлагавшихся на него надежд... строгого учета не ведется... Но мы проверили! Его там нет! Нет!!! Вы понимаете, что это значит?! Да если...

Успокоенный было ледяной бесстрастностью собеседника, Виктор Эльдарович вновь срывался в пучину паники.

Капитан, не отвечая, резко встал, подошел к сейфу, отпер – все молча. Повернулся к Доктору, держа в руке пистолет. Подавившийся очередным восклицанием Доктор смотрел на него ошалевшими глазами.

Капитан усмехнулся жестко, вложил пистолет в кобуру (бывший в ней газовик небрежным движением отправил в сейф); достал плоскую бутылку, налил половину стакана; подумал – долил доверху. Поставил перед Доктором:

– Выпейте. Подождите пять минут, зажмите антиполицаем и отправляйтесь к вашей лаборантке. Версия следующая: исчезнувший препарат имеет большое значение для вас лично, речь идет о первенстве в создании *безвредных* генетически измененных продуктов. Вопрос стоит принципиально: мы или Америка. На кону почет, всемирная слава и большие деньги, – потому так и разволновались. Убедительно излагайте, Доктор... Разговор запишите.

На стол, рядом с коробочкой антиполица, лег диктофон. К Доктору, механическим движением робота заглотившему коньяк, медленно возвращались естественные цвет и выражение лица.

Ну и славно, пусть идет и сделает все как надо, поскольку что на кону не почет и не слава, а жизни.

Много человеческих жизней.

3

– Нет, Миша, переходи на упрощенку и не раздумывай! – Денис говорил горячо и убежденно.

Они ужинали на горянинской даче (Саша лег пораньше, в видах утренней рыбалки).

На столе – водка «Абсолют» – Горянин отчего-то считал, что только ее пока не подделывают; легкие закуски, в основном из консервных банок – Денис до сих пор не женился и отсутствие женской руки в его доме чувствовалось. Бывали, конечно, мимолетные подружки, куда от них денешься... Но такие связи Горянин не затягивал, и на люди с очередными пассиями старался не показываться.

Пили немного – оба не злоупотребляли.

– Оборот у меня великоват для упрощенки, – ответил Колыванов, лениво пытаясь зацепить вилкой скользкий и хитрый маринованный шампиньон. Сегодня, вечером пятницы, говорить о работе ему не хотелось.

Горянин, наоборот, всеми мыслями оставался в делах. Выравшись на сегодняшний вечер за город, завтрашнее утро он вновь планировал провести в Питере. Упрощенная система налогообложения стала очередным бзиком Дениса, он вообще легко увлекался новым и неопробованным, в отличие от более осторожного Колыванова.

Впрочем, порой ему удавалось заинтересовать и друга своими придумками – например, покупка этих двух коттеджей была целиком идеей Горянина.

– Ну и что? – настаивал Денис. – Подумаешь! Я вот разбил контору на три якобы независимых фирмы – и все нормально, по обороту все проходят... Надо будет – четвертую зарегистрирую. Зато можно спокойно торговать с любой наценкой и не зарывать прибыль вечными обналочками...

– Хорошо, я все продумаю и просчитаю, – равнодушно сказал Колыванов.

Может, в этой мысли действительно что-то есть, но обдумывать ее он станет за своим рабочим столом, в понедельник, не раньше.

И, чтобы перевести разговор, Колыванов спросил, когда, наконец, к их части поселка подведут газовую ветку. Но Горянина подобные проблемы интересовали мало, для несчастных кулинарных порывов ему и его девицам хватало микроволновки с электрогрилем, да стоявшего во дворе мангала.

– Ну, это ты зря, Денис, – мечтательно сказал Колыванов. – Микроволновки ерунда, для настоящей готовки нужен живой огонь; попробовал бы ты, какой у Кати получается гусь на противне! Вкуснота – аж зубы ноют...

Он замолк, не закончив фразу, пораженный неожиданным ощущением, – у него действительно вдруг заныли все зубы. Черт, с чего бы, ведь недавно побывал у стоматолога... Торопливо ухватил со стола рюмку, подержал водку во рту, не проглатывая – ноющая боль постепенно исчезла.

Лежавшая у ног Горянина Филя глухо заворчала, не понравился ей резкий жест Колыванова.

Он глянул на нее подозрительно, с самого детства испытывал неприязнь к крупным собакам. Почему – Колыванов и сам не знал, вроде никогда его псы не кусали. Вполне возможно, что какая-нибудь шавка напугала карапуза Мишу в нежном ясельном возрасте – воспоминание стерлось, а затаенный страх остался...

Филя, с ее огромными челюстями, беззаботно носящаяся без поводка и намордника по горянинскому дому и по их смежным участкам, как-то Колыванову не очень нравилась.

Друг отметал все намеки, утверждая, что псы редкой породы филя бразильеро выводились исключительно для охоты на беглых негров-рабов, и на белого человека броситься не могут генетически. Колыванов возражал, что прямое дело овчарок – помогать пасти овец и отгонять волков; но и людей они треплют так, что любо-дорого...

Впрочем, Филя (у которой первая часть названия породы по прихоти Дениса стала кличкой) ничем подозрений Колыванова не оправдывала: не нападала ни на людей европейской внешности, ни на понаехавших таджикских цыган, цветом кожи мало отличающихся от бразильских негров.

И даже на кошек смотрела равнодушно...

Глава третья

1

Объявленная Капитаном тревога А-3 ничего особенного из себя не представляла.

Случалось ему работать и при тревоге А-1 – несколько лет назад, на Полигоне – тогда пришлось хлебнуть лиха. В те дни он был не капитаном, всего лишь старлеем; да и сейчас не носил этого звания, хотя псевдоним приклеился намертво – в шкафу висел китель с майорскими погонами. В тридцать один год вовсе даже неплохо. Звания у них получали быстро – кто выживал...

Но тревога А-3 тоже не сахар. Четыре часа кропотливых поисков результата не дали – подозрение, что контейнер покинул Лабораторию, постепенно перерастало в уверенность.

Это кардинально меняло ситуацию для Капитана лично. За внутреннюю безопасность отвечал Седой, внешнюю обеспечивал Капитан. И девяносто пять процентов за то, что тут не халатность или небрежность, а подготовленная и проведенная извне акция.

Четыре часа персонал и охрана искали пропажу в соответствии с легендой Капитана, изложенной Доктору и Алле. С одним существенным дополнением: было объявлено, что исчез-

нувший биопрепарат для человека является смертельным ядом, не имеющим антидотов... И вызывает не мгновенную, но крайне мучительную смерть...

...Шесть человек, собравшихся у Капитана, не нуждались в легендах и знали про штамм-57 все. И разговор у них складывался тяжелый.

Как ни удивительно, самым равнодушным казался Доктор – приложившись еще раз к бутылке Капитана, сидел в углу молча, курил и ни на что не обращал внимания... Остальные заметно нервничали, и своим вступлением Капитан заставил их нервничать сильнее.

– Ну что, доигрались? Привыкли, что все тихо и гладко, обленились... И проглядели крысу под самым носом! Но я скажу вам одну вещь. Вы – единственные в Лаборатории, кто знает, что пропало. И если крыса – один из вас, то я обещаю, что никакой выгоды он из кражи не извлечет. Никакой и никогда. Где бы и как бы ни всплыл 57-й – если можно протянуть к кому-либо из вас хоть тоненькую ниточку... Расследований не будет. Официальных обвинений не будет. Судов и адвокатов не будет. Будет пуля в лоб. Вот из этого пистолета...

Пистолет, казалось, сам выскочил из кобуры на ладонь Капитана и тут же нырнул обратно. Присутствующие молчали, знали – как сказал Капитан, так и сделает. И рука не дрогнет. А он продолжил:

– Но пока допустим, что крысы между нами нет. И над нами нет... – палец Капитана устремился к потолку, но все поняли, что имеет он в виду не чердачные помещения. – Излагайте соображения, даже самые дикие и фантастичные, отрабатывать придется все. А начнем мы с вас...

Капитан подошел и уселся на край стола, за которым сидел Деточкин.

Под пристальным взглядом тот мялся, ерзал по стулу и всеми силами создавал у присутствующих впечатление, что именно он прямой и непосредственный виновник исчезновения 57-го...

Но как раз его Капитан ни в чем не подозревал. Однажды, несколько лет назад, Деточкин уже крупно погорел на частном гешефте без отрыва от служебных обязанностей – когда разработанный им приборчик, дистанционно отключающий все известные системы автосигнализаций, оказался одновременно на вооружении и Конторы, и угонщиков-профессионалов. Неприятных впечатлений Деточкину (тогда же и заработавшему свое прозвище) хватило надолго.

Капитан был убежден, что однажды обжегшись, второй раз их главный технарь ни в какую авантюру не полезет. Именно потому, что у любого знакомого с его личным делом становился подозреваемым номер один.

– Ну... это... я думаю... если полста седьмой выносили... так ведь в контейнере? Правильно ведь? Как же без контейнера? Упадешь, споткнешься... и все! При такой концентрации, ведь это каюк... сразу... Так ведь?

В поисках поддержки Деточкин обернулся к Доктору. Но тот молчал, уйдя в глубины размышлений. И Деточкин продолжил так же сбивчиво:

– Я вот и думаю... металлодетектор... ломался... четыре дня в апреле не работал... тогда и вынесли... иначе как же... ведь толкнул в троллейбусе... и привет, станет полный салон, хе-хе, объектов...

– Если выносили по заказу, то заказчик вполне мог предоставить полимерный или керамический контейнер... А вот ждать случайной поломки детектора чревато, – мрачно сказал Капитан. – Но отработать стоит. Тогда пустой контейнер должен остаться здесь, в Лаборатории. Будем искать.

– А может, и не пустой. Бывает вещи так теряются, что через три года найдешь и сам понять не можешь: ну как ее туда занесло? – Седой недоуменно развел руками. – Вот, помню, у меня на даче...

– Скажи лучше, что с прослушкой? – оборвал Капитан его неуместные воспоминания.

– Что, что... Уши только распухли и у меня, и у Руслана... Вон, видишь? – и он откинул длинную прядь седеющих волос. Капитан глянул на него зверем, и Седой тут же перешел на официальный тон:

– Докладываю: сегодня персонал отпущен домой после поголовного личного досмотра. Результат нулевой. Проверены телефонные переговоры за последнюю неделю – внутренние и внешние. Ничего конкретного. Выделено двадцать шесть фраз, похожих на кодовые. Типа «Привезла с дачи одну банку маринованных огурцов». Будем слушать дальше, а завтра попробуем поработать с любителями огурчиков... Но сдастся мне, сплошь пустышки...

– А чего ты ждал? – неожиданно пробасил Эскулап и затанулся очередной беломориной, выпустив на окружающих струю сизо-вонючего дыма. – Ты думал, кто-то скажет, что только что стырил порцию 57-го и желает продать? А голос с забугорным акцентом ответит: «Я есть давать десять тысяч доллар и не одын цент больше»...

Эскулап сидел в грязном, давно не стиранном халате – толстый, лысый, бородатый, как всегда крайне циничный. Не боялся никого и ничего, уверенный, что уж без него Лаборатория никак не обойдется – и основания для такой уверенности имелись веские. Но сегодня все карты перемешались, вчерашние тузы стали не дороже шестерок... И Капитан посмотрел на Эскулапа с нехорошим интересом. Тот продолжил:

– Почему, собственно, вы все решили, что гипотетический похититель знал, что выносит? Логика может быть простой: если что-то так берегут и прячут, значит, хороших денег стоит. А тут вдруг внезапно под руку подворачивается контейнер, вроде как и неучтенный. И срабатывает инстинкт хомяка – схватить и утащить в норку. Либо кража чисто случайно совпала с поломкой вашего детектора, либо вынесли попросту, в кармане. В троллейбусах, кстати, сотрудники не толкаются, их развозка по домам доставляет...

– Зачем в хомячьем хозяйстве ампула с неизвестным препаратом, судя по маркировке, несомненно опасным? – несмотря на скептический тон вопроса, Капитан заинтересовался версией.

– Ну мало ли... Соседскую собаку на даче отравить. Крыс выморить. Или в криминальных целях – извести опостылевшую тещу ядом, от которого любой эксперт-криминалист свихнется. Да хомяки и не рассуждают, тащут все, что плохо лежит. Может ампула проваляться лет десять в кладовке и отправиться на помойку – при генеральной уборке.

– Хорошо. Тогда попробуйте обрисовать, что произойдет, если 57-й съест крыса. Или собака. Или теща. Если ампула разобьется в троллейбусе или мусорном бачке.

– Ничего хорошего не произойдет, – ответил Эскулап мрачно и серьезно. – Будут трупы. Это в лучшем случае. А вот в худшем...

2

Ночь стояла шикарная, теплая и безветренная, – до настоящих белых ночей оставался почти месяц, но все равно было светло – полная, чуть подернутая дымкой луна отлично освещала окрестности.

Он возвращался к своему коттеджу; перешагнул изгородь, разделявшую участки, стал огибать пруд... У берегов поквакивали лягушки, но как-то вяло, без того азарта, что три недели назад – май, пора лягушачьих свадеб заканчивалась; возле камышей кто-то шумно всплескивал, не иначе во-о-от такие Сашкины караси. Колыванов приостановился, вслушиваясь в звучный плеск, далеко разносящийся в ночной тишине, – и тут его прихватило по-настоящему.

Боль возникла мгновенно – резкая, пронзающая, дающая метастазы. Словно три десятка безжалостных щипцов вцепились во все зубы верхней и нижней челюстей – и тут же в ухо вонзилась и провернулась раскаленная добела игла – провернулась и прошла дальше, в глубь

черепа, который моментально превратился в гранату с выдернутой чекой – и мозг взорвался ослепительной белой вспышкой...

Колыванов застонал. Он сразу понял, что с ним, и что будет дальше; побежал к дому, спотыкаясь, ничего не видя вокруг за ослепляющей стеной боли...

...Началось с ним такое давно, когда Колыванов был двадцатилетним студентом: в один отнюдь не прекрасный день у него заболели зубы – вся правая половина верхней челюсти, резкая боль отдавалась в ухо и в височную часть черепа...

Врачи прогнали по кругу – лор, стоматолог, невропатолог, – но вятного диагноза не поставили. Выписали рецепт на пенталгин – сказали, поможет.

Таблетки, действительно, на два-три часа доводили боль до терпимого уровня, позволявшего даже посещать институтские лекции. Через какое-то время приступы прекратились, и Колыванов мало-помалу забыл неприятный случай. И не вспоминал почти три года.

Через три года все повторилось, и в значительно худшем варианте. Деньги у него уже водились, обратился к частным медикам, но результат не обнадежил – диагностировали воспаление тройничного нерва.

Можно было покончить с ним раз и навсегда, проведя несложную операцию-рассечение. Но подвижность и мимика правой стороны лица весьма бы отличались от аналогичных функций стороны левой.

А можно было заглушить боль анестетиками, дождавшись неизбежного улучшения – но тогда приступ мог повториться через непредсказуемый срок – может, через месяцы, может, через годы...

Колыванов от операции отказался, резонно рассудив, что отрезать что-либо куда проще, чем пришить обратно. К тому же случайно он обнаружил прекрасное обезболивающее, продаваемое без всякого рецепта – сто грамм водки или аналогичного по градусности продукта снимали без остатка на час-другой все симптомы. Два приступа за последние восемь лет Колыванов пережил успешно, но с такой силой накатило впервые...

...Он влетел в дом, не закрыв двери, бросился к шкафчику, где хранил запас дешевой водки – премию для достраивавших дом работяг. Другого спиртного на даче не оказалось.

Крутанул пробку, срывая резьбу, искать стакан было некогда, приложился к горлышку; пищевод бурно запротестовал, когда по нему покатила тепловатая жидкость с отвратным запахом плохо очищенного спирта.

Подождал, держа бутылку в отставленной руке – никакого эффекта, резкая боль продолжала разрывать изнутри челюсти – снова приник к горлышку и долго не отрывал от губ.

Наконец подействовало, кровь зашумела в ушах, привычная обстановка гостиной виделась как сквозь слой воды или толстое, чуть мутноватое стекло – но боль, проклятая боль отступила.

Колыванов тяжело опустился на стул, его подташнивало, во рту стоял омерзительный вкус – тут же поднялся, подошел к крану, нацедил большую кружку, пил жадно, знаменитая вода проливалась на рубашку; допил и медленно, пошатываясь, направился в спальню.

Два полных стакана дешевого пойла делали свое дело все быстрее и быстрее. Раздеться не осталось ни сил, ни желания, – Колыванов рухнул поперек кровати. Яркие красно-желтые пятна перед его закрывшимися глазами вращались все быстрее, сливаясь в творение абстракциониста-наркомана – и сопровождающий вращение звук становился выше и выше, устремляясь в ультразвуковую область. Потом исчез и он, и абстрактная картина – Колыванов провалился в липко-черную яму сна без сновидений.

Глава четвертая

1

Доклад Марченко-Чернорецкого (уцелевший фрагмент)

...еще в сохранившемся в отрывках трактате «Miraculumus», приписываемом древнеримскому ученому Салюстию (I век до н. э.).

Но первые действительно научные опыты по физиологии и биохимии ликантропов связаны с именем русского патологоанатома и инфекциониста Г. Н. Минха (1836–1896). Минх (не используя термин «ликантропия» и др. аналогичные термины), опубликовал в 1893 году работу «О некоторых аспектах генезиса и лечения миопатии», в которой подвергал сомнению наследственно-хронический характер миопатии (болезни мышц, ведущей к их ослаблению и атрофии) и предлагал на основе проведенных опытов методику ее лечения инъекциями сыворотки крови лиц, страдающих мышечным гипертонусом. Судя по описанию, по меньшей мере в двух случаях для приготовления сыворотки использовалась кровь ликантропов в фазе ремиссии. Дальнейшая судьба получивших инъекции больных неизвестна.

Минх совершенно правильно предположил инфекционную природу некоторых изменений мышечной ткани, но, естественно, без возникших в 50-е годы XX века методов рентгеноструктурного анализа белков не смог определить мутацию миозина мышц ликантропов, повышающую КПД протофибрилл по сравнению с нормой в 9—12 раз.

Обстоятельства смерти умершего на шестидесятом году жизни Г. Н. Минха до сих пор загадочны – известно лишь, что вскрытие не проводилось и тело, согласно последней воле усопшего, кремировали в течение считанных часов после его смерти. В связи с изложенным представляет особый интерес тот факт, что практически все опыты Минх проводил первоначально на себе (в частности, в 1874 году доказал таким образом заразность крови больных возвратным тифом). Лабораторные журналы Минха за последние три с лишним года не обнаружены, но по некоторым свидетельствам, самые последние его работы были связаны с регенерацией и заживлением ран.

2

– Какая вероятность, что 57-й сработает случайно и спонтанно? Сработает так, что мы получим на выходе *объект*? – голос Капитана звучал хрипло и устало; он закурил очередную сигарету и тут же погасил ее в переполненной бычками пепельнице – дышать в прокуренной до невозможности комнате без окон становилось все трудней и трудней, но совещание продолжалось. Все более- менее благоприятные возможности они перебрали и подошли к самой гнусной.

– Вероятность исчезающе мала... – Капитану показалось, что в тоне Эскулапа сквозит легкая неуверенность. – Концентрация в ампуле смертельная, примерно три тысячи единиц... И если даже 57-й случайно или намеренно разведут до нужной пропорции и угостят кого-нибудь таким коктейлем... Надо думать, клиент или загнется от болевого шока, или вызо-

вет «скорую» и окажется в больнице с вполне опознаваемыми симптомами – жар, постоянная жажда и резкая боль во всех костях в сочетании с бурным ростом волосяного покрова. И это все на фоне достаточно характерных галлюцинаций... Без наблюдения специалистов и без введения комплекса тщательно сбалансированных препаратов, подавляющих побочные эффекты, удачная мутация практически невозможна.

Капитан быстро взглянул на Седого и Руслана. Седой кивнул в ответ, сделав пометку в блокноте. Все в порядке, если кандидат в *объекты* действительно окажется на больничной койке, они его не пропустят... Но почему-то Капитану казалось, что Эскулап кое-что недоговаривает... И он спросил:

– А как тогда объяснить все зафиксированные факты спонтанной ликантропии? Насколько я знаю, таких известно немало, а никаким наблюдением или препаратами там и не пахло.

– Ну, на самом-то деле реальных ликантропов существовало куда меньше, чем можно вообразить при изучении легенд, сказок и мифов о них... Надо понимать, что каждый такой случай народной молвой тиражировался, превращался в бродячий сюжет. Черт возьми, мы три года мотались по медвежьим углам и вслушивались в маразматический лепет столетних бабок, пока...

Эскулап неожиданно замолчал на середине фразы и собравшийся оборвать его тираду Капитан ничего не сказал. Незачем трубить о том, что Эскулап со товарищи не только собирал всевозможные деревенские страшилки, но и активно разыскивал и раскапывал позабытые, позаброшенные могилы, часто расположенные снаружи кладбищенских оград и не имеющие никаких опознавательных знаков.

Раскапывал, пока не обнаружил в одной на удивление сохранившийся за многие десятилетия труп человека, человеком на деле только выглядевшего...

Но ни к чему оповещать собравшихся, откуда появился на свет вирус – далекий предок штамма-57... Штамма, превращавшего человека в крайне опасную, почти неуязвимую, смертоносную тварь.

Хотя почти все собравшиеся могли бы вычислить это, как вычислил в свое время сам Капитан. Да кое-кто и вычислил, недаром среди узкого круга сотрудников Лаборатории ходили упорные слухи, что в Виварии имеется некая секретная даже от них комната, своего рода кунсткамера, где хранятся вызывающие оторопь находки группы Эскулапа.

Среди прочего шепотом, на ухо, назывался человеческий череп с сорока восемью зубами; похороненный лет пятьдесят назад очень неприятного вида младенец, сердце которого до сих пор продолжает ритмично сокращаться; человек (?), место левого полушария мозга которого занимало странное медузообразное существо, пустившее отростки во все органы и явно находившееся при жизни в полном симбиозе с давшим ему приют организмом...

Капитан знал точно, что такой кунсткамеры нет (по крайней мере в Виварии). Знал и другое – дыма без огня не бывает. Но кто бы и о чем бы ни догадывался, история происхождения 57-го была запретной темой для разговоров при любых обстоятельствах. Эскулап и сам понял, что начал не о том, – и перевел стрелки на Доктора, так до сих пор и молчавшего:

– Ну, генетические особенности организмов, предрасположенных к ликантропии – это исключительно по части Виктора Эльдаровича... Я же отвечаю на конкретный вопрос: шанс, что в контакт с 57-м вступит человек, способный пережить мутацию и не загнуться, ничтожно мал – один из нескольких десятков миллионов. Иначе у нас под действием природных, гораздо более слабых штаммов в каждой рощице выл бы ночами оборотень... А по утрам спецмашины собирали бы остатки растерзанных тел...

Капитан поморщился. В Лаборатории даже между посвященными употреблять слово «оборотень» считалось дурным тоном. Предпочитали говорить «объект», «ликан», «объект W» и т. д.

А Доктор, как выяснилось, ушел в себя не настолько глубоко, чтобы не слышать своего имени. Впрочем, к генным особенностям ликантропии его речь не имела никакого отношения:

– Вы понимаете, о чем вы говорите? Так вот спокойно говорите? Нет, ни хрена вы не понимаете... Это Паломарес, биологический Паломарес...² Какая там к чертям больница, у всех сейчас в домашних аптечках навалом самых сильных обезболивающих... или штамм может попасть в организм наркомана, он перенесет мутацию под кайфом и ничего не поймет даже... Да и вообще, кто проверял действие 57-го на нормального и здорового человека, не страдавшего от недоедания и хронических заболеваний? Никто не проверял! Вспомните, кем были раньше *объекты*... Какой там один шанс из миллионов... если кто-то и умрет от сверхударной дозы, то остаются те, кто попытается его спасти, и кто станет его вскрывать, и хоронить... Это будет не Паломарес, это будет биологический Чернобыль, Хиросима и Нагасаки, вместе взятые... Мы не можем допускать и предполагать даже в порядке горячего бреда... ни малейшей вероятности того, что контейнер окажется вскрыт. Мы должны разбиться в лепешку, чтобы этого не случилось! И не одни мы! Ничего мы сами не сделаем... В городе должно быть объявлено чрезвычайное положение и биологическая тревога! Карантин! Обсервация! Перекрыть все выезды, искать чертов контейнер должны все: милиция, МЧС, армия, ФСБ, медики... Объявить награду по всем телеканалам, пообещать деньги любому, вернувшему 57-й, пусть он даже работает или работал в Лаборатории...

Доктор замолчал, выдохнувшись. Остальные тоже молчали, потрясенные неожиданным предложением. Пауза затягивалась, и нарушил ее Капитан, сказавший проникновенно и мягко:

– То есть вы предлагаете рассекретить деятельность Лаборатории? Предать гласности все результаты работы? Других способов поднять по тревоге силовиков я пока не вижу.

– Да! Все всплывет так или иначе, но если мы не вытащим голову из песка, всплывут и трупы, всплывут в таком кровавом болоте...

– Для начала всплывет *наш* Виварий... Точнее, ваш Виварий, – сказал Капитан медленно, словно рассуждая сам с собой. – Вы когда-нибудь слышали про доктора Менгеле³? Между прочим, что бы там ни говорить с точки зрения физиологии и генетики, юридически все *объекты* – до сих пор люди. И когда вы берете пилу и трепанируете им череп, то это не вивисекция животного. Это с точки зрения закона убийство. Садистское убийство.

Он в упор смотрел на Виктора Эльдаровича. Если Доктор сейчас не сломается, то ему отсюда не выйти. Его отсюда вынесут. Слова не важны, если в глазах не дернется страх, то не помогут ни уговоры, ни пленки, зафиксировавшие во всех подробностях проводимые Доктором операции...

Доктор сломался. Капитан с удовлетворением отметил, что направление мыслей собеседника изменилось, на место опасений за судьбы человечества пришла тревога о своей личной и персональной судьбе.

По лицу Доктора можно было читать, как по открытой книге – выражение обличительного пафоса исчезло, взгляд растерянно перебегал с одного собеседника на другого, пальцы нервно крошили сигарету. Но стоит подать немного назад, успокоить расшалившиеся интеллигентские нервы. И Капитан сказал:

– В любом случае решать вопрос о рассекречивании и привлечении сил со стороны придется не нам. Генерал должен вернуться через два дня. Думаю, получив сообщение о произошедшем, вернется раньше. Все наши соображения я ему доложу в сжатом виде. И буду, Виктор Эльдарович, настаивать на проведении в жизнь вашего предложения. Единственное уточне-

² В окрестностях испанского местечка Паломарес американцы умудрились потерять четыре атомных бомбы, сброшенных с самолета в результате нештатной ситуации (ни одна, по счастью, не взорвалась). Одна шлепнулась прямо на грядки крестьянского огорода, две других тоже отыскались быстро, а вот четвертую, рухнувшую в море на приличной глубине, искали и поднимали несколько месяцев.

³ Й. Менгеле – врач-нацист, ставивший садистские опыты на людях.

ние – посторонних привлекать надо втемную, сочинить убедительную легенду. Даже две, три, четыре легенды, если понадобится... Надо срочно и тщательно продумать, откуда в Лаборатории, официально занимающейся растениеводством, такие убойные снадобья. Но это утром, на свежую голову.

Он еще раз внимательно посмотрел на Доктора. Вроде успокоился, уже не рвется разоблачать и срывать маски; но все равно, пригляд за ним нужен...

Чтобы не повторилась история с Марченко.

3

Под утро Колыванову приснилась охота. Старинная псовая охота, многолюдная и зрелищная: захлебывались звонким лаем гончие-арлекины, рвались со сворок борзые; багроволицый, седоусый доезжачий⁴ изо всех сил трубил в рог «по зрячему», рискуя заработать апоплексический удар; выжлятники азартно науськивали спущенных со смычки собак...

Наверное, всё выглядело бы красиво и увлекательно, если бы не одна малость – дичью оказался он, Колыванов.

...Он метался на кругах по обширному, лесистому острову, не желая выходить в поле, под острые зубы борзых – метался почему-то на четвереньках; и, как ни странно, так бежать оказалось ему легко и удобно... Гончие заливались и справа и слева, пока невидимые сквозь густой кустарник. Он резко менял направление бега, сбивая их с толку – и всё же молодая и паратая выжловка пегой молнией прорвалась сквозь кустарник и замастерила по зрячему...

Остальные немного поотстали, но от переливов проклятой суки чудилось, что вся стая на хвосте, что он бежит медленно, что до борзых дело не дойдет и все кончится здесь, в острове, в быстротечной и кровавой схватке с гончими. Однако Колыванов не боялся – как ни удивительно, он ничего не боялся.

Он чуть сбавил темп, позволив выжловке сократить дистанцию, резко развернулся – и напал. Не ударил рукой или ногой – вцепился зубами в плечо, мотнул головой, вырывая, выдирая шесть и мясо, почувствовал на губах пряный вкус крови – коротко рыкнул, перекрывая жалобный визг выжловки – и снова понесся, закладывая широкую дугу вдоль края острова.

Но травили его мастера своего дела: еще три смычка гончих, наброшенных выжлятниками, рванулись наперерез, наседая, дыша в затылок, – и Колыванов поневоле вырвался из острова и понесся по полю, по пожухлой осенней траве. Хрипло проревел охотничий рог и в травлю включились борзые.

Он бежал быстро, но где уж было тягаться на открытом месте с этими четвероногими молниями, рожденными и выращенными для бега и только для бега. Отрыв от погони сокращался, Колыванов поневоле поворачивал, огибая препятствия: редкие кустики, кучи свезенных со всего поля камней, поросшие диким малинником – и борзые, мастера, срезали путь на каждом его повороте, приближаясь все больше и больше.

И все-таки он почти ушел – псы начали устать, а до другого, гораздо большего острова оставалось всего сотни полторы саженей, когда несущаяся первой борзая напрягла в предельном усилии готовые разорваться мышцы и связки – и преодолела-таки несколько разделивших их шагов, до глотки добраться не успевала, ухватила сзади и сразу подогнула лапы, повисла живым якорем.

Колыванов потерял темп, крутнулся колесом – сбросить, стряхнуть с хвоста помеху. Но тут же набежали остальные, вцепляясь мертвой хваткой повсюду: в бока, в загривок, в уши,

⁴ Здесь и далее: доезжачий – в старинной комплектной охоте руководил гончими; выжлятники – его помощники; остров – небольшой, окруженный полем лес; выжловка – гончая-сука; мастерица (для собак) – сходить со следа зверя, срезая путь напрямик; по зрячему – не спуская глаз с бегущего зверя; щипцы – челюсти (у борзых собак).

в ноги (или все же в лапы?). Впрочем, в свалку полезли не все, лишь самые злобные и вязкие, притравленные по крупному и опасному зверю – остальные, не меньше половины своры, поскуливая и повизгивая, плотно сбились чуть поодаль...

Глаза заливала кровь, не то своя, не то чужая. Он бился молча, ворочаясь под навалившимися со всех сторон телами, казавшимися ему слабыми и невесомыми. И, как бывает порой в таких дурных снах, укусы узких щучьих щипцов борзых не причиняли ему почти никакого вреда – он не чувствовал боли, мышцы работали великолепно, словно и не терзали их острые собачьи клыки.

А противникам доставалось всерьез, то одна, то другая борзая вылетала из кучи сплетенных тел – одни оставались лежать на месте, другие тут же бросались обратно, не обращая внимания на страшные раны и волоча за собой свисающие внутренности.

Он победил бы, он перебил бы их всех до единой, но по мягкой земле глухо зашлепали копыта – наезжали охотники. Передний, явно среди них главный, одетый в роскошный, сверху донизу расшитый серебром охотничий кафтан, предостерегающе поднял руку:

– Мой!

Спутники послушно придержали коней, и главный, подъезжая, протянул уважительно, с ударением на последнем слоге:

– Матеро-о-ой...

Но с седла не спрыгнул, не стал пытаться брать живым...

Колыванов видел всё урывками, не прекращая драки, но понял одно: надо убить, надо немедленно убить этого, самого опасного – тогда остальные не в счет, тогда они разбегутся или погибнут. Он изготовился прыгнуть, стряхнуть борзых, стряхнуть пусть даже с кусками собственной плоти, оставленными на собачьих зубах.

Охотник тоже выбирал удобный момент, свесившись с седла и перевернув плетть-камчу вверх тяжелым серебрянным шаром, венчавшим рукоять.

Колыванов успел первым, вывернувшись, выскользнув ужом из-под рычащей и взывающей груди; разминувся в полете с рассекшей воздух камчой и вонзил клыки в расшитую серебром грудь... нет, попытался вонзить – неведомая сила отбросила его, отшвырнула без всякого видимого удара, ошелолив на мгновение резкой, пронзившей насквозь болью...

Собачьих зубов, впившихся в его тяжело рухнувшее тело, он опять не почувствовал – мгновенно, как каучуковый мячик, оттолкнулся от земли и от затрещавших под лапами (или все же ногами?) вражьих костей, взмыл в воздух, целясь в глотку, в беззащитную, не укрытую проклятым металлом глотку.

На сей раз охотник не оплошал – серебрянный шар с маху вломился в висок Колыванову – тот почувствовал, как голова с отвратительным хрустом разлетается на куски – и это было безумно больно.

...Осколки черепа с огромной скоростью неслись к разным концам Вселенной, и каждый осколок беззвучно вопил от нестерпимой, ужасающей боли. Но что-то осталось, что-то осталось от Колыванова и на грешной земле, – и это что-то беспощадно вцепилось в горло врага, круша и разрывая мышцы, позвонки, артерии...

Он торжествующе взвыл, победно и яростно, несмотря на разбитую голову и забивавшее пасть кровавое месиво – взвыл так, что шарахнулись в стороны вроде ко всему привычные кони остальных охотников, а уцелевшие борзые начали пятиться, поджав хвосты, от залитого кровью места побоища.

Взвыл – и умер на самой высокой ноте своего победного воя.

Глава пятая

1

Разбудило его не солнце, как то обычно случалось.

Комнату для спальни Колыванов выбрал так, чтобы окна выходили на юго-восток, чтобы самые первые лучи восходящего весеннего или летнего солнца сразу же падали на его кровать, – был он «жаворонком», обожал вставать рано, на заре, и часто дразнил засоней любившую поспать Катю...

Но сегодня солнце, напрочь закрытое тучами, к его пробуждению не имело ни малейшего отношения, – проснулся Колыванов от размеренных и болезненных ударов по голове.

«Это проклятый охотник никак не уgomонится... что ему еще надо, он же убил меня, совсем убил... и умер сам...» – подумал Колыванов, просыпаясь; но уже в следующую секунду сообразил, что и охотник, и разбитая им голова остались там, за гранью реальности, в диком и безумном сне...

Гулкие удары по голове, впрочем, никуда от пришедшего понимания не исчезли, но после шестого или седьмого он опознал их... Старинные часы, это были стоявшие в спальне старинные напольные часы с маятником и в корпусе из резного дерева.

Но почему так много ударов? Утром их должно быть гораздо меньше... С этой мыслью Колыванов открыл глаза.

С часами творилось что-то неладное. Во-первых, они стояли не на своем обычном месте; во-вторых, продолжали бессмысленно и тупо отбивать непонятно какое время – Колыванов сбился со счета, но ему показалось, что с момента окончательного пробуждения прозвучало не менее двух десятков гулких «бо-бомм!».

Да и не только часы – вся обстановка казалась странной, непривычной, чужой...

Он повернул голову, пытаясь оглядеться и разобраться, что же не так в окружающем мире, – голова откликнулась ломящей болью, а глаза уперлись в деревянную поверхность, секундой спустя опознанную как ножка кровати. Он лежал на полу. Понятно...

В памяти Колыванова всплывали события вчерашнего вечера: ужин и разговор у Горянина, внезапно застигнувший на пути к дому приступ застарелой болезни, бутылка с дешевой водкой... Дальше воспоминания обрывались, никаких даже кусочков- обрывочков, только давешний сон, но и он быстро тускнел в памяти.

Колыванов повернулся на бок, сел, игнорируя возмущение протестующего организма; и тут же, не прерывая движения, встал на ноги.

Это, пожалуй, оказалось несколько опрометчиво – он пошатнулся, ухватился за спинку кровати, но остался стоять, пережидая слабость и головокружение. В разламывающейся голове билась одна мысль: существовать в таком состоянии невозможно, надо срочно поправить дело, вернуть организму хоть какую-то способность к функционированию...

Антипохмельных средств Колыванов за ненадобностью не держал, оставалась лишь надежда, что в аптечке найдется что-то от головной боли. И он нетвердыми шагами, опираясь на мебель, двинулся в сторону гостиной. Тот факт, что он абсолютно обнажен, Колыванов проигнорировал.

Даже не заметил этого.

2

Одна бутылка лежала на столе, вторая стояла рядом, полупустая.

Третья валялась на полу – уже в виде кучки битого стекла, Колыванов ее поначалу не увидел – заметил, наступив босой ногой на острый осколок, вонзившийся в ступню, тут же закровоточившую.

С трудом наклонился, тупо поглядел на поползшую из-под ноги липкую красную лужицу, на останки бутылки с синей этикеткой, от которых поднимался сивушный запах.

То ли от этого запаха, то ли от отвращения к самому себе Колыванова затошнило – он едва справился с сотрясавшими желудок спазмами и заковылял, стараясь наступать лишь на пятку, к настенному шкафчику-аптечке. Выгреб на стол все его содержимое, тяжело плюхнулся на стул рядом; первым делом выдернул из ранки на ступне застрявший неровный осколок и стал ртыться в куче разноцветных упаковок, сразу отложив лейкопластырь...

...Лекарства Колыванов мог позволить себе самые лучшие, сплошь импортные, и сейчас сей факт сыграл с ним дурную шутку – он болел редко, не разбирался в написанных на иностранных языках названиях, а ничего похожего на снадобья от мигрени, памятные из прошлой жизни, не попадалось. Никаких аскофенов, димедролов и пенталгинов...

Любой его соотечественник, регулярно созерцающий рекламу чудо-лекарств, мгновенно бы сориентировался в этом фармацевтическом бардаке. Да вот беда, немногие интересующие его передачи Колыванов смотрел в записи, с заботливо вырезанными рекламными роликами. А когда у него что-то болело, просил Катю дать что-нибудь «от живота» или «от головы». Дурацкая ситуация: сидеть перед грудой лекарств и не знать, какое так необходимо тебе сейчас...

Он взялся за пластырь и вату, решив для начала продезинфицировать и заклеить ранку на ступне. Однако, странное дело, стер с ноги кровь и обнаружил: края ранки плотно сошлись, она уже не кровоточит и не болит. Хмыкнул удивленно, но заклеил на всякий случай. Смахнул со стола кучу заграничной ерунды и решительно пододвинул недопитую бутылку. Народ недаром говорит, что клин вышибают клином, а подобное лечат подобным – не может ошибаться наш народ в таком волнующем и близко знакомом предмете...

С утра пролетарское пойло казалось еще гадостнее, долго болталось вверх-вниз по пищеводу, будто раздумывало: лечь ли мирно в желудок или извергнуться обратно; пришлось торопливо запить водой, все той же артезианской водой. Однако подействовало быстро, боль из головы и из всего тела помаленьку ушла, оставив странное ощущение, что Колыванов весь, с ног до головы, изнутри наполнен чем-то вязким и полужидким, грозящим при неосторожном движении прорвать оболочку и растечься по полу... Но способность мыслить вернулась и мысли были крайне гнусные:

«Да-а... Надо же так умудриться... и ни с того ни с сего... На первой бутылке праздник, надо понимать, не закончился... как жив-то остался после такой дозы... К счастью, похоже, из третьей большую часть разлил, уронив... Да, когда напивается малопьющий человек, это что-то...»

Пол охлаждал босые ступни, все тело наконец почувствовало озноб, и Колыванов отправился в спальню – одеться. Шел гораздо тверже, аккуратно обойдя валявшиеся на полу стекла.

Одежды ни на кровати, ни на полу не оказалось.

Ее вообще нигде не было видно...

3

Тяжелый день выдался сегодня не у одного Колыванова.

Два человека сидели за установленным в просторном кабинете столом, напротив друг друга. Молчали, курили, хотя у Капитана табачный дым вызывал уже стойкий рвотный рефлекс.

Помятый, невыспавшийся, он мало походил на себя вчерашнего – уверенного, жесткого и собранного, одним своим видом гасящего у коллег даже малейшие намеки на панику. Сейчас

он позволил выпустить наружу то, что на самом деле чувствовал: мрачную неуверенность, и радость – радость от возможности переложить груз ответственности на чужие плечи.

Человек, сидевший напротив, все знал, принимал все решения и по большому счету один отвечал за все происходящее в Лаборатории. Свои называли его Генералом – генералом он и был.

Казалось, есть что-то общее в выражении их глаз – карих у Капитана, васильково-голубых у Генерала. Говорят, в зрачке убитого навсегда остается облик убийцы. Криминалисты утверждают: ерунда. Но, может быть, отчасти верно обратное...

Одеты они тоже были одинаково – в зеленую камуфляжную форму.

Из всех возможных знаков различия у Капитана – лишь эмблема в форме дельтоида, обращенного тупым углом вниз (два кривых клинка скрещивались на фоне вписанного в дельтоид пылающего костра, и надпись под ними: «Охрана»).

У Генерала в углах воротника – две змеи, обвивших рюмки. Змеи-алкоголички, впрочем, служили бутафорией, на самом деле вся служба их носителя проходила под другой эмблемой – той самой, сочетающей оборонительное и наступательное холодное оружие.

...Резюме их разговора, изложенное Генералом после долгой паузы, оказалось достаточно неожиданным:

– В общем, все вы сделали правильно. Кроме одного – чересчур раздули проблему. По большому счету ничего катастрофического и непоправимого не произошло, такие накладки бывают в любом большом деле. Сам знаешь, сколько народу гибнет на всяких масштабных учениях: то холостой заряд окажется боевым, то зенитчики вместо цели ее буксировщик сожгут, то вообще целый взвод ботулизм от просроченных консервов заработает. А у нас даже жертв пока нет. И оснований для паники тоже нет. Мысль о том, что продался один из тех, кто знает все – ерунда. Тогда все обставили бы по-другому. Просто в одно прекрасное утро не явился бы на службу, к примеру, Эскулап. Исчез бы. Канул бесследно. А через несколько лет из какой-нибудь закордонной лаборатории просочились бы сведения о работах по нашей тематике. Одна же порция 57-го погоды не сделает, даже если и попадет в нужные руки. Без всего нами наработанного, без методик, без других препаратов... В конце концов у нас четырнадцать лет форы и мы фактически на финишной прямой – никому нас уже не обойти. И толстосумы, мечтающие прожить подольше, будут приползать к нам, именно к нам. На коленках и с толстыми пачками купюр в зубах...

Капитан незаметно вздохнул. Он был не спец в науках, но даже ему казалось, что последние четыре года Лаборатория топчется на месте. Чудодейственные снадобья, грозившие перевернуть и обрушить все медицину вкупе с фармацевтикой, обладали либо крайне избирательным действием, либо чудовищными побочными эффектами.

Капитан сомневался, что даже умирающий толстосум выберет продление жизни в образе косматого и кровожадного мутанта. Хотя черт их знает, замораживать себя на пару веков в жидком азоте в надежде на прогресс медицины тоже отдает шизофренией, однако желающие находятся.

Но Капитан не был уверен, что Генералу удастся то, чем он так упорно сейчас занимался – интенсивные и анонимные контакты с западными фармацевтами. Схема задумана простая – мы даем сырье, полуфабрикаты, а вы превращаете их в чудо-лекарства, рекламируете и реализуете.

Тут действительно пахнет миллиардными прибылями и в таких делах никаким партнерам верить нельзя, ни под какие гарантии. Сначала, конечно, те попробуют сами разобраться и синтезировать нужный продукт. Ни хрена у них не получится – нужны ткани живых доноров-объектов.

Потом в дело вступят разведки и всюду проникающая и все вынюхивающая журналистская братия. Тогда борьба пойдет уже на два фронта – сохранить тайну и от западных парт-

неров-конкурентов, и от собственного руководства, после сумятицы девяносто первого года имеющего, мягко говоря, не совсем полное представление о темах работы Лаборатории.

И как Капитан ни уважал своего начальника, сомнения в исходе подобной борьбы оставались. Особенно в свете ЧП с пятьдесят седьмым штаммом. Если джинн вырвется из бутылки, начнется такое...

Свои тревожные мысли Капитан озвучивать не стал. Спросил только:

– А если подтвердится версия о случайной пропаже? И штамм спонтанно сработает? Что будем делать?

– Сначала пусть подтвердится, – холодно ответил Генерал. – А что делать, ты и сам знаешь. Выследим тварь, или тварей, и уничтожим. Не впервой.

Да уж, не впервой... Даже на пустынном Полигоне за подобные уничтожения приходилось платить жизнями, а что начнется в густонаселенных местах, лучше не думать... Генерал, похоже, и не думает. Заранее планирует неизбежные потери с безразличием полководца, посылающего на смерть полки и батальоны...

Что же, может, это и правильнее, чем впадать в истерию, как Доктор...

– Значит, так, – стал закруглять разговор Генерал, – сейчас возвращаешься, на все запланированные мероприятия даю добро. Начни с Вивария, если кто станет копать – там шансов засветиться куда больше. Постарайся все, что можно, отработать побыстрее. Скорей всего, на днях тебе предстоит командировка.

– Куда? – не удержался от недоуменного вопроса Капитан, хотя жизнь давно отучила от излишнего любопытства. Но командировка в такой момент...

– В Голландию. Они там, похоже, не поняли, с кем имеют дело. Считают нас не то изобретателями-одиночками, полусумасшедшими гениями, не то подыхающими с голоду российскими учеными, готовыми продать все что угодно за пару тысяч зеленых. И относятся соответственно, хотят хапнуть все, сразу, и почти бесплатно. Сам понимаешь, что представляться по полной форме нельзя... Поэтому проведешь инсценировку. Создашь впечатление, что мы серьезные люди из криминального мира, получившие доступ к дорого стоящим секретам и задешево их отдавать не желающие. И шутки шутить с нами опасно. Демонстрация должна быть бескровной, но эффектной. К примеру, взорвать пару «мерседесов» наших потенциальных партнеров. Без седоков, разумеется... Они там в своем сытом и сонном болоте к таким вещам не привыкли, должно хорошо подействовать...

– Оборудование для демонстрации тащить через границу?

– Не стоит, да и времени нет надежный провоз подготовить... Возьмешь с собой Деточкина. Он тебе из подручных материалов хоть ядерный заряд сварганит...

Вот так. Деточкин сварганит, ему запросто – из чего угодно: из порошковой краски, из цветочного удобрения, из модельки радиоуправляемой... Но командировка, ясное дело, предстоит не «скорей всего», а совершенно точно. Генерал все продумал и просчитал, и менять свои планы из-за пропажи 57-го не намерен.

Лишь бы он спланировал все так же безошибочно для пропавшего контейнера. Генерал словно прочитал его мысли:

– Поезжай спокойно. За 57-й не волнуйся – все что можно я сделаю. Случился в семьдесят восьмом году на «Векторе» под Новосибирском точно такой инцидент. В те времена даже название «Вектор» употреблять запрещалось, не говоря уже о профиле их работ. Это сейчас журналисты в спецхранилища лазают и телезрителей видом колб с чумой и оспой пугают... А тогда приходилось искать, ничего не объясняя девяносто семи процентам ищущих. И ничего, нашли. Так что опыт есть, не беспокойся...

Капитан и рад бы был не беспокоиться.

Не получалось.

Глава шестая

1

Исчезла не только одежда – заодно бесследно сгнули кроссовки, в которых Колыванов ходил минувшим вечером. В общем-то ерунда, мог от такой дозы начать раздеваться где угодно: хоть в гараже, хоть наверху, в круглом помещении декоративной башенки, – раздеться и напроочь забыть про это. Да и шмотки не ахти, по большому счету – дачная спецодежда, и ничего особо ценного в карманах не лежало...

Хуже, что пропал «Ролекс» с руки – и утративший чувство времени Колыванов не мог даже приблизительно определить, который час.

А маятниковый раритет в спальне, куда он вернулся, вообще показывал что-то несуразное – половину третьего. И имела место какая-то странность... Ага! Вот оно что...

Колыванов опустился на незастеленную кровать, он уже оделся в найденные в шкафу джинсы и растянутую бесформенную футболку, носков пока не нашел, но сейчас было не до них.

...На резной боковой поверхности старинных часов, обращенной к кровати, играл на свирели бородатый, рогатый и козлоногий НЕКТО – не то дьявол, не то греческий сатир. А может, и фавн, кто их там разберет...

Деревянный барельеф был первым, что видел Колыванов, просыпаясь на даче; он знал наизусть каждую деталь композиции – и вот сейчас она изменилась. Свирель козлоног по-прежнему держал в руке, но губы ее уже не касались – голову фавн повернул назад, смотрел издевательски на Колыванова и ухмылялся полуоткрытым ртом с торчащими длинными зубами. Здравствуй, белая горячка... Кому-то видятся зеленые чертики, а у нас вот оживают деревянные... Но это тоже весело.

Он протянул руку, приблизил ее к сатиру, но несколько секунд не решался дотронуться до темного дерева пальцами.

Все-таки прикоснулся – дерево как дерево, гладкое и приятное на ощупь, кажется даже чуть теплым... Крепко зажмурил глаза и резко помотал головой (тут же пожалел о сделанном движении, похмельная мигрень далеко не ушла, лишь затаилась); снова разлепил веки, – в наглой ухмылке дьявола-галлюцинации ничего не изменилось. И в положении рогатой головы тоже. Ладно, пускай это будет дежа-вю. Самое обыкновенное дежа-вю. Алкогольное...

А фавн всегда именно так и сидел...

2

Кстати, а где же Саша?

Колыванов прошел наверх, в комнату пасынка: кровать разобрана, на столе чехол от плеера и пустой футляр от кассеты. Децл... Звучит как диагноз, подумал Колыванов: децл головного мозга...

Подумал и сам удивился – народная терапия лечила без осечек, жизнь на глазах вливалась в тело и в мозг, только что умиравшие. Вот и способность шутить вернулась...

На столе тикал будильник, поставленный на шесть утра. Ни одежды Саши, ни удочки...

«Но сколько же сейчас времени, неплохо бы узнать... Тыфу, черт...» – Колыванов, уже выйдя на лестницу, хлопнул себя по лбу. Вернулся, взял в руки будильник. Тот показывал без четверти три. Однако... Судя по всему, сегодняшний карасиный клев достоин книги рекордов Гиннеса...

Он спустился на первый этаж. Спустился и застыл соляным столбом, прикованный к месту небывалым и странным зрелищем: это была не его гостиная – совершенно чужое и незнакомое помещение.

Колыванову стало страшно.

Прислонившись спиной к резному деревянному столбику лестницы, он выхватывал взглядом отдельные предметы обстановки: вот стол, широкий, на большую компанию стол – сделан по собственному чертежу, дерево слегка обожжено паяльной лампой и покрыто лаком... Вот такие же стулья – массивные, с высокими резными спинками... Вот тупо пялится со стены широко раскинувшая рога голова лося, подвернувшегося под пулю Колыванова на облавной охоте...

Все напрасно.

Голову, стол, стулья, да и остальные предметы он узнавал – с трудом, но узнавал – а все вместе казалось *чужим*.

Прижав ладони к вискам, глядя под ноги, только под ноги, ни взгляда по сторонам, он пошел к полуоткрытой входной двери, твердя как заклинание, как бессмысленный детский стишок: дежа-вю, дежа-вю, дежа-вю...

Но это было не дежа вю.

3

Все рушилось к чертям. Пятнадцать лет работы, пятнадцать долгих и тяжких лет – а последние восемь из них вообще стали постоянной эквилибристикой на лезвии ножа – все шло псу под хвост. Даже не псу, а *объекту*.

А из-за чего?

Банальная российская расхлябанность. Бездарность помощников, заменить которых нет никакой возможности – даже уволить никого нельзя, из узкого кружка посвященных всегда имелось лишь два пути: один к победе – тихой, без фанфар, литавр и публичных вручений наград и премий – но имеющей свою цену в твердой валюте. Немалую цену.

Второй путь – в Виварий, в клетку с серебряными прутьями.

Теперь появился и третий вариант. Какое там, появилась целая куча вариантов... Во-первых, скандал может получить широкую огласку, проныры-щелкоперы не ведают никакого удержу, за спиной у них стоят медийные концерны и холдинги, не привыкшие считать деньги в погоне за сенсациями. И кто-то из знающих может предпочесть синицу в руках...

Даже если быстро ликвидировать источник утечки, джинна обратно в бутылку уже не загонишь... Придет конец всему, более идеального козла отпущения, чем Генерал, трудно придумать...

Во-вторых, бомба может взорваться неслышно, все останется за стенами пары родственных организаций. Вполне вероятная возможность, если вдуматься... Толковые головы в Конторе остались, достаточно дать только ниточку...

Самое поганое, что бумаги при достаточно развитой бюрократии начинают вести самостоятельную псевдожизнь: размножаются не то делением, не то почкованием, мигрируют порой весьма загадочными путями... И как ни старался Генерал уничтожить всякое упоминание о работах на приказавшем долго жить Полигоне, не было никакой уверенности, что где-то не лежат документы, избегнувшие массовых аутодафе девяносто первого года.

Если их прочтут и выяснят, какую тему он втихую *приватизировал* в сумятице реорганизаций, переименований и дроблений Конторы, финал ясен: внезапная и якобы вполне естественная смерть – от инфаркта или в автокатастрофе. Портрет в черной рамочке при входе в Лабораторию, и у «Проекта-W» появится новый куратор.

Подавляющее большинство сотрудников, надо думать, и не поймет, что произошло – будут работать, как работали, каждый над своим кусочком проблемы, – не имея представления о цельной картине... А те, кто поймет, – такие, как Капитан, – тоже не заживутся...

Генерал медленно протянул руку, снял трубку с телефона. Подержал несколько секунд и осторожно положил обратно.

В Конторе служили два человека, сидевшие выше его и знавшие, чем занимается Лаборатория. Знавшие, разумеется, неофициально. Визировавшие липовые планы, принимавшие отчеты по относительно безобидным исследованиям, – но всегда готовые принять участие в дележе дивидендов, кои должна принести главная, скрытая от всех тема...

В их негласно определенные обязанности входило прикрытие Генерала и Лаборатории в случае возможных неприятностей. Весь вопрос в том, сочтут ли они неприятностью исчезновение биологической бомбы средней мощности? Или посчитают за катастрофу, после которой легче и проще плюнуть на возможные прибыли и списать в расход и Генерала, и всю его затею?

«Стоп, – сказал себе Генерал. – Я заразился от этих паникеров... Зачем во всех построениях исходить из того, что бомба непременно взорвется? Ведь может, может проклятый контейнер с 57-м кануть тихо и бесследно, как пятак, выпавший в прореху кармана... Или, на худой конец, появятся один-два *объекта*, которых можно без огласки ликвидировать и забрать трупы для исследования в Лабораторию...»

Нет, такой вариант слишком хорош, – не сто́ит, исходя из него, рассчитывать дальнейшие действия... И все же он единственный, дающий неплохие шансы.

Итак: составленный много лет назад именно для подобных неожиданностей план мероприятий в действие не приводить; при осложнениях задействовать старших коллег-нахлебников втемную, ни в коем случае не открывая весь расклад. Привлечь на самом раннем этапе – так, чтобы увязли как можно глубже, чтобы дрались за проект в полную силу, чтобы боялись потерять все...

А на самый крайний случай подготовить безопасную дорожку для отхода... Эксперты тайных войн живут порой за бугром не так уж и плохо, мемуары пописывают... Если их не найдут и не уничтожат... Не об этом, конечно, мечталось, но...

Он открыл тощую синюю папку, освободил зажим. Покрытые густой машинописью листки – секретный план оперативных мероприятий с привлечением всех возможных служб – исчезал в тихо жужжащей бумагорезке.

Генерал смотрел на растущую кучку бумажной лапши и думал, что время планов прошло, что придется отвечать на подкидываемые жизнью проблемы сплошными импровизациями.

Экспромты и импровизации он ненавидел.

4

На самом деле день не был пасмурным, лишь показался таким проснувшемуся Колыванову – солнце, клонясь к закату, светило с другой стороны дома. И сейчас резануло по глазам, привыкшим к полумраку гостиной.

Вышедший на крыльцо Колыванов зажмурился и вполголоса взвыл. Черт, почти как на родине, в Волгоградской области, в знойном и прокаленном июле... И жажда точно такая же... Он дернулся назад – надеть солнцезащитные очки, но тут же передумал затевать еще одни поиски. И двинулся к пруду, не глядя по сторонам и ничего не замечая вокруг в сиянии, слепящем глаза.

Вообще со зрением Колыванова творилось нечто странное... Многого он сегодня не замечал: липких, глинистых следов на крыльце и на полу гостиной; и валявшейся чуть в стороне от крыльца собственной джинсовой рубашки (точнее, рваных клочьев, в которые она превратилась); и своих грязных и исцарапанных босых ног.

Или не хотел видеть.

Или не мог.

А солнце, кстати, ничем о Сахаре или Кара-Кумах не напоминало, – нежаркое ласковое майское солнышко, светящее сквозь легкую дымку-марево...

Колыванов брел медленно, опустив взгляд, прикрывая лицо ладонью. Яркий блеск под ногами заставил нагнуться – надо же, часы... Только несколько секунд спустя понял, что это его «Ролекс». Или все же чужой? Перевернул тыльной стороной, долго всматривался в дарственную надпись – буквы упорно не складывались в слова, словно за одну ночь он напрочь позабыл грамоту... Еще одна странность: металлический браслет, по уверениям рекламы не способный порваться ни в какой ситуации, лопнул-таки пополам, – но Колыванов, не обратив внимания, равнодушно сунул «Ролекс» в неглубокий задний карман. Часы тут же выпали. Вторичная их утрата осталась незамеченной, – приступ повторялся...

Глава седьмая

1

На сей раз болели не только зубы, хотя и началось опять с челюстей...

Все кости: руки, ноги, позвоночник, ребра пронзило крайне неприятное ощущение – словно их вытягивали на дыбе. На дыбе, понятно, ему висеть не приходилось, но сломанная в десятом классе нога Колыванова, помнится, испытывала на вытяжке как раз такие ощущения.

Вернуться, скорее вернуться к проверенному лекарству – он уже развернулся и поспешил обратно к дому, но тут же остановился, донельзя удивленный – боль была какая-то не такая.

Неправильная.

Казалось, вернулись ощущения позабытого, но сейчас всплывающего в памяти сегодняшнего сна: собачьи клыки рвут тело, и он все чувствует, и понимает, что должно быть больно, и это действительно больно – но боль существует только в мозгу и только как понимание – не раздражает и не выворачивает наизнанку нервные окончания...

Примерно то же происходило и сейчас – организм исправно сигнализировал, что с ним не всё в порядке, что происходит что-то неладное; мозг исправно принимал и фиксировал сигналы... И всё. Ничему по большому счету такая псевдоболь не мешала. Колыванов не стал анализировать странные ощущения и задумываться, следствие это или нет алкогольной анестезии.

Просто поспешил к пруду...

2

Удочка тихо и спокойно лежала на воткнутой в берег рогулке. Казалось, рыболов наживил и забросил ее, отойдя по спешному, но недолгому делу.

Этим мирная картина исчерпывалась. Матерчатое сиденье опрокинутого складного стульчика разодрано пополам; круглая коробочка с червями втоптана в прибрежную грязь. Рядом валяется трехлитровая стеклянная банка – вода давно вытекла, два тускло поблескивающих карасика с палец размером не шевелятся...

Колыванов с трудом сглотнул комок в горле – жажда усиливалась, язык и нёбо казались облепленными раскаленным наждаком. Он едва удерживался от дикого желания опуститься на колени и напиться воды из пруда – сладковато пахнувшей илом и покрытой кое-где крохотными островками ряски. Он смотрел на эти островки, медленно дрейфующие по ветру – смотрел долго, очень долго. Потому что не хотел обернуться, и...

Но все-таки он повернулся и пошел к самому отдаленному краю участка, где сквозь бурые стебли прошлогодней полыни что-то смутно синело.

«Куртка, это Сашина куртка... ему надоело ловить малявок, солнышко припекло, сбросил куртку и убежал играть к Бойчевским... у них мальчик и девочка, почти ровесники Саши... заигрался... там и пообедал... пора звать домой...»

Там действительно оказалась Сашина куртка... Но он ее не скидывал и к Бойчевским не убегал. Когда Колыванов увидел то, что увидел, ему захотелось встать на четвереньки и завывать во весь голос.

Так он и сделал.

3

– Это еще кто? – по привычке спросил у Филы Горянин, увидев выходящую из колывановского дома сильно ссутуленную, даже сгорбленную фигуру.

Фила, ясное дело, ничего не ответила. Горянин заглушил двигатель, выпустил из салона собаку. Незнакомец направлялся в их сторону. Фила, засидевшаяся в машине, рванула куда-то в глубь участка.

«Хм... Миша вроде не собирался сегодня привозить строителей», – подумал Горянин.

Тяжело перешагнувший оградку человек приблизился, и Денис с удивлением узнал Колыванова. Даже не столько узнал, сколько угадал в искаженных чертах...

Мелькнула шальная мысль, что у Миши Колыванова, учредителя и директора торговой фирмы «Орион-Трейд», есть брат-близнец, существование коего он тщательно скрывал от Горянина все пятнадцать лет знакомства. И вот сейчас блудный родственник объявился после недельного, а то и больше, запоя. Грязный, обросший, пошатывающийся, с воспаленными глазами... Сильно исцарапанный – колючая щетина на подбородке в запекшейся, почерневшей крови... Кроме того, босой...

Но это был Миша. Чужой и совершенно на себя не похожий. Алкогольный перегар ощущался метра за три – и еще какой-то резкий, незнакомый и неприятный запах...

«Когда же он успел так обрести? Вчера ведь, кажется...» – мысль эту Денис не успел додумать, потому что Колыванов открыл рот и произнес одно-единственное слово:

– Пойдем!

Горянин подавился шутилой фразой о затянувшемся банкете – так поразил его голос друга. Сказать, что он не походил на обычный голос Миши, – не сказать ничего. Он вообще ни на что не походил. Хотя, впрочем...

...Когда-то, давно, мальчишкой, Денис Горянин видел чудо- собаку, Ее показывали, как большую диковину, в его любимой передаче «В мире животных». Собака... умела говорить! Ну, не вела, конечно, светские беседы и даже не могла, подобно попугаям, выдавать связные фразы – но «произносила» десяток простейших слов: «мама», «дай!», «Ада» – так звали ту овчарку-суку.

На Горянина, в отличие от умилявшегося ведущего, речи собаки произвели неожиданно тягостное впечатление – гортань, не предназначенная природой для подобных упражнений, выдавала звуки жутковатые, пугающие гораздо больше лая, воя или рычания... Ту передачу Денис не забыл до сих пор – и сейчас голос Колыванова вдруг напомнил ему мертвящие и страшные собачьи слова...

И, как эхо его мыслям, раздалось рычание – на этот раз самое настоящее рычание – приглушенное и злое. Горянин глянул через плечо. Фила, убежавшая по своим собачьим делам, сейчас вернулась и рычала – не подходя близко, прижавшись к земле, вздыбив шерсть на загривке...

Рычала на Колыванова.

4

Денис застыл в странном оцепенении, не произнося ни слова, – не понимая, что сейчас надо сказать и что можно сделать, – и пораженный непонятно откуда надвигающимся предчувствием чего-то нехорошего. Непонятного и опасного.

Тогда Колыванов повторил то же слово тем же голосом:

– Пойдем! – и ухватился грязными пальцами с обломанными ногтями за рукав Горянина. Жест показался неловким, натужным – простейшее движение кисти далось Мише с большим трудом. Это походило на пластику человека, заново осваивающего руку после сложнейшего перелома и нескольких месяцев в гипсе.

Он тянул Горянина настойчиво и сильно – и тот пошел за ним, не понимая, куда и зачем идет – пошел для того лишь, чтобы не услышать еще раз просьбу, высказанную мертвым и мерзким голосом.

Фила двинулась за ними – в некотором отдалении, по-прежнему негромко и злобно рыча.

...Замызганное и потертое брезентовое полотнище к земле не прилегало, опираясь на обломанные стебли бурьяна. И все равно Колыванов ухватился за его край удивительно легко – не сгибаясь и не наклоняясь, лишь чуть согнув ноги в коленях.

«Где он взял эту грязную тряпку?» – удивился Горянин, как будто ничего более странного вокруг не было. Но непонятного и тревожного происходило столько, что мозг поневоле ухватывался за неважные и вполне объяснимые детали, – словно достаточно ответить на эти вопросы – и все остальное встанет на свои места, сделается простым, понятным и правильным...

Спустя секунду у него уже не осталось ни одной связной мысли, потому что Колыванов отдернул брезент. Под полотнищем лежал Саша.

– У-у-а-а-э... – простонал Горянин, связки его оказались не в силах выдать что-либо членораздельное...

5

Что мальчик мертв, Денис понял с первого взгляда. Не просто мертв – Сашу убили, убили с ужасающей, непредставимой для нормального человека жестокостью.

На изломанном, истоптанном, залитом спекшейся кровью бурьяне лежало, по сути, даже не тело, а его изуродованные фрагменты, кое-как сложенные вместе – и, как в собранной небрежной рукой детской мозаике, многого не хватало.

Глотка зияла рваным провалом и от нее тянулось в сторону что-то длинное, даже на вид неприятно-скользкое; кисть и остаток запястья правой руки с торчащими белыми обломками кости были приложены к превращенному в лохмотья плечу; левая на месте, но из бицепса вырваны, выдраны, *выкушены* большие куски – вместе с клочьями рубашки и синей куртки.

Следы укусов, следы зубов виднелись повсюду на относительно уцелевших участках тела – одни неглубокие, цепочки небольших ранок, другие – безжалостные, разорвавшие мышцы и связки на кровавые ошметья... Уцелело лицо – до неузнаваемости искаженное, смятое, перекошенное...

Горянин, парализованный и онемевший, автоматически перевел взгляд с Сашиного лица на кошмарное месиво, недавно бывшее животом мальчика, – и тут его внезапно и мгновенно, без всяких предупреждающих спазм, вывернуло наизнанку. Желудок и пищевод рвали жесточайшие судороги – и так же рвался и корежился окружавший Дениса Горянина мир.

Все вокруг помутнело и окрасилось в розовый цвет. Согнувшийся, скорчившийся Горянин пытался смотреть в сторону и видел все боковым зрением.

Колыванов полностью сдернул в сторону полотнище и поднял лежавшую тут же охотничью многозарядку «Сайга» – она казалась неуклюжей и толстоствольной пародией на автомат Калашникова. И держал ее Колыванов неуклюже, как будто сей предмет впервые попал к нему в руки. Но движения, при всей неловкости, выглядели вполне уверенными и целенаправленными, словно он без страха и сомнений делал то, что давно решил и хорошо обдумал...

Денис, продолжая сотрясаться в рвотных конвульсиях, понял, что надо крикнуть, броситься, остановить друга... нет, уже не друга, уже чужого и смертельно опасного человека – понял и не успел сделать ничего.

Колыванов выстрелил.

Глава восьмая

1

«Абонент не отвечает или находится вне зоны приема...» – произнесла телефонная барышня голосом мягким и нежным, излучавшим и благожелательное отношение к звонившему, и искреннее сочувствие, и сожаление о невозможности помочь в данной ситуации; мало того, во всей фразе слышался глубоко спрятанный эротический подтекст, намекавший: как жаль, что я сейчас так занята служебными обязанностями, вот если бы вы позвонили вечером...

Словом, чудесный был голос, только за него легко можно влюбиться в невидимую собеседницу...

Катя Колыванова в телефонную барышню не влюбилась – наоборот, тихо выругалась, услышав одни и те же слова в восьмой или девятый раз за сегодняшний день. Сексапильная девица ничуть не обиделась и повторила ту же фразу по-английски, причем эротики в голосе добавилось...

Кате хотелось с хрустом шмякнуть трубку на рычаг, но она заставила себя сделать это аккуратно и медленно, подавив ответную реплику, обвинявшую авторшу ни в чем не повинной записи в чрезмерной и беспорядочной половой жизни... Опустила и сама удивилась – всегда считала себя спокойным человеком с крепкими нервами (и вполне обоснованно).

Но такого за четыре года ее жизни с Михаилом не бывало. Никогда. Сотовая связь на их даче работала стабильно, и Колыванов не имел обыкновения надолго расставаться с мобильником – таскал с собой и за грибами, и на охоту, и на рыбалку.

Катя не знала, что и подумать. Хотелось бросить все дела в городе и отправиться в Александровскую немедленно, а не воскресным утром, как планировалось.

Останавливало только одно – мысль о том, как она будет выглядеть в глазах мужа, примчавшись из-за случайной поломки трубки или не заряженной вовремя батареи. Других вариантов в голову не приходило, ни на секунду она не заподозрила, что Миша мог отключиться специально, занимаясь делами, исключаяющими ее даже телефонное присутствие... Все минувшие годы их совместная жизнь строилась на полном доверии – и поводов для подозрений не возникало. Ни разу.

В тихой и спокойной, обжитой Александровской никакой беды случиться не могло, в этом Катя не сомневалась. Да и произойди вдруг ЧП – у соседей достаточно телефонов, и обычных, и сотовых...

Всё так, но тревога никуда не исчезала. Полтора часа назад Катя позвонила Бойчевским – дачным соседям, живущим через дорогу. Бойчевские куда-то уехали, оставив на хозяйстве слегка глухую и изрядно придурковатую бабушку. От нее удалось выяснить, что Михаил с Сашей вчера благополучно приехали и вроде бы не уезжали, вроде бы свекровь-Бойчевская

видела их на участке... По всему судя, видеть старушка могла их и месяц назад... Но Катя немного успокоилась и решила отменить экстренную поездку.

Этого решения она не смогла простить себе несколько месяцев...

Тогда же она связалась с Горяниным – но тот оказался в городе, обещал подъехать в Редкое Кузьмино через час-другой, узнать, что у Миши с телефоном, и перезвонить. Прошло полтора часа. Звонка не было.

Она ждала с чувством досады и некоторого смущения – всю жизнь смотрела с превосходством на глупых жен, пытающихся контролировать каждый шаг мужа, и не понимающих, что короткий поводок хорош, только пока не оборвался – а затем оборвавший его уходит навсегда...

Звонка не было.

Тревожная неуверенность изматывала.

Катя вновь позвонила Горянину...

2

Неплохо стрелявший на охоте Колыванов сейчас почти промахнулся – тугой конус летящей картечи зацепил Филу самым краем.

Она пыталась встать, ничего не получалось – задние лапы подламывались. Истошный вой сменился жалобным повизгиванием.

– Т-ты-ы-ы!!! – закричал Горянин, он хотел крикнуть многое: что Фила тут ни при чем, что она в жизни не тронула ни одного человека и дружила с Сашей, что последние сутки она провела у него на глазах, и не могла... Не успел.

Колыванов выстрелил второй раз.

Теперь картечь кучно легла куда надо – под левую лопатку, как раз туда стреляют волков и других хищников. И собак, если их приходится убивать.

В ушах стоял гул от рывкнувших выстрелов, дробовик двенадцатого калибра не пистолет и не карабин, бьет по барабанным перепонкам основательно. Предсмертного визга Филы Горянин не слышал, но все и так было ясно – рыжая шерсть густо окрасилась кровью, задние лапы быстро-быстро заскребли по земле и замерли, вытянувшись...

Поздно кричать об ошибке и вырывать ружье из рук, поздно обвинять Колыванова в убийстве добродушной, ни в чем не повинной Филы, так и не понявшей, за что ее убивают...

«Филе уже не помочь... надо думать о живых... Мишка совсем сдвинулся, оно и понятно... у любого крыша съедет от такого... а Катя, как же теперь ей... но какая же тварь это сделала...»

За своими обрывочными мыслями Горянин почувствовал, как ни странно, нешуточное облегчение – все непонятное в поведении друга объяснилось – пусть страшно и мерзко, пусть ценой гибели любимой собаки... да черт с ней, в конце концов, когда тут *такое*...

А мир вокруг изменился, мир стал не тот, что минуту назад. Из мира напрочь исчезли все звуки и все движение, все застыло, как на остановившейся киноплёнке: Миша с неловко зажатой «Сайгой» в руках; сам Горянин, до сих пор оглушенный, делающий глотательные движения, пытаясь хоть что-то расслышать отходящими ушами. И два трупа, два неподвижных окровавленных трупа.

Первый звук, который услышал Горянин – мелодичное мяуканье мобильного – в застывшей тишине прозвучал сюрреалистично. Денис машинально потянулся к трубке, отведя взгляд от Колыванова.

А когда через долю секунды повернулся обратно, встретился глазами с провалом ружейного дула – с черной и бездонной дырой. Не было никаких драматических пауз, никаких про-

щальных слов. И вся минувшая жизнь не промелькнула в тот момент перед мысленным взором Горянина. Из ствола вырвался сноп пропитанного свинцом пламени.

Больше Денис Горянин никогда и ничего не увидел.

3

Как впоследствии выяснилось, в близлежащей части поселка выстрелы слышали многие. Но никто не обратил внимания – стрельба по выходным не была таким уж редким событием. Многие из новых обитателей Редкого Кузьмина, расслабившись под шашлычок с коньячком, устраивали образцово-показательные стрельбы из газового оружия. И не только из газового. Опять же их отпрыски со сверхмощными петардами и ракетами... Интересоваться после пары-тройки громких хлопков, что происходит за высокими оградами соседей, считалось дурным тоном.

4

Рот Горянина распахнулся в беззвучном крике не то удивления, не то возмущения; глаза тоже до сих пор оставались широко раскрыты.

А выше глаз ничего не уцелело – выстрел в упор снес всю верхнюю половину черепа, от самых бровей. На груди Дениса лежала морда и передние лапы Филы – Колыванов подтащил ее изрепеченное тело и небрежно бросил между Горяниным и Сашей. Казалось, мертвая собака ищет помощи и защиты у мертвого хозяина – или наоборот, безуспешно пытается заслонить его от смертельной опасности.

Колыванов хотел опять прикрыть их брезентом, но забыл, как забывал сегодня многое – торопился к дому.

Закатное, но по-прежнему убийственное солнце безжалостно гнало его в спасительный полумрак.

5

Бывавшие в уютном доме Колыванова не узнали бы сейчас разгромленное жилище: пол завален опрокинутой мебелью и разбросанными вещами, стены изрепечены картечью.

Украшавшая гостиную голова лося валялась под ногами бесформенной и разрозненной грудой шерсти, набивки и обломков рогов – недавно проклятое чучело посмело обратиться к Колыванову с нелепыми и страшными обвинениями, – но он быстро заставил его заткнуться тремя выстрелами в упор.

Колыванов не думал о том, что убил лучшего друга – на фоне всех диких и кошмарных событий сумасшедшего дня это казалось мелочью, недостойной внимания. Остатки его сознания терзала одна, самая главная и важная мысль: «Что я скажу Кате, что я скажу Кате, что я скажу Кате...»

Жажда донимала постоянно, он уже свыкся с ней, подобрался к крану, до конца не завернутому, наклонил голову... Долго и жадно ловил губами тонкую струйку воды...

Что-то подвернулось под босую ступню – что-то теплое, живое и несомненно опасное, сегодня все вокруг стало смертельно опасным.

Он судорожно отдернул ногу и посмотрел вниз, отпрыгнув на безопасное расстояние. На него смотрел глаз, лосиный глаз, как-то уцелевший в разнесшем чучело свинцовом граде. Не вставленная таксидермистом стекляшка – настоящий живой глаз с мутным зрачком и белком,

налитым темной венозной кровью. Глаз моргнул и уставился на него тяжелым, ненавидящим взглядом.

Колыванов зарычал и надавил на спуск. «Сайга» не выстрелила, патроны в обойме кончились. Тогда он с размаху ткнул стволом в проклятую зенку, промахнулся, ткнул еще – попал с третьего раза. Глаз лопнул, взорвался с мерзким хлопком. Забрызгал лицо Колыванова кровью – липкой и горячей, как кипяток.

Он слизнул попавшую на губу каплю и застыл, пораженный ужасной мыслью: Горянин и Фила не умерли, конечно нет, сегодня весь мир сошел с ума, враги стали неуязвимы и бессмертны, конечно они не умерли, они идут сюда – их кошмарные окровавленные пасти оскалены, они уже за дверью, сейчас ворвутся и растерзают его, как растерзали Сашу...

Он без разбега, с места, перемахнул одним прыжком разоренную гостиную и вцепился в дверь; скрюченные пальцы без толку возились с замком – как и все вокруг, тот зажил своей, враждебной Колыванову жизнью. А Фила с Горяниным стояли уже у самой двери, он хорошо слышал их хриплое тяжелое дыхание...

Коротко взыв, он попытался выстрелить через дверь, забыв, что расстрелял все патроны; развернулся и понесся вверх, в свою комнату, к оружейному ящику, из которого два часа назад достал «Сайгу»...

Мертвецы дышали в затылок.

Глава девятая

1

– Куд-да, сука?! – рыкнул Хрущ, откидывая ударом подкованного ботинка наладившегося было к двери пленника. Тот отлетел к выложенной белым кафелем стене бокса, не удержался на ногах, завалился набок и предусмотрительно скорчился, прикрывая руками голову.

Был он оборван, небрит и грязен, левый глаз украшал огромный застарелый фингал. Прокисшая вонь шибала в нос за несколько метров, защищая обладателя сей ауры не хуже, чем американского скунса-вонючку – приблизиться без крайней необходимости к этому типичному, прямо классическому бомжу нормальный человек не рискнул бы.

Но Хрущ не страдал от излишней брезгливости. Он надвинулся на неудачливого беглеца, навис над ним всей своей массивной, бесформенной тушей и с наслаждением врезал ногой по ребрам.

– Побегай, бл**, у меня... – второй удар, в копчик. И еще, и еще. От разделявшей помещение стеклянной перегородки спешил Го-Го, тоже не дурак попинать кого ногами.

В промежутках между ударами бомж пытался проверещать, что он все понял, что он никуда не собирался убегать и впредь такие мысли даже случайно не забредут в его зашивевшую голову. Потом замолк, лишь поскуливал, как бездомная собачонка, не имеющая сил ни бежать, ни огрызаться...

– Отставить! – команда прозвучала негромко, но резко, и вошедшие в раж напарники среагировали мгновенно, остановившись на половине замаха.

С улицы в бокс зашел Капитан – в штатском костюме (случай уникальный!), в легком бежевом плаще.

Обладая Хрущ способностью логично мыслить, анализировать и сопоставлять факты – неурочное и необычное появление в Виварии Капитана в сочетании с сегодняшней ночной тревогой его бы по меньшей мере насторожило.

Но Хрущ ничем подобным не обладал и испугался одного: как бы не пришлось отвечать за порчу кандидата в *объекты*. Капитана он боялся до дрожи в коленях и сейчас невнятно рапортовал, вытянувшись в струнку:

– Бежать... намылился... едва у двери перехватили... но мы все по инструкции... один здесь, другой за дежурным... врезал по почкам, падла... и бежать...

Хрущ самую малость преувеличивал. Неизвестно, что там себе подумал бомж, оказавшись вместо родного приемника-распределителя в непонятном заведении явно с медицинским уклоном. Может, вспомнил известные страшилки об охотниках за органами и вообразил, что на его прогнившую требуху сейчас покусятся скальпели хирургов-садистов? Не так уж и далеко от истины...

Как бы то ни было, в бега бомжик ударился без нападения на конвоира – пытался тихо выскользнуть, воспользовавшись тем, что Хрущ плотно увлекся обследованием стоявшего у клеенчатой кушетки шкафчика со стеклянными стенками...

Капитан не слушал Хруща, а тот продолжал бубнить дальше:

– Ну, мы, этого... из самообороны... немного... все равно зарастет скоро, как на собаке... Разрешите продолжать? В смысле к дежурному...

Го-Го поддерживал доклад напарника мычанием и невнятными междометиями. По наблюдениям Капитана, этот человекообразный индивид дара речи был лишен напрочь. Однако ходили слухи, что как-то, будучи под кумаром и возымев желание свести тесное знакомство с тетей Клавой – уборщицей предпенсионного возраста, Го-Го обнаружил наличие словарного запаса самое малое из десяти слов...

– Отставить, – оборвал Капитан излишняя похожего на питекантропа подчиненного. – Больше нам такие не нужны...

Хрущ недоуменно уставился на него. В удивленно моргающих глазках с крохотными суженными зрачками читалось нечто, напоминающее умственную деятельность.

– Дак... что теперь... обратно в приемник?

Капитан задумался на несколько мгновений. Вероятность того, что в полуразрушенном стеклорезом и настойкой боярышника мозгу ханыги отложится визит в их заведение, достаточно мала. Еще менее вероятно, что он сможет поделиться воспоминаниями с кем-либо, кроме подобных себе организмов. Но даже такую ничтожную возможность следует отсечь на корню. И Капитан сказал жестко:

– Не надо. В пятый блок. Сразу.

В пятом блоке стояли мощные муфельные печи, превращавшие в мелкий пепел органические отходы экспериментов. Хрущ нервно сглотнул, переваривая услышанное – небывалое и страшноватое. Капитану казалось, что он слышит скрип несмазанных мозгов под чугунным черепом. И – толстые губы Хруща расплылись в радостной усмешке – сообразил, что развлечение предстоит почище того, что оборвал своим приходом начальник.

– Быстро и без шума, – бросил Капитан, внимательно глядя в бомжа, словно надеясь увидеть что-то, позволяющее отменить собственное распоряжение. Не увидел ничего – грязное животное, так и так не жилец, загнется где-нибудь в подвале от побоев или алкогольного отравления...

Капитан вытащил из внутреннего кармана плаща небольшой плоский футляр и молча протянул Хрущу. Тот оживился еще больше, радостно вцепившись в коробочку сарделькообразными пальцами. Го-Го, державшийся на протяжении их короткого разговора в отдалении, приблизился, тоже выражая радость какими-то звуками – не то мычанием, не то всхлипыванием...

...Хрущ, как и его напарник, сидел на весьма сложной смеси наркотиков, приготовляемой и отмеряемой для них лично Эскулапом, строго следившим, чтобы эти недоумки оставались в относительно работоспособном состоянии. Задумай Хрущ соскочить, дезертировать

(Го-Го задумать ничего не мог по определению) – и на воле его не спасут от жесточайшей ломки ни новейшие синтетики, ни старый добрый герыч...

И Хрущ это знал. Не знал лишь, что в самом недалеком будущем им с Го-Го предстоит тихо и мирно умереть от передозировки – диагноз по нынешним временам банальнейший и ни малейших подозрений не вызывающий. Да и контактирующий с ними ссученный мент из приемника-распределителя не заживется – сверзится по пьянке с лестницы и ломает шею. Или ползет ввинтить сгоревшую пробку – с таким же летальным исходом. И с этой стороны на Виварий и Лабораторию никто уже не выйдет...

Капитан, неподвижно стоя у входа и стараясь дышать ртом, подождал, пока три ходячих мертвеца уберутся из бокса.

Медленно двинулся внутрь, внимательно глядя по сторонам, стараясь воспринимать все привычные, примелькавшиеся детали так, как будут выглядеть они в глазах человека нового и, вполне вероятно, настороженного, ищущего возможный след...

Уже через пару шагов остановился, зацепившись взглядом за украшавшие кушетку привязные ремни из толстой сыромятной кожи. Вдохнул, вынул из кармана записную книжку, сделал пометку и двинулся дальше.

Стоило поспешить – день клонился к вечеру, а зачистка предстояла нешуточная.

2

По узкой крутой лестнице всего удобнее оказалось взбираться на четвереньках... Многочисленная мешала, путалась под ногами, но Колыванов вскарабкался – и ввалился в комнату, сразу бросившись за патронами...

Картонную пачку он кое-как открыл, буквально разорвав пополам, но юркие пластиковые гильзы немедленно разбежались по полу, хитрыми маневрами выскакивали из-под пальцев – и Колыванов слышал их тоненькое ехидное хихиканье.

Он изловчился, сделал обманное движение, бросился на них грудью и удачно ухватил зубами сразу две – так получилось гораздо ловчее. Оставалось запихнуть патроны в обойму, тоже непростая задача... А на лестнице в любой момент могли раздаться страшные, тяжелые шаги Горянина и мягкая, как подкрадывающаяся смерть, поступь Филы.

– Зачем тебе это? – прозвучал насмешливый голос. Колыванов, не поднимая головы от пола, глянул вверх исподлобья.

К нему обращался деревянный не то дьявол, не то фавн, украшавший часы. Свирель козлоногий куда-то дел и сидел на своем пеньке, полностью развернувшись лицом к Колыванову. Тому показалось, что издевательская усмешка дьявола стала чуть более доброжелательной, чем раньше.

– Ни к чему тебе это, – ответил фавн на собственный вопрос. – Ты и так замечательно умеешь убивать. Брось дурацкую железяку, честное слово, брось...

«Заткнись!» – подумал Колыванов, безуспешно воюя с обоймой. Попытался сказать то же самое вслух – ничего не получилось, из глотки вырвалось хриплое рычание. Но сатир или в нем все же разобрался, или обладал способностью читать мысли.

– Фу-у, ну зачем так грубо... Я хотел помочь, всего лишь помочь. Посмотри, как легко у тебя получилось с сыном твоей ненаглядной... Все эти годы ты боялся даже про себя подумать о том, что он лишний, что он вам мешает. Отныне ты не будешь бояться ничего. Так просто – догнал, прыгнул и... хе-хе...

Колыванов выстрелил навскидку в омерзительную деревянную рожу (он и сам не понял, когда успел запихнуть на место непокорную обойму). В закрытом помещении выстрел грохнул вовсе оглушительно и на месте дьявола возникла рваная дыра с торчащими по краям щепками.

Козлорогий, впрочем, там уже не сидел – отскочил на другой край деревянной панели и как ни в чем не бывало продолжил разговор:

– Кстати, а ты не задумывался, чем она там занималась, пока ты развлекал ее щенка, возил на дачу и на рыбалку? Хочешь расскажу, кто в это время ее обхаживал? И ведь сегодня даже не позвонила, не узнала как дела... Нет, тебе надо с ней разобраться. Ты сумеешь, я знаю. Вот завтра она придет, и...

Колыванов слушал внимательно и даже согласно кивал головой. А потом стремительно, неуловимо для человеческого глаза прыгнул вверх и вперед. Деревянный сплетник на сей раз не успел среагировать.

Челюсти Колыванова с хрустом сомкнулись на гнусном фавне...

3

Нет, это оказалось не лакированное и пересохшее за век с лишним дерево. Зубы Колыванова почувствовали упругое, живое сопротивление застигнутой врасплох твари. И много еще чего успел он почувствовать за короткое мгновение своей смертоносной атаки: что сидением козлоногому служил сосновый пень, и сосну спилили недавно; что кусты, растущие на деревянной поляне чуть в отдалении – лавровые; и там, за кустами, невидимая из комнаты, спасается бегством стайка ланей, напуганных его яростным прыжком... Ему захотелось броситься вглубь, за ними, и навсегда остаться здесь, на мягкой шелковистой траве, под солнцем, не грозящим свести с ума и выжечь глаза, остаться в уютном и тихом уголке, где нет спятивших агрессивных вещей...

Ушло все так же быстро и неожиданно, как и явилось...

4

Кем бы ни было деревянное существо, теперь он с ним покончил. Пень опустел, рядом валялась сломанная свирель... Колыванов довольно ухмыльнулся – нижняя губа сползла вниз, обнажив клыки, из горла вырвались звуки, отдаленно похожие на булькающий смех. На торчащие из губ окровавленные щепки он не обращал внимания...

Скоро они выпали, не оставив ранок.

Глава десятая

1

Спуск по дурацкой лестнице дался еще труднее, чем подъем – но как-то он ее все-таки преодолел. Может, скатился кубарем, может, лихо спрыгнул, приземлившись на все четыре конечности – Колыванов сам не знал и не помнил, в ходе событий появились непонятные пробы. Но сейчас в любом случае находился внизу, возле большого зеркала – за весь день он впервые приблизился к этому предмету обстановки – и смотрел на собственное отражение, ожидая, что оно ему скажет. Что разговор состоится, он почему-то ни секунды не сомневался.

Зеркальный двойник не обманул его ожиданий:

– Тебе не стоит подходить к зеркалам, – голос казался похожим на голос убитого фавна, но звучал мягко, без ехидных ноток.

– Почему? – тупо спросил оригинал. Удивительно, гортань, язык и губы слушались великолепно, говорил он как обычно – а может, ему это просто казалось.

– Если начнешь всматриваться в свои глаза, в свою косматую морду – загнипнотизируешь сам себя и не сможешь оторваться. Так и погибнешь.

Осуждающих ноток в словах обитателя зеркала не прозвучало. Сочувствующих, впрочем, тоже – простая констатация факта.

Косматая морда? Колыванов поднял руку и ощупал лицо, покрытое на удивление длинной, уже не колющей палыцы щетиной. Колыванов-в-зеркале не повторил жеста – он оказался чисто выбрит, бледен, под глазами лежали густые тени – такие густые, что казались нарисованными дешевым театральным гримом. Колыванов попытался заглянуть через его плечо – в Зазеркалье; его визави услужливо отодвинулся.

Через мгновение Колыванов понял, что в Зазеркалье все идет не так, как в окружающем его дурном и нереальном мире: через окна дом заливает утреннее солнце; вся мебель цела и на стенах нет рваных следов картечи; в стоящей на столе стеклянной банке шевелят плавниками золотистые карасики; откуда-то снаружи доносится смех – звонкий смех Саши, и слышны мягкие прыжки Филы и ее добродушное ворчание...

– Всё это ты убил. Ты... – Колыванов-в-зеркале говорил грустно, но не обвиняюще. – И Сашу убил ты...

– Я не убивал!!! – взревел Колыванов, хотел крикнуть, что во всем виноват Горянин и его свихнувшаяся сука – и замолчал.

Колыванов все понял: на самом деле в Зазеркалье очутился он сам. Невероятным образом его разум вселился в двойника, живущего в искаженном и страшном мире... Или нет?

Или он никогда не был человеком, а всегда существовал бесчувственным фантомом здесь, в кровавой нереальности – и лишь сейчас неизвестно зачем обрел сознание... Нет... Нет... Не-ет!!! Он Миша Колыванов, и он все помнит, и он не имеет отношения к здешней круговерти взбесившихся вещей и окровавленных трупов...

И есть только один способ это доказать...

Он поднялся с четверенек (когда, как на них опустился?), подтянул правую руку, ремень «Сайги» все еще стягивал запястье. Копируя его жест, Колыванов-в-зеркале быстро вскинул ствол.

Они выстрелили друг в друга одновременно.

2

Он успел первым – зеркало взорвалось, и разлетелось сверкающим ливнем осколков, и встречный выстрел ушел в никуда. Колыванов смотрел на открывшуюся деревянную стенную панель и медленно осознавал, что же он наделал.

А когда понял до конца – рухнул с диким воем на пол и забился в отчаянии среди обломков и осколков.

Это конец! Он стоял в полушаге от спасения, от двери, ведущей из свихнувшегося Зазеркалья обратно – в родной, уютный и спокойный мир. Стоял – и сам уничтожил единственную лазейку, навсегда замуровал себя здесь. Все было так легко – прыгнуть вперед, в зеркало, как прыгнул на деревянную поляну; вышвырнуть двойника-самозванца...

Колыванову хотелось быть – и он был.

3

...Он оказался на улице, не зная и не понимая, как и когда выполз из дома. Солнце закатилось уже больше чем наполовину, но напоследок решило доконать Колыванова. Он двигался, не открывая глаз, не мог открыть, почти полз по земле, крепко зажмурившись и медленно переставляя руки и ноги – но тем не менее ничуть не хуже прежнего знал, что происходит

вокруг. Возникшая на мгновение тогда, в схватке с сатиром, способность остро и ясно ощущать все на большом расстоянии вернулась.

Больше того, он знал не только что происходит вокруг, но и что происходило раньше: вот тут, слева пробежала утром юркая мышь-полевка (*не интересно, слишком мелкая...*); вот тут он сам исходил участок во всех направлениях; а это что? – это следы того маленького человека, как там его звали, Колыванов не помнил, он уже почти ничего не помнил... Дальше, дальше... вот здесь, на берегу, человечешка долго сидел, затем вскочил и побежал...

Колыванов шел по следу. Он не понимал, что вело его вперед – не любопытство, нет, любопытства в нем уже не оставалось, как не оставалось других человеческих чувств. Но он упорно стремился туда, где пересекались в одной точке все невидимые глазу дорожки.

Вот и конец пути.

Он понимал все, что здесь происходило, ясно и четко, все до мельчайших подробностей, вплоть до того, куда отлетели выброшенные «Сайгой» стреляные гильзы. И, конечно, сразу понял, кто убил Сашу, проклятая псина здесь ни при чем (*о, как он ненавидит собак!*), рыжая сука попала сюда уже дохлой... Понял – но все равно не вспомнил, как он все сделал.

Зато сразу догадался, зачем. И – что за неведомая сила влекла его сюда: голод. Самый обыкновенный голод, про который он как-то позабыл... А ведь рядом еда, много вкусной еды...

Ничего неожиданного в открытии не оказалось, и ничего странного и пугающего, говорили же ему двойник в зеркале и деревянный дьявол...

На самом деле таких понятий, как «двойник», «зеркало» в том, что уцелело от мозга Колыванова, уже не существовало – смутные, никак не называемые образы. Но с дьяволом что-то связано, что-то важное, что нельзя забыть, нельзя, невозможно, смертельно опасно... о-о-о-а-а-а-а!!!!

Дьявол – Катя, Катя – дьявол... Он несся к дому длинными скачками, стелясь над землей и повторял про себя последнее уцелевшее имя: Катя, Катя, Катя... Других имен и слов не осталось, зато вставала зримая и яркая картина: Катя открывает калитку и заходит во двор, он смотрит на нее снизу, из густой тени кустов, бросается вперед и...

Катя, Катя, Катя-я-я – имя удерживало оставшиеся крохи сознания на краю бездонной пропасти, готовой поглотить все – имя-соломинка, имя-тонкая нить, готовая вот-вот лопнуть.

Дверь, по счастью, оставалась распахнутой, сейчас он не справился бы с ручкой... Ворвался в дом, «Сайгу» искать не пришлось – обоняние тут же услужливо подсказало, где она брошена...

Клыки лязгнули по стволу, оставляя на прочнейшей оружейной стали глубокие вмятины. Колыванов запихал дуло глубже в пасть и судорожно шарил передней лапой в районе скобы, пытаясь хоть как-то, хоть чем-нибудь, зацепить, нажать, дернуть спусковой крючок.

Последняя мысль у него была всё та же: Катя, Катя, Ка...

4

Он не успел.

Крохотный островок сознания исчез – Миши Колыванова не стало. Тело, мало похожее на человеческое, застыло, сомкнув челюсти на дробовике, и пролежало так больше часа.

5

Тварь зарычала и мотнула косматой башкой – гнусное, отвратно пахнущее железо вылетело из пасти и звякнуло об пол. Тварь освободилась от остатков тряпок, зачем-то опутывающих ее (ткань расплзалась, как гнилая мешковина) – и выскользнула из чужого и опасного логова на улицу, в тихую ночную прохладу.

Движения ее стали легкими, даже грациозными, не похожими на неуклюжие прыжки Колыванова. Но завывала на полную луну она точно так же – хрипло и торжествующе. Нырнула в темноту, через несколько мгновений перемахнула ограду и исчезла – ничего не помнящая и освобожденная от всего. И голодная, очень голодная...

Лежащие неподалеку останки оборотня не привлекали – непонятно откуда взявшийся инстинкт гнал на поиски живого, трепещущего под клыками мяса...

6

Папа Бойчевский резко вдавил тормоз, разбудив все семейство: сын и дочка спали на заднем сиденье, жена клевала носом на переднем – возвращались со слегка затянувшегося семейного пикника на водопаде в Саблино.

– Что, что такое? – встревоженно закудаhtала мадам Бойчевская, пытаясь повернуться к недовольно занывшим детям и не догадываясь расстегнуть мешающий ремень безопасности.

– Вроде собака... – протянул Бойчевский-папа. – Большая, не меньше ньюфа... Сама под колеса нырнула, похоже, зацепил чуть-чуть крылом...

Бойчевский, мягко говоря, слегка лукавил. Удар по корпусу машины был весьма чувствительным.

– Надо бы выйти, посмотреть... – добавил он неуверенно.

Не нравилась ему эта история. Хозяева сбитой на въезде в поселок собаки могли считать себя крутыми, очень даже крутыми, особенно в сравнении с ним, с мирным коммерческим директором мирной обувной фабрики...

– Сиди уж, нечего тебе там смотреть, не театр... Езжай лучше быстрее, темень какая, двенадцатый час, дети толком не ужинали... – мадам Бойчевская завелась надолго, и муж ее, на свое счастье, не стал настаивать.

...Тварь получила первый жизненный опыт – огнеглазое шумящее существо несъедобно, даже опасно, несмотря на то что сквозь вонь бензина и раскаленного металла пробиваются вполне аппетитные запахи. Платой за урок стала перебитая передняя лапа и три сломанных ребра. Но все срасталось и регенерировало у вервольфа почти мгновенно.

«Всегда так, – думал Бойчевский-папа под монотонное бухтение супруги. – Построишь домик на безлюдной, уютной окраине, не успеешь оглянуться – понаедут, понастроят, навезут зверообразных тварей, гуляющих по ночам без поводков и намордников... И начинается не жизнь, а черт знает что...»

Как в воду глядел.

Часть вторая

Лето: не все твари – божьи

Глава первая

1

В летний солнечный полдень:

– Ленка, Ленка! Давай сюда скорее! Во прикол, а? Прямо как настоящая... Я такую у Славки Шеркунова видел, так та еще отпаднее была – волосатая, с ногтищами окровавленными...

– Фу-у-у, грязная... – Леночка смотрела на находку старшего брата с брезгливым любопытством, не решаясь притронуться.

– Выбросили, факт! – уверенно заявил Павлик с высоты своего восьмилетнего жизненного опыта. – Славка тоже все девчонок пугал на переменах, а потом взял и мамане своей подложил в холодильник... Выпорол и на помойку кинул – так и не нашел потом... Значим, а?

Но Леночка уже бежала к машине.

– Мама, папа! Смотрите, что Павлик нашел!

Павлик припустил следом, пытаясь обогнать и первому похвастаться находкой.

Мама, раскладывающая на расстеленном покрывале провизию для пикника, и папа, накачивающий резиновую лодку, – обернулись. Не слишком-то заинтересованно – ну что там эти сорванцы могли раскопать в прибрежных кустах?

Но когда мама, зацепившись беглым взглядом за находку, сжатую в руке сына, взгляделась повнимательнее, – ей стало дурно. Совсем как героине сентиментального романа: кровь отлила от лица, вообще от головы, обмякшие ноги с трудом удерживали тело, норовили подкопиться и уронить свою хозяйку на траву. Лоб покрылся холодной испариной, все звуки доносились откуда-то издалека, приглушенные и искаженные, – обращенных к ней слов мама не понимала...

Папа слабонервностью не страдал – его проняло чуть позже, когда он отправился осмотреть указанное сыном место находки... В коротком перерыве между желудочными конвульсиями папе пришла в голову совершенно несвоевременная мысль, что пикник безнадежно испорчен и любовно замаринованные шашлыки теперь пропадут, – защитная реакция мозга, пытающегося хоть как-то и чем-то отгородиться от увиденного...

2

Тот же день, раннее утро.

Из автобуса Ботву все-таки высадили. Он долго игнорировал громогласные предложения толстой кондукторши: всем вошедшим оплачивать проезд; и потом, когда она добралась до задней площадки и обращалась уже лично к нему, пытался прикинуться совсем полным идиотом, не понимающим, чего от него хотят. Иногда такое срабатывало – отставали, понося проклятых бомжей, расплодившихся до полного неприличия и вконец потерявших совесть.

Но чертова баба оказалась на редкость вредная и настырная, тут же наябедничала водителю – тот остановил автобус между остановками и недвусмысленно раскрыл заднюю дверь.

Ботва не реагировал, крепко вцепившись двумя руками в поручень. Зловредная кондукторша воззвала к пассажирам: он же всех вас задерживает, пока не выйдет – никуда не поедем. Тоже не конец истории, тоже можно поиграть – кто кого переупрямит, чаще пассажиры применять силу не спешат, сидят, уткнувшись в окно или в книжку... Но сегодня, как на грех, случился в салоне какой-то плечистый придурок в рабочей спецовке, даже до вынужденной остановки весьма нервно поглядывавший на часы – не иначе куда-то опаздывал.

Он подошел к Ботве и без слов показал рукой на дверь, сложив пальцы другой в огромный кулак. Ботва, обладавший незаурядной способностью предчувствовать грядущее битье, понял, что у него есть буквально несколько секунд – и напуганным земляным червем выскользнул из автобуса.

До поворота на Войковицы оставалось не больше трех километров, и он бодро зашагал по шоссе. Сегодня урожай наверняка окажется обильным, не то что на прошлой, дождливой неделе... Сегодня Ботва будет при деньгах и проставит Гороховне (когда-то давно, в иной жизни – Изотте Генриховне, преподавателю французского языка) давно обещанную «Льдинку». И они... хе-хе... Черные пеньки зубов Ботвы оскалились в похабной усмешке.

Небольшое живописное озеро совсем недалеко от Киевской трассы, от Гатчины рукой подать (да и от Питера путь не дальний), берега причудливо изрезаны бухточками и заливами, несколько маленьких островков; и неглубоко, метра полтора самое большее, утонуть трудно, да и вода чистая, до самого дна прозрачная – неудивительно, что здесь любимое место для пикников богатеньких автовладельцев. (Богатенькими Ботва считал даже обладателей скромных «москвичей» и «жигуленков», разные бывают критерии богатства.) А у богатых свои причуды, они опустошенные пивные бутылки в багажник не складывают, норовят зашвырнуть в кусты или в озеро.

Бутылочное Эльдорадо Ботва обнаружил прошлым летом и почти год оставался его единственным владельцем: коллеги по промыслу на пикники как-то не выезжают, вообще от города предпочитают не удаляться... В конце нынешней весны повадились шастать по берегам две гнусного вида бомжихи – Ботва попытался их вытурить с законного места, но сучки отбивались яростно, вопя на всю округу и норовя полоснуть по лицу ядовитыми когтищами – а чем заканчиваются полученные от таких грязных тварей царапины, Ботва знал не понаслышке. Подхваченная на берегу толстенная палка позволила достигнуть перелома в битве народов, но поганые лахудры продолжали пиратствовать – теперь втихую, прячась.

Впрочем, у Ботвы имелся свой секрет, свое ноу-хау, позволявшее легко обходить незваных конкурентов, – он пожинал урожай не только по берегам. Припрятанное в кустах на дальнем берегу плавсредство из двух кое-как скрепленных шпал позволяло собирать плавающие в воде бутылки, – и даже утонувшие, хорошо видные на светлом глинистом дне: для такого случая Ботва приспособил некое подобие сачка.

...Первым делом он обшарил самое рублевое место – окрестности удобных подъездов к воде, где траву изгадили следы колес и свежие кострища. Добыча радовала, потяжелевший заплечный мешок приятно позвякивал. Траву и кустики Ботва раздвигал увесистой железной трубой – в любой момент был готов к встрече с проклятыми конкурентками. Теперь – прочесать берег до самой стоянки личной яхты. Здесь, в кустах, кучкуются немоторизованные любители выпивки на лоне природы. И улов тут пожиже, но кое-что попадаетеся...

На этот раз не попалось ничего – лишь длинногорлая бутылка импортного обличья, явно для сдачи не годящаяся, и собачий хвост. Да-да, именно рыжий собачий хвост, не так давно расставшийся с законным владельцем – хвост самого затрапезного, не породистого бобика, с застарелыми репьями, намертво спутавшимися с шерстью.

Хвост Ботва зашвырнул обратно в кусты, мельком подумав о странных развлечениях иных поддавших граждан, а бутылку держал в руке, размышляя, не прихватить ли ее с собой и не заправить ли вечером разведенной «Льдинкой» в видах произведения впечатления на Горо-

ховну. Как раз в тему пойдет, она баба интеллигентная, культурная, нажавшись стеклорезом или аптекой – ругается на ненаших языках (перемежая и редко попадающими в печать словами великого и могучего...). От таких размышлений Ботву отвлекли неясные звуки прямо по курсу, сопровождавшие некое трудно различимое сквозь кусты шевеление.

Он остановился, перехватив поудобнее трубу. Неужели опять те суки? То-то с этого краю все как метлой выметено... Но там оказались не те суки, не в переносном смысле – самые настоящие. А может, кобель или кобели – в доносящихся сквозь зелень звуках явственно прорезалось низкое рычание. Расплодились тут – Ботва злобно и сильно швырнул в кусты столь приглянувшуюся бутылку, враз позабыв о грядущем светском рауте с Гороховной...

Дальнейшее напоминало плохо сделанный мультфильм старых времен, когда художников-аниматоров еще не заменили неумолимые компьютеры, а они, иные художники, от торопливости или просто лени не слишком тщательно прорисовывали все фазы движений, – и экранное действие получалось рваное, с режущими глаз скачками-переходами.

Именно так Ботве виделись следовавшие секунды.

Огромная, обросшая черной шерстью туша прыгает на него – над кустами, небывало длинным и высоким прыжком – Ботва ничего не успевает, да и никто бы не успел – но тварь сама напарывается на выставленную вперед трубу – хрустко, с лету, мордой; и вместо своей цели – горла – врезается в живот Ботвы. Потом Ботва бежит напролом через кусты к воде, почему-то именно к воде, выпавшие кишки мешают, цепляются за ветви, но он мчится, ни на что не обращая внимания. Потом падает – поскользнувшись на осклизлом, окровавленном куске рыжей шкуры. Потом – сразу, без перехода – пасть, одна только пасть, ничего больше он не видит, – рвется к горлу, он прикрывается рукой... Потом – состояние космической невесомости, рука – его рука! – растопыренные пальцы, запястье, часть предплечья – уплывает по воздуху, медленно поворачиваясь, рядом крохотными спутниками – красные шарики, вылетающие из ее разорванных вен и артерий... Потом – снова пасть, невероятно распахнутая – во весь горизонт, во всю Вселенную – она сама и есть Вселенная, необъятная и готовая поглощать... Потом... Никакого потом для Ботвы не было.

3

Доклад Марченко-Чернорецкого (уцелевший фрагмент)

...упоминавшийся в письменных древнерусских источниках полоцкий князь из династии Рюриковичей Всеслав Бречиславович (ум. в 1101 г.). Указания на ликантропию Всеслава встречаются в 4 относительно коррелированных документах [13, 17, 19, 29]. Генезис явления не известен, сообщения «Повести временных лет» (Лаврентьевский и Полоцко-Туровский варианты) позволяют предположить, что имел место случай спонтанно-наследственной ликантропии. Всеслав Бречиславович родился от связи своего отца Бречислава (сына Изяслава, внука Владимира «Святого») с дочерью волхва-кудесника; вариант Радзивилловской летописи – «родился от волхования». При рождении имел на голове знак не установленного характера – т. н. «язвено» (версия ак. Лихачева, вошедшая в классические комментарии, о том, что упоминаемое «язвено» было «сорочкой», т. е. остатками плодного пузыря, представляется малоубедительной). Именно наличием данного знака летописцы объясняли кровожадность Всеслава («немилостивъ есть на кровьпролитъ»).

Судя по ряду указаний, ликантропия князя кратковременно и спонтанно проявлялась в моменты реальной и серьезной опасности для жизни (побег после проигранной битвы при р. Немиге в 1067 г., побег от врагов из г. Белгорода в 1069 г. и т. д.) и завершалась полной ремиссией (вариант 2б). Описания происходившего неполны, но очень схожи: «в ночи рыскал волком», «скакнул лютым зверем» (т. е. так же волком), снова «скакнул волком». Все указанные эпизоды имели место ночью и отличались неправдоподобно высокой скоростью передвижения. Если сообщение «Слова о полку Игореве» о проделанном Всеславом за одну ночь («до петухов») в образе волка пути между Киевом и Тьмутараканью (более 1000 км по прямой) доверия не заслуживает, то в «Поучении» кн. Владимира Мономаха приводится достаточно правдоподобный случай...

Глава вторая

1

Нет, где и как бы тебя ни швыряло по свету, умирать надо возвращаться в те места, где родился.

Как стронутый с лежки заяц – который несется вроде беспорядочно вперед, и совсем пропадает из виду, только слабый голос гончей доносится издали – но, заложив огромный круг, возвращается обратно и падает от меткого выстрела на родной полянке, разгребая подергивающимися лапами багровые и желтые листья.

Или скорее как лососи, избородив все просторы огромного океана, возвращаются на исходе жизни к истокам крохотных родных речушек, – то ползут брюхом по гальке, то взлетают стремительными прыжками над водопадами, – и умирают там, где родились...

Так или примерно так думал старик, хотя едва ли смог бы выразить словами эти образы – просто скупой бы сказал, что хочет повидать перед смертью Сибирь, – да не судьба, видно.

Хотя грех жаловаться, привык за десять лет к Александровской, привык и даже полюбил: старый деревянный дом, унаследованный от старшей сестры; полюбил и скромную здешнюю природу, отнюдь не поражающую размахом и величием пейзажей, буйством рек и бескрайностью тайги, – мирно журчащую Кузьминку, почти не видную летом сквозь зелень ольх и кустарников, и невеликие осинового роши, таящиеся по укромным оврагам, и, конечно, здешние парки – старые, заросшие, превратившиеся просто в леса, прорезанные аллеями, и позабывшие свое блестящее имперское прошлое: стук копыт и звон шпор, и торопливые поцелуи под густыми кронами дубовой аллеи, и мнувшийся под жадными руками шелк придворных платьев, и щелчки взводимых курков на скрытой от глаз утренней поляне, и негромкую команду: «Сходитесь!» – а может, и не позабывшие, может, грезящие блеском Империи в бесконечном сне полуразрушенных дворцов над затянутыми ряской прудами...

...И нехитрые крестьянские заботы полюбил старик – огород, сад, дрова к зиме, – хоть и непривычно казалось поначалу, после того как прожил всю жизнь на казенных квартирах и флотских пайках. Сказал бы кто лет двадцать назад, что будут у него и кролики, и куры, и даже корова, – не поверил бы, рассмеялся бы, как веселой шутке: корова? молоко? да нет, ребята, я из молочного только молочными железами интересуюсь...

Однако вот как все повернулось: прошло двадцать лет и сейчас, теплым июньским вечером, он шел на выпас за Магдаленой, – неизвестно, отчего четыре года назад покойной жене стукнуло в голову это такое коровье имечко... Да бог с ним, с имечком, было бы полно вымечко, – старик улыбнулся пришедшему в голову двустистию. Раньше, в прежней жизни, подобные

стишки получались у него хлесткие и малоцензурные, принеся старику славу одного из первых хохмачей Тихоокеанского флота. Давно это было, ой как давно... Но старик не страдал ностальгией. Всю свою жизнь он прожил, не оглядываясь назад. Цель и способ ее достижения – и никаких ностальгий с рефлексиями.

Правда, какие уж теперь цели, на шестьдесят-то восьмом году... дальше чем на месяц вперед и загадывать не стоит...

...Он почти дошел – осталось подняться по склону, обогнуть заросли кустарника, отвязать Магдалену и...

Старик остановился. Коровы на лужайке не было.

2

Генерал аккуратно сложил пачку фотографий. Сомнений не оставалось, но все-таки он спросил:

– Ошибка исключена?

– Исключена, – подтвердил очевидное Капитан.

Странное дело: теперь, когда потенциальная угроза превратилась в реальную опасность, требующую ответных действий, – он успокоился совершенно. Тянувшиеся больше месяца усиленные и подспудные поиски контейнера успехом не увенчались. Штамм сработал, и сработал самым поганым образом, поставив под удар все их дело, – но зато исчезла проклятая, изматывающая неизвестность. Ловля черной кошки в темной комнате закончилась. Начинается охота на смертельного опасного, но зримого и осязаемого противника.

Месяц командировок, месяц, когда отсыпаться приходилось в самолетах – он мотался по бескрайним просторам бывшего Союза (и Седой, и Руслан тоже), не зная и не предполагая, где может всплыть проклятый контейнер.

Череда окровавленных и растерзанных трупов слилась в один непрерывный кошмарный калейдоскоп.

Дальневосточный рыбак, задранный белогрудым медведем, считавшимся вроде относительно мирным и не хищным по сравнению со своими бурыми и белыми родственниками... Алкаш из Усть-Кулома, скончавшийся под елочкой в обнимку с трехлитровой банкой бодряного спирта и безбожно обгрызенный какими-то мелкими хищниками из породы кунных – завершения экспертизы Капитан не стал дожидаться, улетел, как только лично убедился, что характерных укусов ликантропа на труп не... Ребенок с лицом, выжранным уссурийским леопардом, – зрелище, заставившее пожалеть, что этих реликтовых тварей осталось на всю российскую тайгу около тридцати особей, – Капитан предпочел бы ровное и круглое число ноль, невзирая на все лицемерные стоны «зеленых» экологов и прочих любителей животных, предпочитавших любить крупных хищников из своих безопасных и далеких от леса квартир, не стоявших над растерзанными детскими трупами и не беседовавших с бившими в истерике матерями...

Каналы Генерала работали бесперебойно, сообщения поступали и поступали. Капитан раньше и представить не мог, сколько людей в стране погибает на клыках, на зубах, на рогах и бивнях диких животных. И сколько жертв на счету зверей, числящихся вроде ручными и домашними. Очень много...

Но теперь все закончилось. И началось снова. Контейнер всплыл под самым носом. Два нападения – вернее, два зафиксированных нападения. Другие растерзанные в глухих уголках люди могли числиться пропавшими без вести. Обе жертвы убиты и частично сожраны...

– Ну что же, приступим... – Генерал встал из-за стола, достал и развернул большую карту. Потом снял трубку и пригласил в кабинет Эскулапа.

3

Коровы на выпасе не было.

Старик не стал изумленно ахать, или протирать глаза, или хвататься за голову, не стал вообще как-либо внешне реагировать. Крепче стиснул в руке небольшой ломик-фомку – им он забивал в землю стальной костыль, к которому крепилась цепь, им же и выдергивал обратно...

Почему цепь? – старик и сам не знал, вроде смутно вспоминалось, что на родине, в Сибири, привязывали скотину на длинные веревки... Или то были не коровы, – козы? А коров пасли стадом, без привязи, с пастухом и двумя подпасками? Он уже не помнил, но здесь, в Александровской, все местные жители пользовались длинными и относительно тонкими цепями...

Цепь, кстати, на месте осталась – лежала в сочной и яркой июньской траве, вытянувшись в ровную линию. И старик медленно пошел вдоль нее, словно надеясь, что на другом конце обнаружится Магдалена, прилегшая отдохнуть в какую-нибудь ямку, канавку, ложбинку и совершенно незаметная со стороны. Вот только нет никаких ложбинок на давно знакомом выпасе.

Точно! Трети цепи не хватает... Так ведь и не собрался заварить разошедшееся звено, не хотелось идти на поклон к Ваське-сварщику... понадеялся на русский авось и несколько витков толстой медной проволоки – вот она и торчит печальным обрывком из ставшего последним звена. А старику искать неизвестно куда убредшую Магдалену по всей немалой пустоши, по всем ее лужайкам, овражкам и кустарникам – и хорошо, если до темноты управится...

Он управился до темноты. Отыскать Магдалену вообще никакого труда не составляло – достаточно оказалось пройти несколько десятков шагов по направлению, указанному вытянувшимся обрывком цепи, и протиснуться сквозь явственный свежий пролом в кустах... Корова нашлась там, сразу за проломом.

Точнее сказать, нашлось то, что от нее осталось.

4

– Сколько их? Не надо забивать мне голову предполагаемой плотностью популяции и гипотетической величиной ареала. Скажите попросту, Эскулап: сколько их?

– Не знаю. Слишком мала статистика. Надо подождать. Вот наберется десять-пятнадцать эпизодов, достоверных эпизодов... при том, что неучтенных не останется... и я вам отвечу. Назову число голов в прайде с вероятностью девяносто пять процентов.

Капитан вертел в руках паркеровскую ручку и боролся со жгучим желанием вогнать ее в глаз Эскулапа, явно над ними издевавшегося. Он зримо представил, как светило засекреченной науки нелепо взмахнет рукой, безуспешно пытаясь заслониться, как острое золоченое перо проткнет веко, глазное яблоко, как мягко войдет в мозг. И как задергается ожиревшее тело, не понимающее, что уже мертво...

Возможно, Эскулап что-то прочитал на его лице, потому что сменил тон и сказал почти оправдываясь:

– Никто вам сейчас точнее и не скажет, в мире нет ни одного специалиста по образу жизни обитающих на воле ликантропов. Ни одного! Все наблюдения в клетках мало чего стоят... И еще меньше стоят все слухи, сказки и легенды-страшилки. Черт возьми, мы даже не знаем, сколько ему нужно мяса для поддержания миофибрилл в сверхактивном состоянии, и сколько длится активная фаза и когда наступает релаксация, – в клетках они могут неделями пребывать в полуспячке, ничего не жрать и почти не двигаться... Здесь нужна работа серьезных зоологов и зоопсихологов, длительная, не на один год работа. А я специалист в биохимии, понимаете вы?

Я могу попытаться объяснить, как мышцы оборотня умудряются расщеплять АТФ, получая при этом в три раза больше энергии, чем при аналогичном процессе у человека. Но понятия не имею: как, когда и каким способом тварь предпочитает набивать себе желудок...

– Придется расширить квалификацию, – твердо сказал Генерал. – Зоопсихологов нам в помощь в ближайшее время не ожидается. И не надо так уж приbedняться, Эскулап. В свое время вы просеяли груды информации о ликантропах, должен же остаться какой-то сухой остаток, – то, чему можно доверять и на что можно опереться?

– Все источники твердят об одном и том же: наиболее близким аналогом поведения ликантропа является модус вивенди волка. Волка-людоеда, волка, почувствовавшего вкус к человечине. В принципе, те данные, что у нас есть, в такую схему укладываются. Тогда стоит ожидать следующего: в ближайшие месяцы нападения на людей будут редкими и случайными, можно сказать, только на тех, кто сам полезет на клыки... Летом для всех хищников пищи хватает: птицы выводят птенцов, а звери – детенышей, и те и другие добыча легкая; опять же скотину держат не в хлевах, выгоняют на день пастись... Первые две жертвы при таком раскладе можно считать достаточно случайными, они погибли, пока объект не научился добывать пищу наиболее оптимальными способами. А вот о том, что может начаться зимой, лучше не думать... Необходимо пойти на любые меры и отловить их. Отловить до холодов.

«Отловить... – мрачно думал Капитан. – Доводилось, как же... Только за двух отловленных пришлось заплатить шестью жизнями – и это на затерянном в безлюдной лесотундре полигоне, где вокруг только свои... Причем у объектов кое-что уже изъяли на нужды науки и прыть была совсем не та. А ловить в густонаселенных местах полных сил тварей... или все же одну?... Хо-хо... К чертям науку вместе с ее нуждами и интересами. Будем убивать, и точка».

– Они станут держаться вместе? – спросил Генерал.

Эскулап пожал плечами.

– Волки – держатся. Но ставить знак равенства между ними и ликанами нельзя, такой подход может увести далеко в сторону. К тому же у меня чисто интуитивное подозрение, что мы имеем дело с одной особью...

– Между местами нападений почти сорок километров, – напомнил Капитан.

– Ерунда, он самой вялой рысью покроет сорок верст за пару часов... А если выложится, то переплюнет и знаменитого гепарда, на стайерской дистанции уж точно...

Капитан сидел и пытался представить, как можно охотиться на зверя, способного на пересеченной местности играючи обогнать любую машину и любой снегоход. И еще много на что способного.

Размышления не были особо грустными – теперь, когда тварь локализована, когда вся бескрайняя территория, на которой они ждали ее появления, сократилась до нескольких районов области, остается сделать не так уж и много: уничтожить оборотня и проследить ниточку, связывающую косматый труп с затаившимся в Лаборатории человечком... Но тут, не прошло и минуты после того как за Эскулапом закрылась дверь кабинета, Генерал сказал простые и убившие наповал слова:

– На помощь со стороны не надейся. В лучшем случае – информация. Все придется делать самим.

Глава третья

1

Совершенно целой и невредимой осталась только голова – но валялась в стороне, шагах в десяти, выставив рога и бессмысленно уставившись в небо налитым кровью глазом.

А остальное... остальное оказалось зрелищем не для слабонервных – кишки, разорванные, с вылезающей зеленой жижей – сколько же их, вся полянка завалена скользким месивом, как только помещались в одном коровьем брюхе... В этом сплетении, похожем на клубок чудовищных раздавленных червей, все остальное терялось, не сразу бросалось в глаза: куски туши, обрывки шкуры, кости – некоторые обглоданы почти добела, на свежих розовых хрящах – следы зубов; а еще – кровь, и мухи, мухи, мухи...

Старик слабонервным не был.

– Пятьсот долларов... – без всякого выражения сказал он, других слов не нашлось. – Пятьсот долларов...

Он с трудом нагнулся, протянул руку к останкам... Затем приблизил к глазам окровавленные кончики пальцев – кровь свежая, только-только начала сворачиваться. Старик поднял оброненную фомку и подозрительно огляделся по сторонам, – давно знакомое место показалось мрачным и зловещим. В кустах, обступивших с трех сторон поляну – ни шевеления; и с четвертой, где тянулась до самой железной дороги редкая ольховая роща – тоже тихо, ни звука, ни движения.

Тишина давила.

– Пятьсот долларов... – фраза привязалась, фраза прилипла к зубам. Он сплюнул. Пятьсот долларов предлагали старику за Магдалену прошлым летом, сразу после смерти жены. Старик тогда колебался, не уверенный, управится ли. Но решил, что справится, – и справлялся. До сегодняшнего вечера.

Он, сам не зная зачем, просто чтобы занять руки, стал сматывать валявшийся под ногами остаток цепи – последние полтора метра оказались все в липкой крови – с отвращением отбросил в сторону.

Ноги ослабли, как будто сильно затекли, он едва их чувствовал, такое часто случалось с ним в последние два-три года, – и всегда неожиданно. Старик медленно отошел в сторону. Выбрав незагаженное местечко, с трудом присел у ивового кустика, – посидел, массируя бедра и голени. Курить хотелось зверски, но он бросил раз и навсегда в день своего шестидесятилетия...

Протянул руку, ухватил кончик гибкой ветки – не хотела ломаться, он оторвал, измочалив на сгибе – стал жевать, с листьями и почками, жевал, чувствуя, как рот наполняется жгучей горечью. Полегчало... Старик выплюнул зеленую массу и встал.

Времени мало, а успеть надо многое...

2

Доклад Марченко-Чернорецкого (уцелевший фрагмент)

...достаточно правдоподобный случай безрезультатной ночной погони свежего отряда черниговских дружинников, скачущих «о двою коню» за раненым и утомленным битвой Всеславом [29].

Имеются только косвенные данные о присущих Всеславу и характерных для ликантропов способностях к регенерации и быстрому заживлению ран. Например, достоверных данных о дате рождения князя нет, однако известно, что он занимал полоцкий престол в течение 57 (!) лет, ведя при этом жизнь, полную битв и опасностей, неоднократно получая раны и попадая в плен, но умер своей смертью в возрасте не менее 80 лет, что позволяет предположить наличие подобных способностей. Попытка убить Всеслава во время Киевского мятежа 1068 г. холодным оружием (меч) успехом не увенчалась [17].

Династия полоцких князей, потомков Всеслава, пресеклась в XIV веке, в отличие от других княжеских фамилий из рода Рюриковичей, что делает невозможным взятие исходного материала у далеких потомков и анализ на наличие латентного W-гена. Родная внучка Всеслава Бречиславовича княжна Предслава в возрасте 12 лет ушла в монастырь (добровольно?) и канонизирована собором РПЦ в 1547 г. под именем св. Евфросинии Полоцкой. Мироточивые мощи св. Евфросинии хранились в Киево-Печерской лавре и Спасо-Евфросиниевском монастыре. Подробности изъятия генетических образцов Предславы-Евфросинии см. в Приложении 4 разд. 5. Генетическим анализом наличие W-гена не обнаружено. Не исключена версия подмены либо фальсификации мощей...

2

«Ледяной сфинкс... Будда с каменным лицом и бездонными васильковыми глазами. Сидит, зарылся в бумаги, думает. За всех за нас думает. Нам думать незачем. Мы давно уже не люди, он давным-давно нас всех поглотил, переварил и усвоил, мы теперь просто части его огромного организма: Седой его уши, Эскулап – какая-то часть мозга, хранящая знания и умения по биохимии; Доктор – то же самое в области прикладной генетики и, по совместительству, в последнее время также недремлющая совесть...

А я? А я, наверное, палец. Указательный палец правой руки – тот, что жмет на спуск... И всем нам хорошо, пока он все делает правильно и не ошибается, он просто не умеет ошибаться; но если ошибется, тогда... Не знаю, что тогда будет с другими, но ампутацию указательного пальца он перенесет безболезненно...»

Капитан сидел, ругательски ругая про себя Генерала, и в то же время понимал, что не совсем прав. Он и не искал правоты, перегонял внутри себя эмоции, не давая вырваться наружу. Капитан устал.

...Генерал был идеальным руководителем.

Идеальным для того, чем они уже много лет занимались. Он был требователен до жестокости и взыскателен до беспощадности, он никогда не допускал ошибок, – потому что не признавал их. Если выбранный путь оказывался ошибочным – шел напролом, не жалея ни себя, ни других: разносил вдребезги все хитроумные ловушки и капканы, настроенные на него в жизненных джунглях, протапывал новый путь, если пути не было. Сметал всех, кто пытался встать на дороге. Без трепета жертвовал жизнями, если надо – многими жизнями.

Но – никогда не поворачивал назад и не объявлял ошибку делом рук дураков-подчиненных. Как капитан на пиратском судне: первый после бога и отвечает за все. Корабль не может утонуть, потому что штурман оказался пьян, а впередсмотрящий уснул, – кэп отвечает за все. У хорошего шкипера команда не может быть плохой – он сам отбирает команду. Генерал свою команду набрал давно, оставив лучших: не справившиеся – на берег, взбунтовавшиеся – за борт. У него была идеальная команда.

Но беда в том, что она идеальна на борту – и ни одного человека лишнего, у всех свое место и всяк знает свой маневр. А сейчас перед бушпритом флибустьерского брига лежал огромный континент и стояла скромная такая задача: захватить его, закрепиться, разбить на сектора бескрайние джунгли, весело прочесать и найти крохотное кашеево яйцо – яйцо с их смертью. И все – очень быстро. Решения не имелось. Вообще. Точнее, имелось: объявлять открытый континент собственностью короны и скликать на подмогу королевский флот. На это шеф не пойдет. Никогда. Потому что совсем неизвестно, как оно обернется: назначат генерал-губернатором или вздернут под барабанный бой на рею.

Капитан столкнулся с необходимостью выбрать: или он немедленно прыгает за борт, надеясь спастись в одиночку, или – надевает чистую тельняшку и готовится вместе со всеми к самому последнему абордажу. Ни того, ни другого не хотелось, и он ругал Генерала чуточку суеверно, надеясь, что тот извернется, сделает невозможное, сохранит в целости и набитые золотом сундуки, и их шеи. Сундуки, впрочем, еще предстояло откопать.

В общении с подчиненными Генерал все делал вовремя и ничего не делал не вовремя. Невозмутимо разглядывая бумаги, он выждал ровно столько (после ухода Эскулапа прошло больше получаса), что Капитан успел пройти внутри себя все стадии – от беспросветной тоски и холодного равнодушия до осознанного желания что-то предпринять, не сидеть сложа руки.

– Успокоился? – поднял взгляд Генерал. – Тогда начинаем работать. Для начала возьми вот эти две папки и внимательно ознакомься. Думаю, пригодится.

– Что здесь?

– Материалы по волкам, одичавшим собакам и метисам. Имеет прямое отношение к нашей проблеме. Прочитаешь – поймешь.

3

По близкой железке прогрохотала электричка, невидимая сквозь зелень. Из города. Наверняка плотно набитая по вечернему времени. Едут на дачи – покопаться в огородах, проведать детишек, сданных на попечение бабушкам-дедушкам. Сидят, попивают пиво, хрустят чипсами, лениво разгадывают сканворды или просто бессмысленно пялятся в мелькающие мимо кусты и деревья. И понятия не имеют, какой грязной и кровавой работой занимается старик совсем рядом. Не будь этих деревьев, они бы его увидели. Но не видели, и слава богу.

Срезав перочинным ножом рябинку в полтора своих роста, он отсек самые тонкие побеги – верхушка стала похожа на скелет корявой многопалой лапы. Импровизированный инвентарь помог прибрать изгадившее полянку непотребство – заменял и вилы, и грабли, и метлу – правда, заменял плохо.

Но старик справился. Он пока не отвык справляться со всем, что подкидывала жизнь. Хотя – с трудом, на пределе, все ближе и ближе к краю.

Он сгреб-смел, растревожив мушиные полчища, то, что осталось от Магдалены, к большой заплывшей сухой воронке, густо обросшей по краям кустарником. Наиболее загаженные кровью и чем-то еще – липким, скользким, вонючим – стебли и листья тоже покидал в воронку.

Туда же затащил голову – аккуратно, чтоб не испачкаться.

Делал все без малейшего следа бабьих сантиментов по сгинувшей любимице-кормилице. Старик не признавал причитаний, охов, вздохов и надгробных речей над почившими домашними любимцами. Какие еще похороны? – корову убили, надо прибрать падаль, негоже полянку оставлять в таком виде.

И только закончив, вытирая листьями цепь от кровавых сгустков, задумался: как убили? Каким способом? И, самое главное, кто? У него за много лет выработалась привычка решать задачи в строгой последовательности.

...Не надо быть куперовским Следопытом, чтобы понять произошедшее на выпасе. Смертельно напуганная (укушенная?) Магдалена рванулась, разорвав соединение цепи и напролом ринулась через кустарник. Далеко не убежала – здесь, на полянке, догнали, вцепились зубами – под брюхом? за глотку? – скорей под брюхом, разорвав и выпустив кишки, она металась, разбрасывая их по полянке, ошалев от боли. Потом свалилась – и ее стали жрать. Еще живую.

Картина складывалась такая или примерно такая, детали не так уж и важны. Оставался один маленький вопрос: КТО?

Случись такое пятьдесят лет назад в его родной сибирской деревне, ответ был бы ясен: медведь.

Именно таким манером косолапые задирали одиноких буренок, а особо голодные не боялись напасть и на стадо. Съедали, сколько могли, и оставляли остальное, чтобы прийти на второй или третий день и доест. Все похоже, вот только в здешних местах медведи не водились. И забрести им неоткуда – на большом протяжении нет вокруг настоящих обширных и густых лесов, в которых только и водятся топтыгины – все так, по мелочи: рощи, перелески, лесные острова да речные уремы... Лоси иногда забредали в голодную пору, кабаны, а медведи – никогда.

Волки? О волках ходил один слух...

Глава четвертая

1

Синяя папка Генерала могла поведать о волках много интересного.

Серые разбойники, беспощадно истребляемые в довоенные и в послевоенные годы, последнюю четверть века чувствовали себя в большей безопасности – медленно, но уверенно восстанавливали поголовье, вновь исподволь заселяли очищенные было районы.

Иные скорбные на голову радетели природы подняли в семидесятых шум в защиту братьев-люпусов: дескать, санитары природы, выбраковывают слабых и больных животных, необходимы как экологическое звено...

Все так, за исключением одной малости: эти выкладки верны для девственных лесов, где почти нет людских поселений. А с человеком серые мирно никогда не уживутся. Да – истребляют слабых и больных копытных. Хорошо. Истребили, оздоровили популяцию. Результат: здоровые лоси бегают быстро, да и копытами норовят отбиваться – хрясь, и пополам волчий череп. Но подрастающие волчата жрать хотят, между прочим. А рядом – коровы, овцы, козы – ни убежать, ни отбиться не могут. Собаки – хоть родственники, но в голодуху родство забывается. И, самое страшное, – зимой, когда скот не выпасают, на зуб волкам порой попадают люди. Тоже легкая добыча...

Любой крестьянин такие вещи знает с детства, его сказочки Киплинга о серых братьях не умилят. Но кто же из городов к крестьянам прислушивается? В городах показывали трогательные передачи о прирученных лобастых волчатах, журналисты марали газетные полосы доказательствами волчьей необходимости и полезности... Нарасхват шли Фарли Моуэтт, Сетон-Томпсон и Джек Лондон. Высоцкий хрипел о гордых волках и паскудах-егерях. В кинотеатрах крутили «Лобо» – вершину волкофилического маразма, усугубленного прогрессивной идеологией (в фильме эксплуататоры-скотовладельцы притесняли свободолюбивого волчару, а пролетарии прерий, значит, выступали с ним в союзе – это надо было видеть!).

И процесс пошел.

Премии за убитых волков стали мизерные, дефицитных товаров в обмен на сданные шкуры уже не продавали. Прекратились многолюдные облавы, отстрел с самолетов и вертолетов; свернули выпуск волчьих капканов и ядов.

Да еще, как на грех, в те же времена поход на нарезное охотничье оружие объявили, – и в самом деле, недосмотр выявился. В стране два миллиона охотников, у половины, помимо дробовиков, есть и нарезные стволы. Шестьдесят дивизий полного состава вооружить можно! А ну как не туда стволы повернутся? Где-то наверху все посчитали, схватились за голову, срочно приняли меры – карабины с мелкашками изымали, у тройников рассверливали нарезной ствол... Промысловикам, правда, оставили, и на том спасибо.

Но волки только радостно скалились, когда с полутора сотен метров по ним пытались лупить из гладкостволок...

Короче говоря, результаты не задержались.

Спохватились лет через двадцать, когда стало не до умиления – серые собирали жатву скота обильнее, чем все болезни и эпизоотии, вместе взятые.

И – гибли люди.

Попытались раскрутить маховик обратно, волки отчаянно сопротивлялись – самый пластичный вид, выживают всюду, в пустыне, в горах и в тундре – а подаренные двадцать лет использовали на всю катушку. Истребляли глупых – выжившие меняли тактику. Учились не бояться флажков, не трогать отравленные приманки, обходить капканы. Появились молчаливые волки – вопреки природе абсолютно не выли, не выдавали логово. Самые наглые селились буквально на городских окраинах, промышляли на зловонных свалках мясокомбинатов – и благоденствовали, кто же из городских не примет волка за бродячую крупную собаку?

Возобновившаяся война шла с весьма переменным успехом...

2

Всех этих подробностей старик не знал. Но с детства усвоил твердо: видишь волка – стреляй!

Но! Про волков в окрестностях Александровской старик не слышал. Вернее, слышал один раз. От Васи – так и только так называли все знакомые весьма уже пожилого рыболова, постоянно ловившего на Кузьминской дамбе. Не по имени-отчеству, и не просто по отчеству, – Вася и все.

Вася утверждал, что видел волка. На зимней рыбалке. Всего в паре километров от поселка. Серый перемахнул замерзшую Кузьминку и залег в кустах на правом берегу. Затаился. Вася, упорно сидевший в полное бесклевье на водоеме в гордом одиночестве – подумал, подумал, да и засобирался домой. Кто его знает, какие у нежданного соседа планы на ближайший ужин. Вот и вся история. Не слишком авантюрно-героическая – и поэтому вполне возможная.

Больше никто и никогда в последние годы волков здесь не встречал. Что, конечно, ничего не значит. За четыре ночных ходки серые могут пересечь область с севера на юг – легко. И все равно сомнительно. Подобные переходы они совершают лишь в зимний голод, – старик знал точно. Летом же далеко от логова не уходят – пестуют волчат... Или логово где-то здесь, под боком?

Совсем исключить такой расклад нельзя. Но и рассматривать не стоит – маловероятен. Значит, остается только последний вариант. Самый хреновый из всех возможных. Самый пакостный...

Старик одолел наконец ведущий от выпаса косогор, вышел на натопанную тропу. Постоял, пережидая колотье в боку. И сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Не ту вы выбрали корову, суки.

Не грозил, не пугал, просто проинформировал.

3

– Не понимаю одного – почему их так мало? – спросил Капитан, словно все остальное в этом мутном деле было ему понятно. – Если бы сработал весь контейнер, началось бы такое... А тут всего один, много два...

– Тебе мало? – недобро удивился Генерал. – Может выпустить еще несколько для комплекта?

И добавил серьезно:

– Не ломай голову. Можно придумать с десяток вполне правдоподобных версий – а что толку? Ничем они нам не помогут. Какая разница на данном этапе? Что имеем, то и имеем... Они не знали, что больше месяца назад...

...от всего увиденного у Зуева перехватило горло – работал он первый год, и это дело оказалось лишь третьим на его счету, связанным с трупами. Но те, первые два жмурика, ни в какое сравнение не шли: первый убит током в результате преступной халатности, второй – жертва бытовухи, банального убийства кухонным ножом после совместного распития... Труп того зарезанного алкаша тоже, конечно, не картина Рембрандта, но сегодняшнее зрелище... Никакие фотографии из старых дел, никакие казенные строчки протоколов не передают, к примеру, запаха – тяжелого запаха смерти... А уж вид... Зуев старался, чтобы взгляд не захватил сразу всю картинку, специально фокусировал его на отдельных деталях кровавого месива – и все равно через пять минут не выдержал, ушел в дом, оставив хлопотать у трупов экспертов и фотографа...

Дикий разгром внутри не добавил ему душевного спокойствия – следы первобытного, просто животного буйства действовали угнетающе – но здесь по крайней мере не было крови и разбросанных по траве частей тела. И сдавившая глотку невидимая петля понемногу ослабла... Зуев сглотнул комок в горле, подошел к раковине, повернул кран – легкое шипение, бульканье где-то в глубине труб... Ему повезло, ему несказанно повезло, не иначе как родился под счастливой для прокурорских работников звездой, – вода из брошенного отвернутым крана ушла в канализацию. Не вся – на дне водонапорного бака оставалось около ста литров, резерв на случай непредвиденных поломок системы, но чтобы добраться до них, надо было завернуть один и открыть другой вентиль, – наверху, у бака... Зуев всего этого не подозревал, как и не подозревал о своей счастливой планиде – увидел пластиковую пятилитровую бутылку с водой, отыскал целый стакан в груде битой посуды, налил и выпил. Присел на стул с изможденной свинцом спинкой, задумался...

Работу с отпечатками здесь уже закончили, хотя она казалась чистой формальностью, картина и так ясная – сосед бизнесмена не уследил за крупной и опасной собакой, буквально разодравшей мальчика... Не уследил и схлопотал заряд в картечи в голову от озверевшего при виде такого зрелища отчима пацана. Да тут и озвереешь... Зуев готов был прозакладывать все свои шансы дослужиться до прокурора района за то, что отпечатки на брошенной «Сайге» принадлежат хозяину дачи, и никому иному. Осталось только взять убийцу. Особо сложной его поимка не представлялась, очень даже может быть, что успокоится, все обдумает и явится завтра с повинной... И если хороший адвокат построит защиту на том, что убитый натравил пса на мальчика и пытался натравить на Колыванова... Да, тут можно отделаться дешево...

Зуев выпил еще стакан воды и неохотно вышел на улицу...

Всего этого Капитан с Генералом не знали. Сводку, где упоминалась трагедия в Редком Кузьмине, Капитан видел, он поглощал тогда огромные массивы информации, пытаясь найти хоть какую-то зацепку. Но – прочитал на лету, в полном смысле слова, через час после взлета борта Печора – Усть-Кулом, и внимания она не привлекла. Да и с чего? Мало ли убийц и грабителей, мошенников и аферистов объявляют в розыск? Про обстоятельства, предшествовавшие убийству, сводка умалчивала...

Дело Колыванова всплывет несколько месяцев спустя, когда Катя, жена бизнесмена, (так ни разу с тех пор и не побывавшая на заколоченной даче), отчаится в способности следствия дать приемлимые для нее объяснения случившемуся – и обратится к частным сыскарям...

4

Старик хотел вернуться с выпаса незаметно, но не получилось. Из-за забора моментом высунулась Клавдия, соседка. После смерти жены она – одинокая, пятидесятилетняя – все чаще цепко поглядывала на старика и его хозяйство.

Он прикрыл калитку, брякнул к поленнице обрывки цепи и фомку. И тут Клавдия – поняла.

– И-и-и... А где Магдалена-то, Степаныч? Свели?!

– Сожрали, – мрачно и коротко сказал старик, с тоской предчувствуя, что сейчас придет цунами причитаний, ужасаний, выражений сочувствия и пустопорожних советов – и все на фоне болезненно-сладострастного бабьего любопытства.

И оно пришло.

Глава пятая

1

Доктор сидел в пустом помещении. Один, все давно разошлись. Мерно гудел термостат, где-то нудно капало из крана.

Он ничего не делал, лишь мрачно смотрел на свое отражение в химустойчивом стекле, покрывающем стол. Шаги Эскулапа прозвучали гулким эхом каменного гостя.

– Смотри, Витя, разгрыз я твой орешек, нашел причину. Ларчик просто открывался. А ключик-то серебряный. Смотри!

Посмотрел – без интереса. В руках Эскулапа – челюсть. Мощная нижняя челюсть, беложелтая, шестнадцать зубов, как у человека. Но зубы не человеческие. Неприятная игрушка.

– Смотри, смотри... Кариесы! Целых три. И еще пять нашлись на верхней. Не наводит на размышления?

Доктор удивился вяло:

– Откуда у объекта кариесы? Ерунда какая...

Действительно, ерунда. У объекта зубы заплывают дентином, увеличиваются, трансформируются, покрываются новой эмалью... Если даже имелись старые пломбы и полости, все спрятано глубоко внутри, а новые появиться никак не успевают, не живут объекты в Виварии столько... Но черные дырки – вот они.

– Это еще не все. Следи за руками! Внимательно следи...

Толстые, но ловкие пальцы стиснули кариозный зуб – треугольный в сечении, больше похожий на клык, чуть загнутый назад. И, небывалое дело, зуб хрустнул, рассыпался белой трухой. Показался другой, прятанный внутри, с плоской вершиной – обыкновенная человеческая шестерка. Тоже с кариесом. Эскулап надавил второй, где дупло было поменьше – та же картина. Взял челюсть двумя руками и без малейшего труда разломил пополам.

– Впечатляет? Никакого подвоха нет, ничем не обрабатывал, только мягкие ткани удалил легонько.

Впечатляло. Но ничего не объясняло. Никак не объясняло, почему антидот нового поколения, призванный сломать и разрегулировать генный механизм трансформации (Доктор дорабатывал его в последний месяц в дикой спешке, без сна и отдыха, боясь опоздать) – почему он сработал только в первом опыте. Вызвал у первого ликантропа ремиссию – неуправляемую, незавершенную, со смертельным исходом – и не оказал никакого, абсолютно никакого дей-

ствия в опытах последовавших. И дешевые фокусы Эскулапа, колдовавшего сейчас над трупом, никакого понимания не добавляли. Тем более что Доктор все равно опоздал...

– Решил я грешным делом с масс-спектрографом побаловаться. Следы серебра поискать.

– Нет в препарате серебра, совсем другой принцип... – повторил Доктор и так обоим известное.

– А я недоверчивый. Вдруг с пищей чего попало? У лаборантки клипса с уха свалилась? Конечно, не сожрал бы, выплюнул... Но я на всякий случай поискал.

Эскулап выдержал театральную паузу, объявил торжествующе:

– И нашел! Заодно и ртути больше нормы обнаружилось... Никаких ассоциаций? А меня зацепило: ртуть-серебро, серебро-ртуть... Амальгама. Откуда в нем амальгама, а?

Доктор против воли заинтересовался:

– И откуда?

– Пломбы! – выпалил Эскулап тоном выскочившего из ванны Архимеда. – Лет сорок-пятьдесят назад в большой моде такие были: из серебряной амальгамы. Штука почти вечная, стоит всю жизнь. Потом от них отказались – черные, неэстетично. И опять же ртуть выделяется помаленьку. Так вот, этот в себе таскал почти пятнадцать грамм амальгамы... Дальше объяснять?

– Но почему она сразу не подействовала?

– Не знаю. Может, с кровью не контактировала. Пока постепенно не разъела выросший дентин. И, скорее всего, процесс совпал по времени с твоим опытом. Совпадение. Так что не мучайся, не изводи себя понапрасну.

Не мучайся. Только что похоронил надежду доработать антивирус, и – не мучайся. А у них осталось то, с чего и начинали – серебросодержащие препараты. Которые не годятся для длительной вакцинации. Которыми не снарядишь приманки, опасные для одного-единственного существа на свете – оборотень обойдет их за версту. Шанс оказался призрачным. Все было напрасно. Люди будут гибнуть и дальше. Не получится даже как у Франкенштейна – сгнуть вместе с сотворенным тобой монстром. Выхода нет.

Даже такого – нет.

– Я не буду изводить себя понапрасну, – покорно проговорил Доктор. – И не буду мучиться.

Эскулап взглянул на него – с тревогой. Ничего не сказал, собрал со стола осколки и ушел к себе. Они – те, кто *знал*, – работали в режиме военного времени, до глубокой ночи. Зачастую здесь и ночевали.

2

– Не ту вы выбрали корову, суки, – дословно повторил старик вчерашнюю фразу. Чем-то она ему понравилась, к тому же казалась смутно знакомой – но откуда, так и не вспомнил.

«Суки» в данном случае было не ругательством, а констатацией факта. Если не брать в расчет маловероятных волков и совсем невероятных медведей, то оставался лишь один возможный виновник – одичавшие собаки. Твари, которых знающие люди считают поопасней волков.

Старик собак не любил.

Не по причине врожденной зоофобии. И не из-за вчерашней кровавой истории. Просто часто приходилось сталкиваться при *работе*, – и всегда это оказывались неприятные встречи. Всю жизнь он прослужил в разведке Тихоокеанского флота (срочная, сверхсрочная, школа мичманов, сорок лет в строю, – и на пенсию с должности заместителя командира роты) – и не понаслышке знал, что такое натасканные убивать псы. Сколько бы ни наизобретали высокобольные доценты и профессора хитроумных детекторов и датчиков, но собака так и остается

лучшим средством для охраны и береговой полосы, и многого другого... Тут вам и детектор, и обрабатывающий компьютер, и самонаводящееся оружие – дешевое в производстве и содержании, не знающее поломок и отказов. Тридцать лет он носил шрамы на запястье, память о Кунашире – о зубах нашего же пса – условия учений полностью приближались к боевым; и погранцы, и их собачки работали на полном серьезе.

Одичавшие шавки, конечно, боевой дрессировки не получали, но в стае опасны ничуть не меньше. Как они опасны в стае, он видел вчера вечером – и хорошо, что видел только последствия. Приди на час-другой раньше – и повернуться могло всяко. Фомкой не отмахнешься, если нечем прикрыть спину, зайдут сзади – и конец.

Да и годы, если честно, не те – отмахиваться.

3

Вот так и умирают люди от инфаркта в самом начале четвертого десятка...

Именно так. Идут себе спокойно солнечным июньским утром по улице. На службу идут, или по личным делам гуляют, – остановятся неожиданно, ухватятся за воротник... Сделают несколько нетвердых шагов и свалятся на тротуар обмякшей куклой. И будут прохожие отводить взгляд, и брезгливо обходить упавшего, а стервы-старушки еще и бубнить начнут под нос о молодом и вроде приличном, но как свинья нажравшемся...

Капитан не умер. Просто стало почему-то не хватать воздуха и уши заложила ватная тишина, как в самолете при взлете. На негнущихся ногах он подошел к лотку, одеревеневшими пальцами выдернул из кармана купюру, протянул продавщице... И сгреб газету, резанувшую по глазам убийственным заголовком на развороте: «ОХОТА НА ЛИКАНОВ?» – отошел, на ходу разворачивая и позабыв о сдаче.

Да-а-а... Нервы совсем ни к черту... Статья оказалась совершенно безобидной – ликанами придурок-журналист окрестил лиц кавказской национальности, якобы безбожно притесняемых московскими властями.

Холодок в груди медленно рассасывался...

Капитан скомкал бумажный шар, без труда попал с пяти шагов в урну. И пошел дальше. Чувствовал он себя старым, разбитым и уставшим, – впрочем, глядя со стороны на его пружинистую походку, никто бы так не подумал.

Звоночек, однако... Двойной звоночек. Во-первых, газетчики напомнили о своем существовании и о страсти раскапывать все на свете... Во-вторых, организм недвусмысленно высказал отношение к постоянным перегрузкам. Нельзя так долго гулять по лезвию ножа – или упадешь, или порежешься. Уехать бы куда, отдохнуть, выспаться, пройти по лесу, по тихому и мирному лесу, спокойно пройти, не сжимая пистолетную рукоять, не ожидая каждую секунду мгновенной и беспощадной атаки...

Он подумал, что день, так вот начавшийся, ничем хорошим продолжиться просто не может. Подумал с затаенной суеверной надеждой на то, что злодейка-судьба любит опровергать любые прогнозы. Но примета, похоже, относилась к прогнозам только положительным.

Первая неприятность уже ждала Капитана в Лаборатории, – лежала, раскинувшись на кафельном полу. Руслан, дежуривший минувшей ночью, терзал кнопки мобильного. Обнаружившая неприятность лаборантка с глупым лицом – хихикала, демонстрируя нетипичную форму истерики.

4

О собаках из сухих материалов, собранных в папках Генерала, можно было сделать весьма интересные выводы. И весьма эмоциональные. Говорят, точная и скучноватая наука

статистика эмоциям не способствует. Еще как способствует! Смотря что эта статистика считает...

Самое настоящее нашествие бродячих собак случилось в приснопамятную зиму девяносто первого – девяносто второго годов. Голодная выдалась зима, прямо скажем: дорвавшись до вожаемой возможности поручить молодые реформаторы заложили первый крутой вираж, – в магазинах неожиданно появились позабытые продукты, но предназначенные для их покупки деньги так же неожиданно стали ненамного ценнее бумажных фантиков.

Большое экономическое чудо породило и множество локальных житейских чудес: бывалые опера дивились вора́м- домушникам, первым делом вычищавшим во вскрытой квартире холодильник, а уж потом бравшимся за хрусталь и телевизоры; продавцы продуктовых отделов, еще вчера весьма уважаемые и респектабельные люди, нежданно-негаданно очутились в самом низу социальной лестницы... И упали цены на породистых собак, особенно на крупных, – более того, запасшись куском колбасы и погуляв день-другой по загородным пустырям, можно было легко стать владельцем вполне породистой овчарки или эрделя – вчера служившего гордостью семьи, а сегодня тайком, чтобы дети не увидели, вывезенного подальше и выброшенного – лишний рот.

Ну, породистые, положим, долго по улицам не разгуливали – мир не без обеспеченных людей. А Бобикам-Жучкам каково? На старушек-благотельниц надежды никакой, старушки сами по помойкам рылись...

Но потом тот зимний залповый выброс собак как-то рассосался. Одних банально сожрали бомжи (их популяция резко выросла в тот же период); других, сами того не ведая, – любители дешевых колбас и шашлыков. Третьих переловили собачники на нужды науки.

Наиболее приспособленные (псы, не собачники) продолжили дикую жизнь – одни в городе, другие на природе. Последние и стали самыми опасными – питались исключительно охотой, истребляя все живое. И совершенно не боялись людей. Волки, те хоть человека уважают и заслуженно побаиваются. Псы же, прожив столько лет рядом, прекрасно знают, что это за неповоротливое и слабое существо. Нет худшего врага, чем бывший друг, – и к четвероногим друзьям такой тезис относится в полной мере.

А совсем недавно наметилась самая страшная тенденция: исход псов из города столкнулся со встречным движением волков, подбирающихся к городским окраинам. Часть младших братьев не помнящие родства волки просто употребили в пищу. Но – суку в тече́ке даже голодные волки в пору своих свадеб не трогают.

Появились метисы, волкособаки – беспощадные и смертельно-опасные твари, более опасные, чем два породивших их вида, унаследовавшие собачий ум и волчью силу, прекрасно приспособленные к дикой жизни.

Их предки-волки, битые и ученные жизнью, стараются уйти от всего подозрительного – от шума мотора, от болтающейся на ветке и пахнущей человеком тряпки – волкособаки не боятся ничего, кроме самой непосредственной опасности.

Даже ворона крохотным своим мозгом способна отличить человека с палкой от человека с ружьем – и старается не подпустить последнего близко.

Волчьи метисы зашли дальше – боятся только нацеленного именно на них ружья, и то не слишком. И прекрасно понимают, как незащищен пусть и вооруженный человек – глухой, слепой и лишенный обоняния в сравнении с ними, не способный обнаружить подкрадывающуюся смерть до самого последнего момента, до сомкнувшихся на горле клыков...

Пока их немного, новых ночных хозяев полей и перелесков. Разбившись на стаи в пять-шесть голов, лежат на дневках тихо в глухих местах: по заросшим густым кустарником оврагам, по пустошам, прилегающим к промзонам. А ночью выходят на охоту. Их мало, но становится все больше – Бобики, так до конца и не одичавшие, и несколько старомодные волки постепенно проигрывают борьбу за экологическую нишу.

Все еще впереди...

Вы спите спокойно? Ночной вой не долетает до центра горда? Под окнами не мелькают стремительные тени? Случайно увидев на загородной прогулке окровавленные кусочки шкуры, вы говорите малолетней дочке: «Не смотри сюда, здесь гадость!» – и тут же забываете? Ну что же, блаженны неведающие. Но, как писал классик, если жизнь и рассудок дороги вам, держитесь подальше от торфяных болот и перелесков, окружающих Южную ТЭЦ.

Особенно ночью.

5

Прочитав материалы из двух синих папок, Капитан озадачился и испытал двоякие чувства.

Создавалось впечатление, что для решения проблемы диких собак и волчьих метисов не делается *абсолютно ничего*.

Нет, конечно, правила охоты разрешали и даже предписывали всем охотникам круглый год отстреливать бродячих собак, относя к таковым всех беспородных без ошейника и намордника, встреченных далее трехсот метров от жилья.

Но если учесть, что за шкуру метиса или собаки, в отличие от волчьей, никакой премии не полагалось, а основной ареал их обитания (полоса шириною в тридцать-пятьдесят километров от городской черты) входил в Пригородный заказник, где всякая охота запрещалась – этот пункт правил выглядел чистой воды профанацией.

Выступления немногих людей, оценивших масштаб и мрачные перспективы проблемы, звучали гласом вопиющего в пустыне. Но им все-таки удалось затеять дискуссию с радетелями всего живого (гораздо лучше организованными и подпитываемыми грантами западных «зеленых» фондов). Диспут на эту тему даже показали по одному из центральных каналов.

Странная получилась, надо сказать, дискуссия. Полное впечатление, что одну из сторон представляли люди, пораженные избирательной глухотой, слышащие только себя. Им демонстрировали тревожные, растущие цифры и говорили, что позже, когда опасность станет всем очевидной, когда польется кровь и станут гибнуть люди, тогда решать проблему станет гораздо сложнее и дороже.

В ответ радетели рассуждали о необходимости прививать детям с самого раннего возраста любовь к животным – тогда и собак выгонять не будут, и ряды преступности не пополнят, и вообще... А коли ребенок узрит ненароком собачников за работой – пиши пропало, быть ему моральным уродом. Станет наемным убийцей, киллером. В лучшем случае каким-нибудь Шариковым из подотдела очистки. Гуманисты...

Их спрашивали просто и конкретно: затюканные вами собачники, отлавливающие шавок для ученых, в силах лишь замедлить темпы прироста опасной живности. Если и их прикрыть, то что делать с уже имеющимися в наличии животными? Оппоненты с энтузиазмом лепетали о недавно открывшемся благотворительном приюте для бродячих собак. Аж на семьдесят мест!

А одна вконец поехавшая крышей дамочка озвучила вовсе глобальную идею: контрацепция бездомных животных. Выдавать, значит, как минимум раз в месяц каждой бедной кошечке и собачке кусок колбасы с подмешанным противозачаточным порошком – и через несколько лет они вполне гуманно повымрут от старости, не оставив потомства.

Капитан не знал – смеяться или плакать, читая всю эту природолюбивую ахинею.

Власти, по своей милой манере, пребывали над схваткой, – и не делали ничего.

Но нет худа без добра, и теперь Капитан понял причины странного спокойствия Генерала, не спешившего звонить во все колокола и объявлять глобальную тревогу. На таком фоне художества объекта и в самом деле могли долго не привлечь ничьего пристального внимания.

Проблемы это не снимало, но давало достаточный запас времени для поисков решения. Конечно, жертв не избежать – растерзанные и изуродованные трупы будут находить время от времени в глухих уголках. Но Капитан давно научился не считать потери. Если ведь вдуматься, то под колесами автомобилей народу гибнет гораздо больше – но автоконструкторы муками совести по этому поводу не страдают. А сотрудники их службы безопасности – тем более.

К тому же, думал Капитан, у ночи теперь появился новый страшный хозяин – есть сильное подозрение, что скоро количество волкособак и просто собак в округе резко уменьшится.

С такой успокаивающей мыслью он вошел в неприметную со стороны, деревянную и неказистую дверь Лаборатории (бутафорская дверца только маскировала дверь настоящую, из брони четвертьметровой толщины, способную противостоять кумулятивным зарядам).

Вошел – и спокойствие как ветром сдуло.

Глава шестая

1

Две достаточно толстые ольхи, ближайšie к воронке, послужившей местом упокоения Магдалене, – эти два дерева все-таки росли от нее далековато, шагах в двадцати пяти. Старик предпочел бы двадцать, а лучше – пятнадцать. Но выбирать не из чего – ближе зеленели только кустарники и молодая, тонкая поросль, никак для сооружения лабаза не подходящая.

В принципе, специалисты ночной охоты сладят себе лабаз и в любом мелколесье – на опорах-сохирах. Старик был знаком с подобными конструкциями, у которых каждый угол подпирают две-три толстых жердины с боковым откосным сучком, – и получается достаточно надежное сооружение.

Но сам похожих никогда не устраивал, да и видел-то последний раз полвека назад, – и сразу от такой идеи отказался. Не хватало сверзиться в самый ответственный момент. От Магдалены после первой кровавой трапезы осталось не так уж и много, а тут на радость голодным псам рухнет сверху неожиданная добавка.

Лучше стрелять издалека, но сидеть надежно. Ночи сейчас светлые, попадет уж как-нибудь.

Возился он долго, почти три часа. Но сделал все надежно: прочный настил из жердей покрыт толстым войлоком – на жестком долго не посидишь в неподвижности; к стволу одной ольшины прибиты ступеньки-поперечины, здесь же свисает толстая веревка с узлами – эх, да лет двадцать назад взмахнул бы по стволу без всяких перил-ступенек... ушли, ушли те годы. До земли – три метра. Идеальная высота, что для стрельбы, что для безопасности.

Прикинул все так и этак, поводил туда-сюда топориком, словно ружейным стволом. Срубил две мешающих ветви. Все готово. Все в порядке. Все должно получиться. Не в первый раз охотится на опасных зверюшек. Но как-то тревожно сегодня... Что-то не так вокруг, что-то такое в воздухе...

Он никак не мог понять и определить – что именно не в порядке, да оно, наверное, вокруг-то все в порядке, а дело в нем. Отработали свое не мышцы, мышцы для его лет хоть куда – нервы поистерпались, поизносились за долгие годы...

Старик неосознанно кокетничал сам с собой, нервам его позавидовали бы и молодые... У него срабатывало полузабытое, уснувшее, казалось, чутье на опасность. А еще он просто устал.

Грудь давило. Собрал все ненужное: топор, оставшиеся веревки и гвозди, оттащил в сторону срубленные ветви. И пошел домой – отсыпаться перед ночной засадой. Вообще-то на такой охоте полагается дать лабазу постоять дня три, чтобы осторожные звери успели присмотреться к изменившемуся виду местности.

Но старик подозревал, что через три дня от коровы останутся лишь голые косточки, и надеялся, что объекты его охоты излишней осторожностью не страдают, – не испугаются лабаза и даже человека. Он был прав.

И даже не догадывался, *насколько* он был прав...

2

Генерал сразу понял, что у них опять что-то стряслось.

Что-то серьезное, – судя по тону Руслана, попросившего срочно приехать. И не объяснившего причин. С Русланом Генерал работал шесть лет – знал, зря тревогу тот не поднимет.

Так и есть: кучка шушукających белых халатов, мгновенно рассосавшаяся при его появлении; лаборантка с искаженным лицом; Капитан мрачнее тучи. Когда у Капитана такой вид – дело плохо.

И Генерал сознательно, чтоб хоть немного разрядить обстановку, заговорил в манере старого и сварливого дедушки, брюзжащего на домочадцев:

– Ну что за пожар, что за набат? С полпути меня заворотили, ну прямо как дети малые... На день оставить одних нельзя... Ничего сами решить не могут. Прямо беда с вами...

Продолжая ворчать, прошел в свой кабинет, сделал приглашающий жест Капитану. За дверью ворчание как ножом обрезало. Глянул вопросительно и жестко.

– Доктор застрелился! – без предисловий выпалил Капитан.

Генерал оказался потрясен. Капитан редко видел его потрясенным, а посторонний человек мог даже сказать, что Генерал остался абсолютно равнодушным – на лице ничего не дрогнуло. Понять всю меру потрясения Капитану позволил лишь вопрос:

– Как застрелился?!

Таких бессодержательных вопросов шеф не задавал. Никогда. И Капитан сорвался. Впервые за все годы их знакомства сорвался в общении с Генералом:

– Из пистолета! Пулей!! В голову!!! – прокричал он. И рухнул на стул – без приглашения.

– Откуда у него пистолет? – короткой истерики подчиненного хватило Генералу, чтобы мгновенно взять себя в руки. Это прозвучало уже отнюдь не риторический вопрос, это – началась работа.

– Не знаю... – убито ответил Капитан. – Немецкий. Маузер 6.35 сорокового года. Крохотный, игрушка... У него отец воевал... Надо думать, трофейный...

– Когда?

– Ночью. Прямо за рабочим столом.

– Кто обнаружил?

– Лаборантка утром.

Они перебрасывались неважными, в общем, фразами, не желая признаться ни сами себе, ни друг другу, что ждали чего-то подобного. Оказались сейчас искренне потрясены, но – ждали.

Где-то очень глубоко и неосознанно *знали*, внимательно наблюдая последние недели за Доктором – вроде и не впадавшим в запой или в черную депрессию, лихорадочно, сутки напролет, работавшим, и столь же лихорадочно, словно в последний раз, любившим очередных лаборанток.

Ждали, хотя и не могли объяснить причины ни себе, ни другим. Просто люди, перешагнувшие через столько трупов, приобретают чутье особого рода, интуитивно чувствуя легкий аромат приближающейся смерти...

Генерал молчал. Потом, после паузы:

– Что-нибудь оставил? Письмо, записку?

Капитан молча вынул и положил на стол четвертушку бумаги. Генерал недоуменно изучал ровные строчки.

– Стихи? – Генерал слабо разбирался в поэзии. – Свои? Переписанные?

Капитан пожал плечами. В его работе литературные познания тоже не требовались.

– Чушь какая-то... – протянул Генерал. – Никакого отношения... На первый взгляд. Что такое: «болота дней непониманье...» Ахинея, хоть бы запятые ставил...

– Код? – предположил Капитан не слишком уверенно.

Генерал покачал головой. Сказал задумчиво:

– Но что-то же он хотел сказать... Или кому-то намекнуть, не обязательно нам. Так... Вот что: ты со своей девушкой, с Мариной, под какой легендой встречаешься?

– Командированный, из Новосибирска... Военный завод. В любой момент могут отозвать обратно.

Мало, конечно, приятного, когда твоя личная жизнь под таким микроскопом. Но служба есть служба, он и сам изучает внеслужебные контакты сотрудников. Точнее, изучал. Пока на такие штудии оставалось время.

– Хм, удобная легенда... – Тон Генерала не позволял понять, одобряет он или осуждает. – Тогда так: перепиши, дай ей посмотреть. Дама образованная, университет заканчивала – может, распознает, откуда списано. А то в книжке перед этими виршами или сразу после них может какой-нибудь отрывок идти... с намеком.

Генерал помолчал. Он занимал голову идиотскими стихами по одной-единственной причине – не допустить туда крамольный вопрос: как они справятся без Доктора? Эскулап, конечно, талантище, но в некоторых областях не силен; остаются спецы, ломающие головы над отдельными кусочками проблемы в нескольких разбросанных по городу точках... И есть среди них молодые, хваткие, не бессребреники шестидесятых – но вполне современные реалисты, жаждущие подороже продать свои умные головы...

Но они не знают всего, уж тем более о самом главном: об источнике исследуемых тканей и сывороток, – и вводить их в курс дела надо осторожно и долго, чтобы втянулись, чтобы не вышло, как...

Генерал оборвал свою мысль: Эскулап справится, большая часть дороги пройдена, Эскулап, конечно, справится... Успокаивал сам себя – получалось плохо. Сказал совсем не в тему, просто чтобы отогнать мрачные мысли:

– Кстати, о Марине... Ты жениться, часом, не собираешься? Возможно, тебе, командированный ты наш, придется из Новосибирска сюда переехать. Не пойми меня неправильно, но из конторы тебе надо уйти. По крайней мере на время охоты. Пока не закончится вся нынешняя свистопляска. Я же сам вижу, как ты разрываешься, – и обязанности в Лаборатории придется передать другому человеку, кандидатуру подберем вместе. Получишь свободу рук и действий. Ну а деньги, сам понимаешь, останутся те же, даже побольше, – с учетом надбавки за полевые условия. Нужно какое-то прикрытие, а тут легенда готовая, обкатанная, с нами никак не связанная... А закончим дело – разведешься и якобы снова уедешь в Новосибирск. Если захочешь. Потому что, сдастся мне, работы за этими стенами нам надолго хватит. Как перспектива?

Перспектива Капитана не порадовала. Тут ему не просто руки развязывают, его и от Лаборатории дистанцируют... И если он, зачищая концы, крупно ошибется – спишут в расход легко и просто, без ущерба для репутации. Мы, дескать, такого не знаем. Маньяк-одиночка.

– Не грусти, – словно прочитал его мысли Генерал. – Это пока так, только наметки. Пошли лучше на Эльдаровича глянем. В последний раз. Может, заметим что необычное.

Ничего необычного они не увидели. Труп как труп. Вчера живой, а сегодня мертвый. Ничего особенного, заурядная смерть. Проблема не в наличии трупа, а в отсутствии в Лаборатории живого Доктора. А мертвых тел они навидались. Не о чем тут говорить и раздумывать. Капитан подумал только о том, что уж если приспичит стреляться – так только из калибра 6.35

и только в рот, как Доктор. Из соображений эстетики. Крохотная пулька остается в голове, не пробив изнутри череп. Мозги не загаживают половину комнаты, и божедомам работы меньше, дабы привести в достойный вид для похорон...

Словом, эстет был покойный, самый настоящий эстет...

3

На лабаз старик взобрался за час до заката. Впрочем, в июне под Ленинградом (он называл город только так – по старинке) закаты понятие относительное. Темнеет неохотно, словно кто-то медленно, капля за каплей, капают черную тушь в ведро с водой...

Он сидел неподвижно, положив рядом ружье со взведенными курками – старая двустволка-горизонталка, еще курковая – подарок от командования к двадцатипятилетию службы. На самом деле ружье могло считаться одноствольным – левый ствол из четырех выстрелов давал три осечки. Что-то случилось с механизмом, что-то износилось за долгие годы, а разбирать и чинить сейчас времени не было. Патроны, снаряженные волчьей картечью, он вложил в оба ствола – вдруг и левый выстрелит. Сидел, ждал. Темнело.

Дневные звуки смолкали – их не замечаешь, пока они есть, но стоит им исчезнуть – тишина давит, обманчивая ночная тишина, состоящая из тысяч звуков-фантомов, звуков-призраков...

...Затихало чоканье дроздов, мелкие пичуги выпускали последние трели, – и замолкали до утра. С тоненьким цвikanьем протянул низко над мелколесьем вальдшнеп – летали еще последние. Зря, брат, стараешься, подумал старик о нем сочувственно, не найдешь уже себе самку, все на гнездах, яйца насиживают. Над головой, высоко в ветвях ольхи, захлопало, заворочалось – устраивались на ночлег вороны.

Все шло как обычно, как в ожидании многих ночных охот в его жизни... И все совсем по-другому.

Впервые он охотился в шестьдесят восемь лет. Впервые сердце при этом стучало так – отнюдь не бойким перестуком, в радостном возбуждении скорой схватки и, даст бог, победы... Нет, сердце билось тяжело и неровно, словно после трех-четырех ударов задумываясь на мгновение: продолжать или бросить занятие, смертельно надоевшее за долгие десятилетия. Он привык к такому в последний год, даже не задумывался сходить к врачу, сделать кардиограмму, – сколько отмерено, столько и отмерено, лучше дожить и умереть в своем доме, а не на казенной больничной койке.

Стрелки командирских часов крохотными светляками ползли к полуночи. Рваным зигзагом прочертила темноту летучая мышь – он вздрогнул, оторвавшись на мгновение от напряженного высматривания. У воронки – ни звука, ни шевеления. Но он чувствовал – если гости придут, то скоро, в течение ближайшего часа. Под утро на таких охотах дичь появляется редко. Но бывает всяко.

Издали прокатился разнокалиберный перелай собак. Старик насторожился, прислушался: лают в поселке, – кого-то или что-то учуяли. Со стороны Редкого Кузьмина, из-за ограды одной из вилл, откликнулся мощный, басовитый голос, – гавкнул раза три и замолк, не желая участвовать в плебейской сваре.

Ноги затекли, он их почти не чувствовал, но не менял положение, ежесекундно готовый к выстрелу. Он не испытывал ненависти к тем, кого сейчас будет убивать. Ни малейшей. Даже после вчерашней истории с коровой. Нельзя ненавидеть того, в кого стреляешь, – рука дрогнет, обязательно промахнешься.

Опять же, что волки, что собаки – Божьи твари, тоже есть хотят. Что поделаться, если природа у них хищная. И если они выбрали не ту корову. Не надо их ненавидеть. Их надо просто убить – выполнить неприятную и нелегкую работу.

Старик ждал.

Глава седьмая

1

Поминки оказались совсем простые: на столе стояла банка «эликсира жизни» на основе медицинского спирта, за столом сидели Эскулап с Капитаном. Эскулап разлил по второй и провозгласил незамысловатый тост:

– Ну, чтоб земля ему была пухом! Точнее, чтоб кремационная печь была... была... блин, чем бы она ему была бы, а? Короче, гори спокойно, дорогой товарищ....

Они выпили из лабораторных мензурок, не чокаясь.

Удобная, подумал Капитан, тара с делениями: пьешь и видишь, как приближаешься к своей норме. Однако, как ни странно, использование мензурок перебрать норму ничуть не мешает...

Он глотнул осторожно – чистого алкоголя в зелье процентов семьдесят, а то и больше, остальное – сахар и всевозможные добавки, призванные приглушить и замаскировать убойную крепость.

Эскулап, который не признавал слабых напитков (а к таковым он относил все, не дотягивающее до шестидесяти градусов), – и чья глотка давно загрубела от подобных собственноручно приготавливаемых коктейлей, – Эскулап пил медленно, с видимым удовольствием и не торопился тянуться к закуске. Он погладил банку, конспирации ради украшенную узкой красной наклейкой «ОСТОРОЖНО: ЯД!», и сказал то, что на поминках говорить вроде и не полагалось:

– Хороший был парень Витя. Но – слабак! И дурак, если по большому счету...

– Потому что застрелился? – осторожно спросил Капитан и налил еще по одной.

Похоже, сейчас Эскулапа потянет на умные разговоры. Интересно будет послушать. Последнее время народ в Лаборатории зажат и молчалив. Те, кто знает – потому что знают; кто не знает – поддавшись общей атмосфере тревожного и подозрительного ожидания. Записи прослушки совершенно неинтересные, короткие деловые фразы, ничего лишнего, ничего личного, никакой возможной зацепочки...

Но Эскулапу на все плевать, он прет по жизни, как носорог по джунглям, ни на кого и ни на что не оглядываясь, уверенный в себе, в своих силах, в своей необходимости и незаменимости.

– Да нет, при чем тут это... Где, когда и как уйти из жизни – сугубо личное дело каждого. Одним нравится цепляться до конца, до прогнивших насквозь внутренностей, до вставных челюстей, до капельницы в вене и подкладной утки в кровати... Другие предпочитают добровольно избавиться от таких прелестей. Но мы жалеем или осуждаем почему-то только вторых...

– Тогда почему слабак и дурак?

– Потому что делал – не понимая, что делает. А когда понял – испугался и застрелился. Но вся беда в том, что на самом-то деле он опять ничего понял. Просто поменял плюсы на минусы, объявил для себя научным преступлением то, что считал вчера научным подвигом... Объявил – осудил – привел в исполнение. Тяп, ляп, и готово – как Тройка в тридцать седьмом. Дело шитое, обвинения облыжные, обжалованию не подлежит. Интеллигент, бля... не может жить с камнем на совести...

Эскулап фыркнул возмущенно, хлопнул еще мензурку, засмолил беломорину – себя он к интеллигенции не относил ни в коем разе.

– А камня-то и не было? – вопрос Капитана определенно отдавал провокацией, но он надеялся, что несколько уже разомлевший Эскулап клюнет. Так и вышло.

– Какой камень, Дима, какой камень? (*Капитан поморщился, только Эскулап постоянно нарушал инструкцию: не употреблять настоящих имен даже в частных разговорах.*) Какой, к черту, камень? Разве что на могилке поставит благодарная Контора... Типичная болезнь сопливых интеллигентов – радеть за все человечество. Не спрашивая, не интересуясь необходимостью этого радения – исключительно по собственному разумению. Согласно собственного истолкования общечеловеческих ценностей... Абстрактный гуманизм – страшная штука. Страшная именно своей абстрактностью. Общечеловечностью. Гуманисты с пеной у рта вопят об отмене смертной казни – вообще, всем сразу. А если их дочь изнасилуют и убьют в подъезде, кричат с той же убежденностью: распните! казните! убейте его! он уже не человек! – и при всём том остаются гуманистами. Просто этот убийца – не человек, а животное. Витя сделал маленькое допущение: роющиеся по помойкам кандидаты в объекты потеряли право называться людьми. И их допустимо с чистой совестью пустить на опыты – во благо всего, разумеется, человечества... Ты как к экологам относишься? – неожиданно сменил тему Эскулап.

– К экологам? Ну-у-у... – к экологам Капитан себя никак не относил. Но и против них, собственно, ничего не имел.

– Другая форма той же болезни: радеть за все человечество. Придурки...

– Ну почему же... – вступился за сторонников зеленого мира Капитан, чувствуя, как привычная четкость мысли растворяется в мозголомном зелье. – Они не только человечество... они и лес, и животных всяких. Всю, как ее там... всю биосферу защищают...

– Что ты знаешь за биосферу, мальчик? Стоит ли употреблять термины, совсем неизвестные? – Эскулап пожал плечами и осмотрел свою мензурку, презрительно скривив губы.

Тяжело поднялся, подошел к стеклянному шкафу, вернулся с мерным стаканом емкостью не меньше литра. И дальнейший разговор продолжал, прихлебывая эликсир веселья из новой тары – впрочем, на связности его речи выпитое никак не отражалось. Капитан и не пытался за ним угнаться, все реже наполняя свою мензурку.

– Биосфера, герр гауптман, это, говоря совсем упрощенно – совокупность всех живых видов, копошащихся на нашем шарике. Иес? Так вот, из миллионов и миллионов известных науке видов активное копошение продолжают меньше трех процентов. Остальные – вымершие. Окаменелости. Отпечатки в каменноугольных слоях. И дело совсем не в том, что одни виды постепенно сменяют друг друга, как волосы на голове здорового человека, поддерживая какое-то оптимальное количество. Черта с два! Сто миллионов лет назад многообразие и животных, и растений было гораздо больше – на порядок больше. Шарик ускоренно лысеет – и со лба, и с затылка. И человек к этому абсолютно непричастен, процесс начался задолго до его появления... Ну-ка, простенький вопрос на засыпку по биологии: какие виды появились за последние сорок тысяч лет, а? Список исчезнувших занимает несколько томов...

Капитан не захотел засыпаться на детском вопросе:

– Ну, собаки разных там пород... Лошади, коровы, куры... постоянно ведь какие-то новые виды выводят... Растения, опять же...

– Ерунда! – решительно пресек его дилетантские потуги Эскулап. – С биологической точки зрения какой-нибудь свежавыведенный питбуль все тот же старый добрый канус вульгарис – собака обыкновенная. Обычные девиации в рамках стабильного вида. Такую шутку, говоря откровенно, можно сыграть и с человеком. Отобрать энное число людей... ну, скажем, с длинными носами. И, мягко говоря, грубо выражаясь, – скрестить. Потом отобрать самых носатых детишек – и опять скрестить. Нам финала опыта, понятно, не дожидаться, у людей половая зрелость наступает чуть позже, чем у мушек-дрозофил, – но наши последователи через несколько поколений получают генерацию с такими наследственно-закрепленными шнобелями, что сам Сирано де Бержерак в гробу завертится. Но говорить о новом виде, о хомо бурати-

нус, не имеет смысла – генетически это те же люди. Просто с длинным носом. Можно, кстати, поэкспериментировать и с длиной какого другого органа... – Эскулап ухмыльнулся, не оставляя сомнений, что за орган он подразумевает. И снова наполнил свой опустевший стаканчик.

2

Капитан уже потерял нить разговора, беспорядочно скакавшего от экологии к выведению людей-долгоносиков, и ему хотелось побыстрее вернуться к смерти Доктора. Но по непонятной самому причине, может, чисто из алкогольного упрямства, он продолжил спор с Эскулапом:

– А вирусы? Каждый год новый грипп появляется... А СПИД? Да и мы сами тут...

– А кто сказал, что вирусы – живые существа? Вопрос крайне спорный... Есть такое старое определение: жизнь – способ существования белковых тел. Белковых! Ни гипотетических кремнийорганических существ, ни самообучающихся компьютерных систем, ни сгустков организованной высокотемпературной плазмы. И ни вирусов! Недаром компьютерные программы-вредители прозвали вирусами – способ действия тот же – только носителем программы является не магнитный диск, а сложно закрученная молекула РНК. И от ее действия нарушается жизненная программа клетки, а не компьютера. А потом клетка (или компьютер) начинает плодить новые вирусы. Основное свойство жизни – способность к размножению. Вирусы, и те, и другие, сами размножиться не могут. Кристаллы, к примеру, тоже «размножаются» похожим способом – на более низком уровне молекулярных взаимодействий. Но их никто живыми не называет...

Капитан, честно говоря, устал от затянувшейся лекции по биологии. И решил кивать, соглашаясь со всеми доводами Эскулапа. А тот уже не мог остановиться:

– Если других примеров у тебя не осталось, то приходится сделать мрачный вывод: биосфера умирает. Впадает в коллапс. И, что бы там ни верещали экологи, – вырубка лесов и залповые сбросы в реки никакого отношения к пресловутому коллапсу не имеют, все началось гораздо раньше... Причина? Причина проста: любое живое существо стремится к двум главным вещам: размножиться как можно больше и сделать родную среду обитания минимально пригодной для своего существования. Травоядные стремятся сжевать и вытоптать всю траву, которая их питает; хищники пытаются выкормить всех родившихся у них детенышей – и сожрать для этого как можно больше травоядных... Растениям необходим углерод из атмосферы – и они его активно извлекают; а заодно высасывают из земли химические элементы – и те возвращаются в почву только частично... Результат: если срабатывают какие-либо факторы, сдерживающие два основополагающих стремления вида – вид выживает. Не срабатывают – вид быстро вымирает. В принципе, это нормально – при условии, что видообразование идет достаточно активно... Но сейчас эволюция застыла на мертвой точке. Почему? Очень просто: для возникновения любого мамонта или динозавра, первого в роду, необходим начальный толчок – некое воздействие на генную информацию клетки. Радиация нужна, жесткое излучение! А еще – избыток строительного материала для белка – углерода. Миллиард лет назад и того, и другого было достаточно, настолько достаточно, что люди просто в тех условиях не выжили бы – сильнейшая естественная радиация и перенасыщенная углекислым газом атмосфера. Прошли сотни миллионов лет. И что? Радиация угасла естественным образом – большинство радиоактивных изотопов просто распалось. А растения-гиганты, все выраставшие чуть не до неба хвощи и папоротники изгадили столь благодатную для них атмосферу – большая часть углерода перекечевала из воздуха в их клетки, а оттуда – в залежи нефти и каменного угля. Результат: эволюция остановилась. А отсутствие прогресса рождает регресс. Теперь о так называемом «венце природы» – о человеке. Эта, мон шер, хитрозадая тварь делает все, чтобы выполнить две главных задачи вида: размножиться как можно более и сделать землю для себя абсолютно непригодной. А поскольку обладает разумом – наиболее преуспела в своем деле. Земля как

замкнутая экосистема просто не способна прокормить столько едоков... Ты еще следишь за мыслью?

Капитан уныло кивнул. Выкладки Эскулапа звучали логично – но вызвали чисто инстинктивное отторжение.

– Продолжим. Хомо сапиенсу благодаря разуму удалось обойти почти все естественные регуляторы роста численности и оттянуть свой закономерный конец. Цена этому – то, что «зеленые» придурки называют экологической катастрофой. Все просто – распахни весь шарик, от и до, но без травящих все живое удобрений и пестицидов почва истощится почти мгновенно и не прокормит растущие миллиарды. А чтобы их одеть – надо превратить все хлебные поля в хлопковые. Или в бараны пастбища. Либо переходить на искусственные волокна и терпеть под боком всю ядовитую химическую промышленность... Очистные сооружения – паллиатив. Ну отфильтруем, отцедим ядовитые отходы – а куда девать отцеженное? Увезти подальше, зарыть поглубже? Свалки, окружающие мегаполисы, уже сравнимы по площади с жилыми кварталами... Альтернатива – включение старых добрых природных регуляторов: войн и эпидемий. Но все экологи, режущие бритвами шубы и пикетирующие фабрики, воевать не согласны категорически. Медленнодохнуть им приятнее... А заболев, что характерно, визжат, сучат лапками и требуют лечения – теми же самыми лекарствами, от отходов производства которых столь страдает дорогая их сердцу природа... Да и войны, если честно, паллиатив и полумера: в локальных войнах людей гибнет гораздо меньше, чем за то же время рождается. А глобальная так засрет все вокруг... Даже не ядерная, даже обычная – достаточно разбомбить и поджечь все наши многочисленные производства и запасы нефти – и по меньшей мере половина плодородных земель плодородными быть перестанут...

Эскулап перевел дух и отправился за второй банкой – первая под разговор как-то незаметно опустела (на походке его, как ни удивительно, выпитая доза совсем не отразилась).

Капитан погрустнел. Теории в давненько не мытой голове Эскулапа рождались достаточно стройные и логичные – но слишком уж безнадежные. И он воспользовался паузой, чтобы перевести монолог в дискуссию:

– А ограничение рождаемости? Можно же установить предел... приемлемый...

– Фи-и-и... Китайцы пробовали. Результат тут один – в сытых странах активно используют контрацепцию, а в голодных плодятся, как кролики. Но общее число растет и растет...

– Так что же делать? На хрена вы все нужны, с наукой вашей, если ничего придумать не можете?

– Дима... Ничего не надо придумывать. Незачем. Мы начали с экологов и биосферы, так? Но твои экологи все переворачивают с ног на голову: биосфера не умирает. Она возрождается – исключительно нашими трудами. В смысле, всего человечества. Мы просто-напросто создаем условия для нового витка эволюции: извлекаем из земли углерод в виде нефти, угля и газа – и возвращаем в атмосферу, сжигая. И вытаскиваем из глубин на поверхность изотопы – повышаем радиационный фон. Вполне возможно, что в том и состоит эволюционное предназначение хомо сапиенса. Или божественный план, если ты сторонник такой гипотезы. А сделав свое дело, мавры, как известно, уходят...

– Вот так... Я, кстати, жениться собрался. И детей завести рассчитываю. И на внуков надеюсь. Так что же, все они для того только родятся, чтобы тут опять травы-цветочки до неба вымахали? А между ними бы саблезубые бабочки порхали? Так?

– Ну уж... Я думаю, что внуков ты еще понянчишь. Да и праправнукам смерть от клыков супербабочки не угрожает... Тут даже не о тысячах лет разговор, как минимум о десятках тысяч... Это во-первых. А во-вторых, у человечества есть еще немало хитрых трюков в запасе. И мне кажется, что над самым главным и основным работаем именно мы.

– Каким же образом?

– Новый человек. Новый хомо – хомо ликантропус. Вид, способный к самопроизвольному изменению своих клеток и органов – и не зависящий от всех выкрутасов внешней среды. Способный перестроить свой метаболизм для жизни в радиоактивной пустыне и в атмосфере из выхлопных газов; способный отторгнуть и тут же регенерировать не справляющийся с нагрузкой орган; не боящийся дурацкой смерти от случайной травмы...

– А боящийся лишь серебряной пули... – подхватил Капитан с издевкой. – Вот ты, значит, какой, человек будущего – безмозглый зверь, жрущий всех, кого встретит? Ну нет, тогда уж лучше – как динозаврам...

– Вот и Витя, покойник, так рассуждал... – вздохнул Эскулап. – И осудил себя за то, что выпустил джинна из пробирки. А джинн взял да и закусил первыми встречными – и аппетит его только разыгрался... Витя, бедняга, думал, что он, джинн, сразу начнет райские дворцы строить на благо пострадавшего человечества... Или, иначе говоря, будет поставлять свою кровь и ткани для изготовления чудо-лекарств. И вдруг такой облом. Ну конечно, как тут не застрелиться – самый простой и достойный выход. Пиф-паф – и смысл грехи вылетевшими мозгами. Но насчет безмозглости объектов можно поспорить. Я вскрыл их три десятка – мозг по потенциальным возможностям не уступает нашему. Представь такую аналогию: рождается ребенок с неразвитым пока мозгом и в тоже время с природным оружием, смертельно опасным для окружающих. Ну, к примеру, с ядовитыми, змеиными зубами. И первым делом убивает акушерку – кусает за руку. Не со зла – инстинктивно. Если тут же изолировать его от людей, бросить в клетку с серебряными прутьями – вырастет он человеком? Нет, так и останется зверенышем... Я убежден, что любой из наших объектов, и из известных истории самородков – мог обрести разум. И кто-то наверняка обрел. Не всех известных в истории оборотней уничтожали – иногда просто прекращались бессмысленные убийства и дело забывалось. Можно предположить, что как младенец начинает со временем контролировать процесс мочеиспускания – так и выживший и развившийся ликантроп в идеале может сознательно управлять своими превращениями. Перспектива – именно в этом, а не в пилюлях для богатеньких паралитиков.

Вот так... Вот как оно получается... Значит, ловить прожорливую тварь не стоит, да? Надо только подождать лет десять, пока поумнеет, цивилизуется и научится контролировать свой аппетит и мочеиспускание....

Капитан медленно повел вокруг себя мутным взглядом – похоже, последние мензурки, как всегда оно и бывает, оказались лишними – и тут зелье его окончательно добило. Но собрался с силами и сказал:

– Б-будем ждать... п-пока сами поумнеют? Или... или откр... откроем для них... в-воскресную школу... ик... на лоне... п-природы?...

– В природе все функционально, – назидательно заявил Эскулап. – Волк – санитар леса, а ликантроп – санитар социума. Посмотри – первые жертвы явно асоциальные типы, те же бродяги, бомжи, и их... – заметил, что Капитан его не слышит, уставившись в одну точку, и сменил тему неожиданно и резко: – А не прогуляться ли нам, Капитан?! Развеяться, а?! Сегодня по блоку Аня дежурит, девчонка свойская. И у автоклавов кто-то остаться из лаборанток должен... Капита-а-а-н! Ну Капитан, подтянитесь...

Капитан изображал самую последнюю степень опьянения, и особых усилий для того ему не потребовалось, – отстраненно наблюдал, как Эскулап хлопчет, пытаясь оторвать его от стула.

Внезапно пришло понимание сути финала разговора, дикое алкогольное озарение: да Эскулап сам из них! Точно! Еще полгода назад сетовали они с Доктором, что им некому пересадить вилочковую железу объекта, каких-то великих результатов они ждали от такого опыта. Не иначе как Эскулап ударился на подвижнический путь и теперь таскает внутри себя кусок ликантропической требухи... Оттого и спиртыга его не берет... Оттого и мысли такие... Тоже решил человечество облагодетельствовать...

И Капитан продемонстрировал полную отключку, продолжая исподволь наблюдать: что еще сделает Эскулап? А тот, оставив бесплодные попытки вернуть Капитана к активной жизнедеятельности, легко подхватил его могучими руками, перенес на кушетку, прикрыл извлеченным откуда-то покрывалом... Вышел и отправился по коридору, судя по направлению шагов, тяжелых, но уверенных – действительно в дежурку, пообщаться с Аней, своей девчонкой...

Капитан приподнялся, достал из кармана диктофон, выключил – завтра, на трезвую голову, послушаем еще раз все его словоблудие – и заснул.

Во сне он крохотным муравьем бродил среди выросших до неба папоротников, а мимо с треском проламывалась, порхала, прыгала и с аппетитным чавканьем пожирала кого-то воспрянувшая от спячки биосфера... А Капитан знал, прекрасно знал в своем сне рецепт спасения рода человеческого – простой до гениальности, без превращения в косматых монстров – и искал, искал Эскулапа, спеша рассказать и поделиться – но того нигде не было. А к утру блестящая идея исчезла, испарилась, растаяла легким облачком...

Глава восьмая

1

Ночь давила. Давила на все органы чувств. Темнотой – на расширенные зрачки старика, звуками – на чутко вслушивающиеся уши.

Когда говорят, что «ночь безмолвна» – не верьте. Ночь полна звуков, иногда тихих, иногда громких – но всегда тревожных. Это не просто журчит ручеек – нет, его голос совсем не тот, что в солнечный полдень – там всплескивает вода под чьей-то осторожной ногой. Или лапой. И не просто треснул сам собой сухой сучок, остывая от дневного зноя – невидимый гость вышел на берег, он все ближе и ближе...

Старик поеживался от ночной прохлады и от обманчивых ночных звуков. Природу их он определял почти безошибочно – и все равно не мог избавиться от неприятного впечатления.

Тягучий, похожий на скрип крик коростеля – совершенно безобидной птицы, не знающей покоя и ночью, казался особенно зловещим – точь-в-точь кто-то точит огромный зазубренный ржавый нож. Точит именно на тебя. Коростели так привлекают самок, подумал старик. Станные, однако, вкусы у их подружек. Улыбнулся собственной шутке, тут же вспомнил жену – нахмурился.

Ночь обещала выдаться лунной – и обманула.

Откуда-то наползли исподволь тучи, скрыв почти полную луну, и только на востоке сверкали несколько звезд на небольшом участке чистого неба. Темные пятна кустиков там, у воронки, зажили загадочной псевдо-жизнью. От долгого и непрерывного вглядывания казалось, что они перемещаются – медленно-медленно ползут, бесшумно подкрадываясь... Стоило ненадолго отвлечься, потом вернуть взгляд – и чернеющие силуэты оказывались совсем на других местах.

Старик прекрасно знал все фокусы ночного зрения, хорошо знакомые любому дозорному – но легче от этого не стало...

...Никто не пришел. Никто не пожелал возобновить давешнюю трапезу. Светало. Надо было слезать, надо было идти домой, но просидевший почти неподвижно пять с половиной часов старик медлил, надеясь на совсем уже призрачный шанс.

Он не признавал поражений.

Даже теперь, когда близилось, когда стучалось в окно, отзываясь болью в груди, самое последнее поражение, неизбежное и окончательное – не признавал.

2

Доклад Марченко-Чернорецкого (уцелевший фрагмент)

...в исследованных 247 устных и письменных сообщениях случаев активной ликантропии у женщин не выявлено (за исключением бродячего сказочного сюжета о свекрови-волчице см. Приложение 7 п.п. 118–123), что позволяет с большой долей вероятности предположить факт лишь передачи женщинами дремлющего W-гена по наследству.

4.13. Гипотезу о стрессах, порожденных экстремальными ситуациями и вызывающих активизацию W-гена, подтверждает записанный в 1974 году рассказ Сузыкина Б.И., ветерана ВОВ, кавалера ордена Славы.

В начале лета 1942 года на Волховском фронте группа полковых разведчиков из 3 человек во главе с Сузыкиным Б. И. обнаружила в воронке неподалеку от советских позиций ликантропа, пожирающего свежий труп. По словам Сузыкина, это был «сумасшедший, совершенно потерявший человеческий облик и заросший диким волосом». Ликантроп пытался атаковать разведчиков, но оказался буквально изрешечен огнем в упор из двух автоматов. Через полтора часа доложившие о произошедшем командованию и получившие приказ доставить труп людоеда в расположение части бойцы обнаружили в воронке только лужу крови и клочья черной шерсти. Кровавый след уходил от места происшествия в лес, но ввиду наступающих сумерек погоня организована не была.

В рассказе Сузыкина особо отмечалось, что в описываемое время войска Волховского фронта попали в критическое положение: началось немецкое контрнаступление, сопровождавшееся постоянными бомбежками и артобстрелами, связь частей и подразделений с вышестоящими штабами в ряде случаев нарушилась, прекратился подвоз продовольствия и боеприпасов, участились случаи паники, дезертирства и перехода на сторону противника. Подробнее рассказ Сузыкина Б. И. см. Приложение 7, п. 209.

4.14. В протоколах Салемских процессов зафиксированы 16 случаев ликантропии (Приложение 7 п.п. 32–47) Особый интерес в связи с вышеизложенным вызывают показания казненного в 1637...

3

Она была в шоке. Она была в трансе. Сказать, что в последние сутки она не находила себе места – ничего не сказать. Она не искала места. Любое место выталкивало ее, отторгало, как чужеродное враждебное тело. Она шла и не знала, куда идет. Она не знала, куда надо идти и что надо сделать.

Виктор Эльдарович – умер! Такой молодой, совсем чуть старше ее... Такой красивый, такой обаятельный... И он не просто умер, нет! Она видела, видела с самого начала по каменным мордам этих скуловоротов, этих убийц – что не просто. Потом, к обеду, прокатился шепотом на ухо слух... Она уже ничего не воспринимала. Это она убила его! Это она взяла проклятую железяку с проклятой ампулой... Вся суeta последних недель, все яростные поиски неизвестно чего, все озверение на лицах начальства – из-за нее! Нет, она сделала, что была

должна, и тот подлец получил по заслугам... Но Виктор Эльдарович... Милый добрый Виктор Эльдарович...

Она шла и не знала, куда идет. Ноги сами несли ее куда-то, в полном и прямом смысле этого выражения... Надо что-то сделать, надо обязательно что-то сделать... Она не знала... Она уже ничего не знала... Она не могла идти на работу... Она никогда туда больше не придет. Не сможет. Потому что никогда больше Виктор Эльдаро...

Вишнево-серебристый джип даже не взвизгнул тормозами – настолько неожиданно шагнула на проезжую часть женская фигура. Шагнула слепо, невидяще, прямо под колеса. Водитель лишь начал тянуться к тормозу, когда украшенный лебедкой форкоп самым центром врезался в женщину, откинул... Колеса дважды подпрыгнули.

Несмотря на лебедку, намекающую на экстремальные гонки, экстремалом водитель не выглядел. Молодой и вконец растерянный парнишка, совсем уже не похожий на себя недавнего – катящего несколько секунд назад по жизни и по улице Руставели уверенным хозяином.

Выскочил, бросился было назад, к распластанному на асфальте телу. Остановился на полпути. Все напрасно. Слишком высоко пришлась точка удара, выше центра тяжести маленькой фигурки, на низко сидящей легковушке еще оставались бы какие-то шансы, а тут... Раз – и под колеса. Живым человеком это уже не выглядело, не выглядело даже мертвым – так, куча тряпья, выброшенного кем-то на дорогу...

Водитель нервно оглянулся. Сделал маленький шажок к машине. Потом еще один. Потом побежал. Джип резко стартовал и понесся по пустынной утренней улице.

4

Работа кипела – совсем не эффектная, без стрельбы и погонь, обычная изматывающая работа с бумагами.

Что бы ни утверждали авторы боевиков, Капитан знал прекрасно – работа практически любой специальной службы состоит на девяносто пять процентов именно из этого – ворохов бумаг, километров пленки, штабелей дискет. А профессионал, который на каждом шагу умудряется влипнуть в мордобой и перестрелку, – хреновый профессионал, и гнать его надо в три шеи. Нормальный профи тоже берется за оружие, куда порой денешься, – но стреляет так, чтобы в ответ стрелять было не из чего. Или некогда. Или просто уже некому.

...Генерал сделал все, что мог, задействовал все доступные каналы – и десятки, даже сотни людей активно работали в последние дни на него, совершенно не представляя, куда, кому и зачем уходят их ответы на бессмысленные вроде запросы.

Наверняка кто-то на местах плевался и ругался, а кто-то отписывался чисто для формы, но ручейки информации текли и текли, впадая в огромное бумажное озеро, образовавшееся на столе у Генерала. К обобщению и анализу больше никто допущен не был – и они с Капитаном спали по три часа в сутки, выбирая из груды бумаг имевшие отношение к делу...

С одной стороны, стало легче: вся огромная страна перестала быть зоной поиска, они знали теперь, где искать – в юго-западных районах области, прилегающих к городу.

Но в то же время копать пришлось глубже: у Капитана голова шла кругом, когда он откладывал толстенную папку с написанными от руки, зачастую трудночитаемыми, отчетами егерей о нападениях хищников на копытных – и брался за не менее толстую папку докладных записок сельских участковых. Деревенские детективы, нимало, наверное, удивлялись внезапно вспыхнувшим интересом начальства к случаям исчезновения у граждан крупного и мелкого рогатого скота, а также собак, как породистых, так и беспородных; и, что совсем уж странно, к изменениям в количестве числящихся на участках бомжей и прочего бездомного люда...

Очень мешала извечная русская привычка списывать на волков проданный налево хозяйский скот (раньше – совхозный или в колхозный, еще ранее – помещичий). В последнее время

по той же статье проходило все больше лосей, отстрелянных без лицензии, по устому и небезвозмездному разрешению егеря... Присущее собакам обыкновение сбегать от хозяев тоже делу не помогало. Равно как и привычка бомжей и бездомных перебиваться в более кормные места.

Но, несмотря на все трудности, через неделю после первого ставшего им известным инцидента (сожранного под Гатчиной бомжа) картина проявилась: на карте генерала возник заштрихованный неправильный круг радиусом около тридцати километров – «охотничий участок» твари. Одинокой, судя по всему, твари – ни одного случая одновременных или почти одновременных нападений достоверно вычислить не удалось. А добытой при нападениях пищи, по прикидкам Эскулапа, могло с трудом хватить лишь одному ликантропу – платой за ускоренный обмен веществ, сверхвозможности мышц и невероятную способность к регенерации служила невероятная прозорливость.

В ближайшие два-три дня у их объекта теоретически предстоял период вялости, апатии и отсутствия аппетита – и этой фазой стоило воспользоваться. Хотя все на свете относительно, разве можно сравнивать самого вялого ликантропа с самой шустрой улиткой? Капитан прекрасно знал, как рискованна охота даже на искалеченного опытами Эскулапа оборотня. Знал, насколько опаснее свежий и полный сил. Не знал только, какими силами придется охотиться. У них лишних людей не было, а о помощи со стороны они с Генералом по молчаливому соглашению больше не заговаривали.

Но сегодня отложенный разговор продолжился.

– Проведем небольшую командно-штабную игру, – сказал Генерал. – Даю вводную – невероятную, но теоретически возможную. Итак: завтра тебя приказом главкома назначают командующим ЛенВО. В твоём распоряжении дивизии, эскадрильи и танковые бригады. Твою просьбу всегда с радостью выполняют родственные службы. Задача: уничтожить объект. Условие: соблюсти максимально возможный уровень секретности. Твои действия?

Капитан сначала приосанился, представив себя в кресле командующего Ленинградским округом. Потом стал думать. И сразу понял, что громадная мощь, гипотетически сосредоточенная в его руках, мощь, достаточная для успешной войны с парой-тройкой европейских государств, – бесполезна. Самая новейшая баллистическая ракета не поможет выкурить засевшего в развалинах снайпера. А самой точной снайперской винтовкой не изведешь в квартире тараканов...

Он еще раз взглянул на карту, в заштрихованный круг. Поселки, деревни, поля, пустоши, болотистые поймы речек. И – три бывших императорских резиденции: парки, дворцы, тучи туристов, особенно по летнему времени.

Капитан злорадно подумал в первую очередь об иностранных туристах. Воображение мгновенно нарисовало разноцветную яркую кучку нездешних людей, вылезшую из «евролайновского» автобуса и тут же начавшую с энтузиазмом ловить видеокамерами окрестные красоты. И – косматую живую торпеду, стремительно бросающуюся на заграничное диетическое мясо... Представившаяся внутреннему зрению картинка ни малейшего огорчения не вызвала. «Сожран русским оборотнем», – отличная фраза для некролога в «Таймс».

М-да, но что же тут можно сделать, командуя тысячами массами людей и колоннами техники?

Авиация бесполезна. Разве что эвакуировать весь район и начать методично выбомбливать площади. Причем бомбы потребуются шариковые, но не простые, а с серебряной начинкой. Иначе поможет лишь прямое попадание... Если перевести потребную плотность бомбежки и количество боеприпасов в денежный эквивалент – надо срочно телеграфировать в Думу. Нехай пересматривают бюджет и увеличивают раза в три расходы на оборону... Не вариант.

Ладно, пусть авиация останется на аэродромах. И танкисты пусть спят спокойно. Попробуем пустить в дело матушку-пехоту.

Результат тут более чем предсказуемый. Например: цепь солдатиков прочесывает зеленку. Кого ловят и зачем, не знают. Максимально возможная секретность подразумевает, что на каждом более низком уровне информированность меньше, чем на вышестоящем. До рядовых вообще ничего не дойдет, их поднимут по тревоге, потом выгрузят из машин и поставят совершенно невразумительную задачу.

Капитан зримо представил солдата-первогодка, держащего автомат раз этак в седьмой за всю свою восемнадцатилетнюю жизнь (а раньше: пару раз на стрельбище, раз на присяге, да три раза в караулах). За то короткое мгновение, пока вымахнувшая из подлеска тень в два прыжка до него доберется, салага только и сможет, что впустую давить на спуск, напрочь позабыв о предохранителе – давить, пока клыки не разорвут тонкую мальчишечью шею...

И не в потерях тут дело, потери всегда неизбежны – просто цепь окажется прорвана и можно начинать все сначала. Ну ладно, пусть двойное кольцо, пусть впереди мальчишки на убой, а сзади грамотные профи (а где их взять, профи в таком деле? даже спецы в охоте на людей растеряются почти так же – увидев, что оружие бесполезно). Локализуем место прорыва, и...

Так, тут опять возникает проблема боеприпасов. Всю ораву необходимо вооружить спецпатронами. По крайней мере по магазину на каждого. Хороший такой заказик оборонному заводу... Причем большая часть патронов никогда не выстрелит, а еще весьма изрядная доля будет разворована – как только смекнут, что за начинка в пулях.

Словно читая его мысли, Генерал сказал:

– Про глобальное прочесывание не стоит и думать. Здесь три тысячи квадратных километров самой пересеченной местности. У тебя просто не хватит дивизий обеспечить нужную плотность.

Помощь родственных служб? Ну-ну... Достаточно представить мохнатую, с оскаленными клыками морду фигуранта на стенде «Их разыскивает милиция».

Капитан принял решение:

– Должен работать спецназ. Небольшие мобильные группы со спецснаряжением. Из людей, представляющих как возможности дичи, так и способы борьбы с нею. Возможно, потребуется поддержка авиации. Вертолеты... Если не управимся до схода зеленки. Или если Деточкин вдруг выдаст на-гора аппаратуру, регистрирующую с воздуха исключительно объект и никого больше.

Генерал кивнул.

– Хорошо. Вопрос: для всего предложенного тебе надо ли командовать округом? Не надо. Все в пределах имеющихся возможностей. Тогда изложи план наших действий – по пунктам.

«Он меня экзаменует, – подумал Капитан. – Он все давно продумал и все просчитал, он держал весь расклад в голове – как один из возможных вариантов. А теперь проверяет... Не свой план – меня».

Глава девятая

1

Пока Капитан с Генералом играли в штабные игры, двигая по карте мифические дивизии к зоне «W», старик снова начал охоту. Один. Со старой двустволкой, которая двустволкой была только по названию.

Зря потраченная ночь не обескуражила. Не пришли вчера – придут сегодня. У всех крупных хищников память на такие вещи отличная: собака может через полгода вспомнить про

зарытую на черный день косточку, а медведь иногда недели спустя возвращается на то место, где бросил задранную и недоеденную телушку – любит косолапый мясо «с душком».

За двое суток к останкам коровы, судя по их внешнему виду, никто с гастрономическими целями не приближался. Никто крупный, по крайней мере. Только ласка бросилась в сторону, изгибаясь темной змейкой, когда старик приподнял прикрывавшие мясо ветви.

...Все было как прошлый раз. Так же впустую прошел закат и первые два часа после него. Лишь ночь нынче выдалась более светлая, облака временами растягивало, а до полнолуния оставалась неделя, не больше. И еще одним отличалась сегодняшняя охота – старик чувствовал себя гораздо хуже. Ему казалось, что слева, глубоко в груди, засела огромная полая стеклянная игла – пока неподвижная, ждущая своего часа – и любое резкое движение может сдвинуть ее с места, разбить на убийственно-острые куски... Резких движений он не делал, даже дышать старался не глубоко – выжидал, когда исчезнет, растает неприятное ощущение.

Но оно не исчезало...

Что долгожданные гости пришли, старик понял еще до того, как увидел их или услышал. Тишина настала действительно *мертвая* – никто из мелких обитателей ночи больше не подавал голос, не шуршал в кустарнике, не пробегал шустрыми маленькими лапками по траве.

Когда темный силуэт скользнул по краю поляны, старик сидел наготове – приклад у плеча, стволы направлены к воронке. Стрелять не спешил – пусть выйдут все, пусть соберутся в кучу у привады – картечь на таком расстоянии раскинется широко, а подранков по кровавому следу он доберет и утром...

Тень к приваде не двинулась. Она странно изменила свой контур – словно собака (волк?) присела на задние лапы – вот только оказалась при этом выше любой собаки или волка. Старику, затаившему дыхание и положившему палец на спусковой крючок, некогда было удивляться такой несуразности – он ждал появления остальных. Что зверь один, что его совершенно не интересуют объедки, что у зверя совсем другой объект охоты – все это старик понял поздно, слишком поздно, когда темное пятно бесшумно и стремительно метнулось через поляну. Прямо к лабазу.

Старик выстрелил запоздало, когда тварь была уже в воздухе – летела стремительным черным снарядом, нацеленным точно в его горло...

2

Капитан говорил медленно, тщательно обдумывая каждую фразу:

– Небольшие бригады по два-три, максимум четыре человека. Немедленный выезд на каждый случай. Собаки...

Он опять задумался – с собаками хуже, собак надо готовить долго. Даже псы, хорошо натасканные на крупных хищников, инстинктивно боятся объектов. Запах ликантропа – и тот их пугает. След брать не желают ни под каким видом.

Псов необходимо специально приучать с самого раннего щенячьего возраста. А потом притравливать по объекту – по загодя ослабленному, почти подыхающему, не способному тут же при натаске перебить самых вязких и злобных псов. Это – год. Ну, может, для самых талантливых сук – девять месяцев, кобельки чуть отстают в развитии по времени.

Нереально... Живых объектов в клетках осталось всего-навсего три, и поступление новых прекратилось. Как тут не пожалеть о ликвидированном полигоне. И о двух сворах тамошних собак, тоже ликвидированных, – Капитан собственноручно принимал участие в их расстреле. Как бы сейчас им помогла хоть пара тех великолепных в своем деле псов...

И он сказал:

– Собак надо готовить в любом случае. Не сейчас, так потом пригодятся. Без них, конечно, выйти на лежку трудно – объект может и с набитым желудком отмахать верст два-

дцать легко... Вариант: работать по следу визуально. Зимой и поздней осенью, по снежку. Когда сойдет зеленка – отслеживать с вертолетов. Следующий пункт: техническое обеспечение. Заморозить все работы у Деточкина и его команды, кроме основной. Нужна аппаратура для отслеживания. Нужны боеприпасы: спецпатроны в достаточных количествах. И к обычному оружию, и к охотничьему. Средства связи. Транспорт соответствующей проходимости, для зимы – снегоходы.

Он опять замолчал. Больше ничего необходимого для охоты на вервольфа в голову пока не приходило.

– Все? – спросил Генерал.

По его тону Капитан понял, что сдал экзамен в лучшем случае на тройку. Самое большее – на тройку с плюсом.

– Ну тогда ты забыл про две важные вещи, – покачал головой Генерал. – Первое – информационная поддержка. Ныне без нее ни одно важное дело не обходится. Ее я беру на себя. Будут статьи в прессе, вплоть до центральной – забьем в набат по поводу собак, волкособак и просто волков. Увидишь – скоро все зверолобы-зоофилы начнут писать прямо противоположное. Остались еще способы воздействия, не беспокойся. Вдобавок – запустим статью о нашей работе. Все прямым текстом, но переврав всю фактуру до невозможности. Чтобы можно было проверить и убедиться – лажа. Тиснем в самом тиражном из желтых листков, сенсации которых никто всерьез не принимает. Сработает как прививка от оспы – вирус в ослабленном варианте. Если потом что-то и просочится – никто не поверит. А просочиться может... Ты где людей собираешься в команду набирать? И куда их девать потом, кстати?

– Ну-у... – протянул Капитан. – Мало ли спецов сейчас без работы... Не все же в мафии подались. Первым делом надо поискать ребят с Полигона, из тех, что ушли до... Их и обучать ничему не придется...

– Не надо, – жестко сказал Генерал. – Не найдешь никого.

Вот так. Остается только с тоской гадать, когда уже *твои* услуги больше Генералу не понадобятся. Чтобы попытаться опередить на полхода. Хотя и не больно верится в такое – опередить Генерала.

– А безработные спецы по улицам просто так редко болтаются. Попробуй порыться среди своих знакомых – нужны крепкие парни, из добровольцев-профессионалов, кому после Косово совсем нечего делать. Желательно – чтобы у них рыльце было в пушку, чтоб висели на них какие-нибудь дела незакрытые... И общение с которыми тебе не так дорого, не нужны мне твои друзья закадычные, последней папироской под обстрелом делившиеся...

Капитан понял все мгновенно:

– Ну, вот, к примеру, паренек есть у меня знакомый, Осой кличут. Так этот Оса, из Боснии вернувшись, ларек сжег, где ему водку продали паленую. Фосфорной гранатой. Вместе с продавцом. Дело так и повисло, тогда полный беспредел шел, что ларьки, что машины каждый день взрывали... По-моему, кадр вполне подходящий.

– Подходящий... А он что, с такими манерами еще жив и на свободе?

– Удивительно, но факт. Вернулся с гор недавно, получил по контракту – скоро все прогуляет, опять начнет искать, куда вербануться. Отвык совсем парень от мирной жизни.

Капитан тоже вернулся в свое время из Боснии после полученного при штурме Бихача ранения, и тоже, отвыкнув от мирной жизни, не знал, чем заняться, тыкался туда-сюда – тут-то его и заметил Генерал (как? каким способом? – Капитан не знал до сих пор), предложив поработать в Лаборатории. Не понравится – уйдешь. Если бы он тогда знал, *куда* уходят из Лаборатории... А все равно бы ведь согласился. Капитан сделал в жизни большую ставку на Генерала и затеянное им дело. И готов был идти до конца. Будущая ликвидация Осы и других дураков, которые погонятся за обещанными большими деньгами, его совсем не волновала. А

может, кто и уцелеет – если проявит себя как должно, жизнь показала, что иметь людские резервы совсем не лишне...

– Значит, начинай подбор кадров прямо с завтрашнего дня. Первых заарканишь – дело пойдет легче, у каждого есть знакомые, потянут друг друга по цепочке. И еще: надо продумать вопрос с ИСЗ.

Капитан удивился. Какие тут могут быть индивидуальные средства защиты? В средневековые латы не закуешься, а как вскрывают клыки вервольфа кевлар, он однажды видел.

– Посмотри вот эту шпаргалку. Не стоит изобретать велосипедов, их выдумали задолго до нас...

Генерал выложил на стол густо усеянную машинописью страничку – два отверстия с краю небрежно разорваны. Капитан мог побиться об заклад, что совсем недавно отверстия прошивала толстая нить, скрепленная печатью: «секретно».

Он стал читать.

3

Из сводного доклада Марченко – Чернорецкого (фрагмент).

...исследования средневекового европейского костюма [49,156] позволяют сделать вывод о первоначальном функциональном назначении серебряного шитья, впоследствии превратившегося в чисто декоративный элемент. На представленных в упомянутых источниках рисунках ясно видно, что в более ранних вариантах дворянских костюмов серебряная вышивка предохраняет зоны человеческого тела, в первую очередь подвергающиеся атаке ликантропов, как то: яремная вена и сонная артерия (вышивка воротника), кисти рук (вышитые обшлага). В наиболее богато расшитых костюмах серебром защищены от нападения спереди все внутренние органы грудной клетки и брюшной полости. Пик моды на серебряную вышивку и ее преобладание над золотой в Западной Европе относится к XIV–XV вв., т. е. ко времени наибольшего распространения публичных процессов и казней ликантропов (см. «дело П. Штрауба» и др.). Не подлежит сомнению, что серебряные украшения (браслеты, цепи, колье, ожерелья и т. д.) выполняли аналогичные шитью функции.

14.11. Корреляция геологических карт с указанными районами наиболее плотных залеганий аргенитовых руд и результатов оценки по методике Фрезера-Чернорецкого достоверности...

4

– Достаточно, – сказал Генерал, внимательно следивший, как его глаза бегают по плотным строчкам. – Ты уловил мысль? Любил писать красиво и просто покойный Марченко, без научных заумностей – идея вполне понятная...

«Покойный Марченко, теперь вот покойный Доктор... – думал Капитан, глядя как листок превращается в ровненькую бумажную лапшу. – А что про меня скажут? Любил красиво убивать покойный?»

И этого не скажут...

Глава десятая

1

Они столкнулись в воздухе, на лету – центнер стремительно несущейся плоти, одинаково чуждой и человеку, и зверю, алчной к крови и трепещущему, умирающему на клыках мясу, – и тридцать граммов свинца, совсем не жаждущего кого-то убивать, просто пущенного людской волей в еще более стремительный полет.

Казалось, неразличимый глазу бросок массивной твари не сможет остановить ничто, и уж тем более какие-то комочки металла, – но законы физики действуют на всех одинаково. И гласят, что энергия летящего тела, конечно, пропорциональна его массе, но скорости – пропорциональна в квадрате.

Свинец победил – прыжок подломился, тварь с клокочущим воем рухнула на землю почти под самым лабазом – разодранная, окровавленная, бьющаяся в конвульсиях.

Старик с искаженным лицом держался за грудь, словно именно в него попала картечь – и только через несколько секунд медленно, осторожно, чтобы не разбить застрявшую в сердце хрупкую стеклянную иглу, переломил ружье и вставил новый патрон – давняя привычка: что бы ни произошло при охоте за крупным и опасным зверем, каким бы не показался результат выстрела, – оружие должно быть тут же перезаряжено.

Только потом он взглянул вниз, туда, где стихали звуки агонии – старик так и не понял, что за хищника он убил.

Тварь не подергивалась в последних конвульсиях, как в том был уверен старик. Вой стих совершенно по обратной причине. Тварь стояла на четырех лапах – неловко, кособоко, заваливаясь на переднюю левую, но стояла. И, задрав голову, смотрела вверх.

Он не раздумывал ни мгновения о причинах странного факта: дрогнула на старости лет рука или дело в непонятной живучести зверя.

Он снова выстрелил – раз зверь не убит, надо добивать немедленно. Стрелять пришлось из неудобного положения, стоя на коленях у края помоста и вертикально вниз. Старик выстрелил – и в тот же момент, словно сдетонировав от выстрела, игла в его сердце взорвалась, разлетелась на тысячу острейших стеклянных осколков – по всему телу, вспарывая болью нервные окончания.

Он промахнулся. Нет, рука не подвела – просто за короткий миг, что прошел между движением пальца и вылетом снапа картечи – зверя не оказалось там, куда ударила свинцовая струя. Старик захрипел – и от промаха, и от рвущей на части боли. По-прежнему стоя на коленях, он пытался переломить ружье – и от усилия ему казалось, что он переламывает сам себя.

Зверь прыгнул.

Совсем не так, как в первый раз – тяжело, неуклюже, не до конца оправившись от смертельной для кого угодно раны. И сил ему хватило только на то, чтобы зацепиться за край лабаза...

Когда в настил намертво вкогтились две лапы – старик видел их в лунном свете ясно, мог различить чуть не каждую шерстинку – он подумал отрешенно, без тоски и сожаления: конец. Старик умирал, а вид и способ смерти не имел особого значения.

Сил не осталось, пульсирующая холодная боль брала начало в груди и растекалась по рукам, особенно по левой – он просто не мог поднять рук. Не мог поднять до тех пор, пока над помостом не появилась уродливая башка, состоящая, казалось, из одной оскаленной пасти.

И тут старик ударил ее – мгновенно позабыв о боли, круша и разрывая все внутри себя. Страшно ударил прикладом ружья, снова, снова, снова...

Смерти не было. Смерти не существовало в природе. Был лишь бой, последний бой, который кончается только победой. Он бил, не чувствуя уже ничего – так охваченный пламенем танкист давит на гашетку пулемета, не замечая пузырящейся кожи и вспыхнувших волос; так пехотинец не чувствует свинца, разносящего его грудь в клочья на последнем полушаге до амбразуры; так летчик-камикадзе, уже убитый, отдает посмертный приказ своим цепенеющим рукам – и направляет изрешеченный самолет в самое сердце вражеского линкора...

На пятом ударе приклад рвануло из рук, старик едва удержал ружье – но удержал, – и тут же отпустило. Тварь с воем покатила вниз. Или страшные удары достигли цели, расколов казавшийся несокрушимым череп, или произошло что-то еще... Но зверь катался по земле, не прекращая воя, позабыв и про лабаз, и про стрелка.

Дальше старик действовал как бездушный автомат, запрограммированный на несколько простейших операций – переламывал ружье, вставлял патроны, давил на спуск, снова переламывал, опять вставлял... Левый ствол иногда отвечал выстрелом, иногда сухим щелчком курка, впустую выбрасывая нестрелянные патроны – он не обращал внимания... Старик расстрелял все содержимое патронташа, от жаканов до самой мелкой дроби, ни разу не промахнувшись.

И только когда рука впустую провела по порожним кожаным гнездам, он посмотрел вниз, на затихшую, измочаленную свинцом тушу и стал заваливаться на бок. Тварь издохла.

Он победил.

2

Камень в сотне метров от Александровской церкви походил на могильный – мрачная темная глыба в кладбищенской оградке. Но отмечал он место явления иконы Казанской Богоматери в далеком 1826 году...

Марья, церковная служка, рано утром подливала масло в лампадку у камня – и увидела старика. Увидела и сначала приняла за пьяного. Потом, когда он приблизился нетвердой походкой, разглядела ружье, на которое старик опирался как на палку. Охотничек. Характер у Марьи был тот еще, христианское смирение она толковала весьма своеобразно, никогда не упуская случая наставить заблудших на путь истинный.

– А еще старый человек! – завела она без долгих предисловий. – Шляешься ни свет ни заря, тварей Божьих убиваешь, креста на тебе нету...

– Не все твари – Божьи... – еле слышно прошептал старик онемевшими губами и пошатнулся. – Не все...

Губы его были совершенно белыми, Марья впервые увидела такие на лице еще живого человека – и испугалась. Старик привалился к окружавшей камень оградке и сказал так же беззвучно:

– Я убил ее, а она ушла... Ожила и ушла... Не время умирать... не время... вернется...

Марья не слышала ничего из этого шепота, она уже все поняла, но не знала, что делать, метнулась из оградки: ты присядь, присядь, я сейчас – старик оплыл на серый гравий – побежала к дому батюшки, у того имелся мобильник.

3

– Смотри, штучное... и с дарственной надписью... Приберем? Все равно не жилец ведь...

– Да брось ты... Старье... – Рыжий шофер «скорой» повертел ружье в руках. – Шарнир люфтит... Да и бабка его со стволом видела, и долгогривый этот... Настучат – будет ментовка жилы мотать: куда, мол, дели? Да и приклад, ты глянь только...

Приклад и ложка казались изжеванными, темное ореховое дерево пересекали глубокие трещины и покрывали свежие вмятины, одна даже пробила насквозь пластину со стертой дарственной надписью; накладки ложки из белого металла наполовину содраны.

Фельдшер не желал сдаваться в своих попытках хоть чем-то поживиться и попытался отколупнуть крохотную плоскую фигурку стилизованного оленя. Спросил с надеждой:

– Серебро небось?

– Да откуда... мельхиор, конечно... не старое же время... – ответил шофер с видом знающего. – Садись, поехали...

Фельдшер небрежно швырнул ружье в кабину.

Насчет накладок и таблички всезнайка-шофер ошибся – они действительно были серебряные.

Глава одиннадцатая

1

Дело погибшей под колесами лаборантки Костиковой проскочило мимо их внимания за суетой последних недель.

Капитан, кроме прочего, оказался по горло занят подбором команды.

Седой же, отвечавший за персонал, как раз тогда пропадал в Виварии, подготавливая систему экстренной ликвидации – клетки с уцелевшими ликантропами и кое-какое не предназначенное для посторонних глаз оборудование должны были подняться на воздух при любой попытке не санкционированного Генералом доступа. Причем так, чтобы расследующая причины комиссия могла, не слишком кривя душой, признать все произошедшее бытовым взрывом – и задача оказалась не из легких даже для сугубых профессионалов.

Руслан, временно исполнявший обязанности Седого и одновременно принимавший дела от Капитана, тоже был загружен под завязку.

С банальным случаем поручили разобраться пареньку из новых, из пополнения, ни к каким секретам не допущенному (работают себе мирные ученые, звенят колбами-пробирками, а он их бдительно охраняет).

Паренек все выполнил вдумчиво, в докладной записке изложил вывод: поводов подозревать покойную в техническом или ином шпионаже нет, жила по средствам, подозрительных связей не выявлено, образ жизни резко в последнее время не меняла – ни сучка, ни задоринки.

И погибла вполне банально, ничего подозрительного. А что сбившая машина скрылась с места происшествия – тоже случай не уникальный, такое сплошь и рядом случается.

Доклад паренька лег на стол Генерала, среди отнюдь не первоочередных документов. Тот прочитал его не скоро, и первым делом сделал то, до чего его старательный, но не владеющий всей информацией подчиненный дойти никак не мог: открыл составленный в свое время Доктором и Капитаном список 2а.

Там, в количестве тридцати семи, перечислялись лица, теоретически не знавшие, что именно находится в пропавшем контейнере, но могущие строить кое-какие догадки. И при определенном стечении обстоятельств имевшие возможность наложить на него руку.

Под номером шестнадцать в списке шла Костикова.

Капитан рычал и скрипел зубами, но проверять давно остывший след пришлось ему. Распутывать дело приходилось урывками, остальной нагрузки никто с него не снимал.

До конца тропинки он дошел через несколько недель, в начале августа.

2

Тут совсем другой лес, подумал Капитан. Не похожий на подкрадывающиеся к городу с юга заросли, по которым столько довелось мотаться нынешним летом. Те он ненавидел и задыхался в них.

Здесь нет болотистых перелесков, заросших противной ольхой, нет непролазных густых кустарников и скрюченных дистрофичных березок. Не чавкает под ногой между кочками ржавая, с разводами вода, не высыхающая даже летом.

Сосны здесь рвутся к небу свободно и смело, и между ними более чем достаточно места для свежего воздуха и солнечного света. Нет, не зря Сталин укладывал в замерзшую землю дивизию за дивизией, отвоевая у упрямых финнов эти сказочные места. Что бы о нем ни говорили – не зря. Кровь давно высохла, а красота осталась.

Лес вступал в поселок – уверенно и гордо, как армия-победительница. Сосны-великаны словно и не замечали дома и заборы, и копошение людей внизу – стояли прямо и твердо, как сто лет назад, когда на здешних пологих холмах никто и не думал разбивать дачных участков. Под ногами хрустели шишки. По обочинам узких улочек росла черника, и земляника, и спелая лесная малина – Руслан протянул руку и на ходу сорвал с колючего куста несколько ягод, шел, кидая по одной в рот.

Команда была собрана и почти подготовлена, завершались последние тренировки, может и стоило проверить кое-кого в деле – но Капитан взял с собой Руслана.

Кто знает, как тут оно повернется. Если все окажется серьезно, если они купились на хитрую инсценировку, если их сюда аккуратно, исподволь *подвели* – будет жарко. Будет не до проверок. Придется работать в полную силу, на пределе возможностей. А возможности Руслана он знал хорошо.

Высокий, в полтора роста, забор – доски еще пахнут олифой. Короткая надпись «Злая собака» – никаких там «Осторожно!»; и калитка не заперта. Заходите, если охота. Но мы вас предупреждали.

Они зашли.

Из-за угла вымахнул рослый ротвейлер, в глазах неподдельная радость – наконец-то подходящее развлечение, что-то посерьезнее соседских кошек. Капитан, не замедляя шага, сдвинул в кармане рубчатую кнопку. Пес напоролся на повисшую в воздухе невидимую стену, взвизгнул и мгновенно лег на обратный курс, через несколько секунд обиженный скулеж донесся из дальнего угла участка. Пугалка Деточкина действовала безотказно – к сожалению, только на волков и собак.

Новенькие ступени крыльца не скрипнули под ногами, Капитан распахнул дверь, насторожившейся кошкой скользнул внутрь.

– Не ждали?

Действительно, не ждали. Двое. Сидят, пьют пиво. Занимающий половину веранды стол уставлен бутылками, большей частью пустыми. Краснеет кучка раков, раскрошенная скорлупа панцирей небрежно разбросана. Никакого подвоха не видно, но расслабляться рано.

Хозяина Капитан опознал сразу, словесный портрет не врал.

Невысокий, неширокий в кости, стрижка ежиком. Косит под крутого: ручки бугрятся вполне приличной мышцей и пестрят наколками. Чувствуется, не филонит в тренажерном зале. А картинки, якобы блатные, похоже, колол человек с юмором, и кое-какие ошибки допустил намеренно. Действительно загремит – на зоне наждачкой подправят быстренько. Держится в первые секунды неплохо, но вазомоторика выдает – нервничает парень, боится чего-то, ткну – и поплывет.

Второй – старше, крепче, опасней. На вид – тупой качок, бугай с набитыми костяшками пальцев. Но в глазах что-то такое есть – Капитану некогда было всматриваться и анализировать. Отметил лишь быстрый взгляд бугая на куртку, висящую на стене. Ага... Ничего, с ходу не дотянется.

– Северцев? – спросил Капитан веско и продолжил, не дожидаясь ответа: – Потолковать надо.

Паренек заблеял что-то вопросительное, про что, дескать, им толковать, но бугай насупился и перекрыл его потуги резким вопросом:

– Кто такие?

Капитан демонстративно проигнорировал его выступление и обращался исключительно к хозяину. Руслан молча стоял у дверей, доедая малину; на вид – расслабленный, благодушный и совсем не опасный.

– О многом потолковать надо, Северцев. О джипе твоём, недавно проданном. О том, как ремонтировал его перед продажей. О том, куда катался утречком двадцать третьего июня. Рассказывай все, не стесняйся. Хорошо расскажешь – будет у тебя жизнь спокойная и сны здоровые.

Он намеренно провоцировал – не дешёвку-Северцева, а бугая. Подбивал выкинуть какой-нибудь глупый фортель. Все слова Капитана были блефом для слабонервных, никаких доказательств у них не имелось. Ремонт джипа наверняка оказался пустячный – его мощный форкоп мягким человеческим телом не больно повредишь. Капитан блефовал и провоцировал.

Но бугай – недаром в глазах читалось некое подобие интеллекта – на поводу у Капитана не пошел. Сидел спокойно, но напружинено и пытался понять, с кем имеет дело. Северцев, запинаясь, оправдывающимся тоном, бормотал что-то про джип, и его продажу, и необходимость предпродажного ремонта (совершенно не упоминая той своей утренней поездки) – но, казалось, никто этого недоумка не слушает.

Капитану надоело. Некогда и незачем разыгрывать тут финальную сцену из детектива Агаты Кристи, с неопровержимой логикой вынуждая клиента сознаться. И он сказал самым протокольным голосом, на какой был способен:

– Прекратите юлить, гражданин Северцев. А не то разговаривать мы с вами будем совсем в другом месте.

– Прикройся, Колян! – немедленно встрял бугай, определившийся наконец с незваными визитерами. – Это ж козлы легавые! Гони их взашей, или пусть ксивы кажут и санкции... Да тока нет у них ни хрена, никаких санкций – понты гнут!

Бугай говорил с нагло-ленивой уверенностью – все прояснилось, ничего непонятного и опасного нет. Колян тоже приободрился, замолчал, попытался посмотреть сурово.

– Да ты глянь на пидора этого дешевого! – давил бугай. – У него ж цепь на шее – серебряная! Серебряная!!! Да их же Панкрат завтра...

Чпок! Капитан не желал пускаться в разъяснения, зачем он носит на шее серебряную цепь и в кого (или во что) рискует превратиться неведомый Панкрат, сцепившись с их конторой.

Капитан просто вынул из-под летнего плаща пистолет, выстрелил и тут же убрал обратно. Все смотрелось одним слитным и смазанным движением, занявшим доли секунды. Но пистолет с глушителем, при всех прочих достоинствах, имеет и один существенный недостаток – не столь эффектно служит для убеждения клиента. Выстрел не бьет по барабанным перепонкам, вспышка не впечатывается в сетчатку глаза... Можно, конечно, пальнуть в потолок, чтоб – штукатурка посыпалась; но Капитан поступил проще.

Он выстрелил бугаю в голову.

– Нас, кажется, прервали? Продолжай, сынок, продолжай...

Продолжать Северцев не в силах – уставился оторопело на сползающего со стула бугая, на аккуратную дырку в переносице. Еще не проникся, не осознал. Все слишком быстро. Кивок

Руслану. Тот – в дом, бесшумной тенью. Капитан молчит. Пусть слизняка проймет до печенок. Пусть сам страстно захочет, чтоб его спрашивали. Чтоб *его* – спрашивали. В доме тихо, не слышно чпок-чпок-чпок... В доме больше никого.

Руслан выныривает на веранду, коротко кивает. Он еще не сказал здесь ни слова. Снова – к двери. Колян скрючился дрожащим эмбрионом, со стула густо капает. Пиво рвануло наружу. Больше всего его шокирует даже не труп под ногами, нет, – равнодушное спокойствие пришельцев. Легкая скука на лицах.

– Опорожняйся быстрее, – Капитан добавляет в голос легкие нотки раздраженного нетерпения. Совсем легкие, но их достаточно. Парнишка созрел для беседы, но пытается пробекать что-то про гарантии. Голос ломается, голос ползет гнилым кружевом. Глаза бегают, ищут хоть призрака шанса. Нет у тебя шансов, придурок.

– Какие на хрен гарантии? – устало и спокойно говорит Капитан. – Кому ты нужен, недоделанный? Не хватало мне мараться об тебя, зассанца... Полапаешь пальчонками дуру, из которой *ты* кореша своего *завалил*, а мы ее приберем к себе подальше. И выкручивайся, как знаешь, пой песни про неизвестных в масках... Ну давай, давай, изливайся быстрее... А то мой друг нервничать начинает. Я-то человек мягкий, а вот он...

Руслан, совсем по виду не нервничая, шагнул вперед, посмотрел на Северцева, на бугая и, не снимая тонких перчаток, вынул из нагрудного кармана серебряную зубочистку. Поковырял в зубах и сплюнул на пол малиновую косточку.

Этот простой и вовсе не угрожающий жест добил Коляна.

...Капитан не соврал. После сорока минут допроса, вывернув наизнанку полудурка и заставив наставить отпечатков на пистолете (и даже на кобуре с пружинным зажимом), он не тронул Северцева.

Все остальное сделал Руслан: коротко рубанул по затылку, разжал зубы ножом, засунул в рот глушитель и надавил спуск. И произнес совершенно нелогичную, по мнению Капитана, фразу:

– Вот тебе за Доктора, пададь!

Нырнул на несколько секунд в дом – спрятать кобуру. Капитан пожал плечами. Все знали, как Руслан уважал Доктора, но при чем тут это? Совершенно ни при чем... Да-а, нервы у них у всех сейчас как струны...

Капитан вообще поначалу не хотел возиться с *обставой* – землю рыть никто не будет, спишут еще двух жмуrow на междусобойные разборки. Но Руслан настоял – так. Ну да ладно, картинка вполне достоверная. И следов удара на затылке не найти – за почти полным отсутствием последнего.

Они вышли, аккуратно прикрыв дверь. Пересекли двор и зашагали к оставленной в двух кварталах машине. Дело сделано, можно докладывать Генералу: никто Костикову не убирал. А сама она выскочила на проезжую часть в неподобающем месте, как утверждал покойный недоносок, или, что вероятнее, он гнал на всю катушку с утренним хмельком в крови после веселой ночи – дело по большому счету десятое...

Капитан шел неторопливо, вдыхая полной грудью – словно про запас, не скоро еще придется выбраться сюда, на Карельский перешеек, в Северную нашу Швейцарию.

А леса здесь действительно красивые... Сказочные леса... Добрые...

3

Генерала диктофонная запись допроса Северцева вполне удовлетворила. Но он видал на своем веку самые удивительные совпадения. И распорядился еще раз как можно глубже перетрясти все связи лаборантки.

Найти ничего интересного Генерал не рассчитывал, просто хотел вычеркнуть ее из списка со спокойной душой.

Руслан с Капитаном носом землю не рыли, хотя и не спустили задание на тормозах – просто отрабатывали совершенно бесперспективные ниточки, когда негаданно выпадало свободное время.

На дело Колыванова, исчезнувшего предпринимателя, они вышли только глубокой осенью.

Глава двенадцатая

1

Левая рука до сих пор слушалась с трудом. Странное такое ощущение – словно пересадили чужую, и она приросла, и она прижилась – но как-то не до конца. Не совсем. Не окончательно. Да и все остальное тело – не совсем...

Но старик не жаловался. Он никогда и никому не жаловался. Не дали перекинуться – и на том спасибо. Предупредили настрого – никаких нагрузок. Если спиртным или чем еще увлекались – забудьте. Да нет, какое спиртное... Одно увлечение осталось в последнее время – охота. Тоже забудьте, никаких нагрузок, по крайней мере в ближайшие несколько месяцев... Да, да, конечно, какая охота, какие нагрузки, и хожу-то с трудом. Ходил действительно с трудом, медленно, неуверенно... Вот и сейчас, от метро до нужного магазина – рукой подать, а добирался чуть не сорок минут. Куда уж тут охотиться...

...Капкан предназначался на медведя. Маслянисто-тяжелый, с огромными дугами и двумя мощными пружинами, он даже внешне, даже не взведенный, выглядел опасным, ждущим – готовым схватить, цапнуть, сжать мертвой хваткой. И удержать кого угодно.

Старик очень надеялся – что удержит *кого угодно*. Цапнет и удержит. Но цапала и цена – не поражающий великой сложностью агрегат стоил около трети пенсии старика. Попросил посмотреть. Дали – неохотно, вид был для потенциального покупателя не слишком... Вертел в руках, безошибочно запоминая размеры и конструкцию деталей. Руки ощупывали каждое отверстие, каждый изгиб, руки еще не забыли слесарное дело. Да и опять же, какие там нагрузки: напильником вжиг-вжиг, молоточком тук-тук... Вместо реабилитационной гимнастики.

Отложил капкан, вышел из охотничьего магазина, с трудом спустившись по невысокой лестнице. По Московскому проспекту катил в сторону Пулкова нескончаемый машинный поток: пятница, вечер, август, грибы-ягоды, дачи, соленья-заготовки... Никто не хотел знать и слышать, что там, совсем рядом за границей города, их ждет и кое-что еще, кроме грибков и ягодок... Что зеленые лесные поляны могут краснеть не только от брусники...

2

Врач, курировавший старика после реанимации, на общем отделении, выглядел толковым парнем – молодой, лет тридцать пять, на лету все схватывает... Казалось – поймет...

Но доктор прослушал осторожный, неполный рассказ – и на обходах стал смотреть в сторону, отчужденно. И подослал другого – специалиста по мозгам...

Едва удалось избавиться от мозговеда, сведя все к стариковской охотничьей байке. Замкнулся, доживать в дурдоме не хотелось.

Ну и бог с ними. Морская гвардия идет уверенно... даже если в строю последний гвардеец. Даже если идти ему осталось совсем немного.

Еще ничего не закончено.
Все продолжается.

Часть третья Осень: цепь и плаха

Глава первая

1

Чертовы шавки! На Вишневой улице, так уж сложилось, жили самые истеричные и скверные нравом собаки во всем поселке. Если другой добросовестный пес-сторож, слышав или почуяв идущего мимо человека, погавкает немного для порядка, показывая, что честно отрабатывает пайку, то здешние заразы...

Теперь будут добрый час хором надрываться, подзуживая друг друга, хотя учуять пришельца могла одна или две – те, что из крайних, ближних к речке дворов.

Олег притаился за невысоким кустом, проклиная себя за забывчивость – прекрасно ведь знал, какие гнусные на Вишневой кабысдохи. И обязательно должен был это учесть, *сегодня* он должен был учесть *всё*.

Истощенный перебрех не смолкал, если кто из хозяев не спит (хоть все огни вроде и погашены) – вполне может выглянуть.

Он сжался в плотный комок, низко присев на корточки и перекинув рюкзак из-за спины вперед. Надо решать, и решать немедленно, план расписан по минутам, какой-то люфт времени тоже запланирован, но сидеть час под кустом, выжидая, пока замолкнет вся псарня, нельзя никак.

Олег умом это прекрасно понимал и все равно медлил, мысли метались, как потревоженные рыбки в аквариуме. Вскочить и побежать, нырнуть в темноту, куда не достают слабые отсветы последнего на Вишневой фонаря? или подождать немного, пусть тот, кого заинтересовала песья брехня, выглянет на улицу и спокойно вернется в кровать, ничего подозрительного не обнаружив?

А если встанут и подойдут к окну не сразу, а когда не дающий заснуть лай успеет надоесть?

Сердце колотилось. По спине, несмотря на холод осенней ночи, пробежала липкая струйка пота. Во рту, под языком – металлический вкус страха...

Наконец он решился, опустил края черной шапочки, тут же превратившейся в обтягивающий черный капюшон с прорезями для глаз. Пригнулся и не бегом, быстрым шагом двинулся совсем не туда, куда шел до начала ночного собачьего концерта.

Торопливо, по-прежнему держа рюкзак спереди, спустился вниз, к берегу речки. Кузьминка здесь, в поселке, речкой была по названию на карте, а на деле – ручей ручьем. Едва сочилась на дне глубокого, стиснутого с двух сторон домами и участками оврага – можно перейти, не замочив ног. Что он и сделал.

С другой стороны склон оврага оказался выше, домов наверху даже и не видно, одни заборы. Отсветы дальних фонарей до речки не долетали.

Но пойти этим берегом та еще проблема – весь зарос какими-то высокими, в рост человека, растениями с могучими зонтиками-соцветиями. Если двинуться сквозь частокот толстых, но ломких трубчатых стеблей – треск и хруст будут слышны аж на Пограничной...

Адреналин кипел в крови, подстегивал рвануть напролом, не разбирая дороги, от опасного места – места, где могли увидеть, запомнить, опознать...

Он подавил порыв, постоял, выравнивая дыхание, вспомнил про шапочку-чеченку. С натугой стащил с головы, аккуратно (хотя руки подрагивали) закатал края, превратив в безобидный на вид головной убор.

Чеченка безбожно давила и неприятно липла к разгоряченному, потному лицу – шапочку он купил на рынке, в Автово. Купил быстро, на ходу, чтобы не запомнили... Примерять, понятно, не стал – и мучился, просчитавшись с размером.

2

Глаза помаленьку пригляделись к темноте, мандраж поутих, и он медленно, осторожно отводя толстые стебли в сторону, двинулся вперед.

Повезло – показался просвет в зарослях – тропка спускалась вниз, к самому урезу воды и тянулась вдоль береговой излучины.

Шагать здесь было одно удовольствие – густые ольховые заросли отделяли натопанную тропинку от домов. Их обитатели могли поголовно страдать бессонницей и коротать время у окошек – но заметить в мелькающий в редких просветах ночной камуфляж Олега не сумели бы.

Помеха пришла с другой стороны – неожиданно и почти мгновенно кишечник скрутило жесточайшими спазмами.

Ну это-то он сумел предвидеть – медвежья болезнь неизменно нападала на него при ожидании важных событий: и перед защитой диплома, и перед сдачей экзаменов на права, и в загсе, перед свадьбой... А уж сегодня...

Планируя операцию, он не упустил своей особенности – и, поразмыслив, решил не принимать адских импортных снадобий, на пару дней завязывающих морским узлом прямую кишку – запаса туалетной бумагой да накинул лишних двадцать минут в раскладе времени.

Признаком патологической трусости такую особенность организма он не считал, мало ли как у кого тело реагирует на стрессы. Одни краснеют, другие бледнеют, третьи заикаются, четвертых тошнит... А у него организм мудро выбрасывает все, что может привести к заражению при попадании пули или клинка в живот – неважно, что в загсе не ждут в засаде снайпера, а инспектора ГАИ не заставляют проваливших экзамен делать хакари...

3

Следующая выходящая к речке улочка называлась Тополиной – планировщики окраинной части поселка не мудрствовали лукаво, называли улицы в стиле старой песни Юрия Антонова...

Крайний, самый ближний к Кузьминке дом – деревянный, уже старый, но красивый и высокий – был его целью.

Олег отлично знал изнутри и снаружи этот дом, неизбежно присутствующий во многих детских, юношеских, взрослых воспоминаниях.

Знал ничуть не хуже, чем квартиру, в которой прожил все свои тридцать два года. Мог с завязанными глазами или в крошечной тьме пройти его вдоль и поперек – так, чтоб не споткнуться о коварный порожек, чтоб не скрипнула под ногой расшатанная ступенька или половица, а по лбу не ударила низкая притолока.

Знал и любил – настолько, насколько можно любить неодушевленную комбинацию камня и дерева... Любил, и вот пришел, чтобы...

Он резко, на полуслове, оборвал внутренний монолог – нечего разводить сантименты, все тысячу раз просчитано, взвешено и продумано, надо не размазывать по памяти сопли умиления, а делать дело.

Рванул завязку рюкзака, пальцы не слушались, шнурок затянулся тугим узлом; он выпрямился, медленно сосчитал до десяти, осторожно распустил узел ногтями. Торопливо размотал извлеченный продолговатый сверток и прижался разгоряченной щекой к холодной оружейной стали...

Приятный холодок и уверенная тяжесть *дуры* успокаивали и придавали сил, он закинул рюкзак за спину и проскользнул между разросшимися деревьями (Олег помнил их тонкими прутиками, посаженными для укрепления медленно подмываемого речкой берега) – проскользнул вплотную к забору.

Здесь собак опасаться не следовало; жили тут две собачки, числившие в предках московских сторожевых. Да вышла с ними беда недавно – скончались одна за другой от неизвестной заразы...

...Минувшим летом количество бродячих собак в микрорайоне, где жил Олег, заметно уменьшилось – в результате его вдумчивых экспериментов с порошочком под названием зоокумарин. Послужив науке подобно собакам Павлова, бездомные шавки позволили добиться идеального результата.

Не устоявшие перед фаршированными отравой аппетитными кусками, здешние псы загнулись не слишком быстро – чтобы не заподозрили отравления. И не слишком медленно – чтобы не свезли к ветеринару.

И вот уже третью ночь басовитый лай не доносится с крайнего двора по Тополиной и хозяева раздумывают, где приобрести нового сторожа. Совершенно напрасно, между прочим. Поздно им уже раздумывать.

Глава вторая

1

Машина медленно ползла по колеям, оставленным в глубокой грязи полевой дороги тракторами и их прицепами.

Руслан сидел за рулем, а его напарник, откликавшийся на прозвище Оса, работал с фарой-искателем. Хотя, пожалуй, никакая это была не фара – настоящий прожектор, компактный и мощный.

Через каждые полчаса они менялись местами – глаза уставали таращиться в освещенные мертвящим светом поля, высматривая в сюрреалистичном переплетении длинных ночных теней ту единственную, которую они искали.

Официально они сейчас занимались полезным и нужным делом – пресекали поползновения любителей квашеной капусты, предпочитающих делать заготовки на угодьях АО «Детскосельский»...

На самом деле за минувшие ночи мимо капустных полей Руслан с Осой проезжали редко, не чаще, чем по другим закоулкам большой, покрытой полями и кустарниками равнины, раскинувшейся между Пулково, Шушарами и южной окраиной города – и у расхитителей оставшейся без охраны капиталистической собственности царил, вероятно, небывалый ажиотаж...

– Дохлый номер, – безнадежно сказал Оса, оторвавшись от созерцания кусков непаханого луга, выхватываемых мощным лучом прожектора. – Безнадега. Одна машина на такие концы... Десять лет будем ездить. И ничего не выедем. Зимы надо ждать. И по следу работать.

– Зимы-ы-ы... – протянул Руслан, бывший в их группе за старшего. – До зимы еще ого... до зимы тут такие дела могут быть... Да и машина не одна ездит, между нами...

Что по периметру громадного района катаются, кроме них, всего-навсего три экипажа, Руслан не сказал. Ни к чему. Главное – любой солдат должен чувствовать себя не одиноким,

должен знать – за ним вся армия, от маршала до последнего кашевара – и они всегда поддержат, и обеспечат всем необходимым, и прикроют огнем, и пришлют подмогу... И похоронят со всеми воинскими почестями, если потребуется.

Осе моральная поддержка не требовалась. Воевал он всяко, приходилось и в одиночестве – развивать дальше свои сомнения Оса не стал, молча уставившись в раздвигаемую прожектором ночь.

А Руслан знал гораздо больше его – и об их силах, и о феноменальных способностях их противника – знал вполне достаточно, чтобы оценить всю бесперспективность их рейдов, рассчитанных на невероятную, баснословную удачу...

Три машины и две пеших группы – мать твою, даже вшивых «Нив» и ЛуАЗов на всех не хватило! Капитан говорил, что смысл всей возни в другом: не убить, так отпугнуть тварь, держать ее подальше от города... Ох, сомнительно...

И еще более сомнительно, что их прожектор ослепит и парализует *объект* – приходилось видеть, на что способны эти зверушки, хотя бы и лишенные зрения, хотя бы и при самом ярком освещении... Вот Оса не видел и спокоен, как мамонт – предложили пусть и странноватую работу, но за такие бабки чего не постараться...

Он и старается – ишь, головой вертит... А если вдруг чего высмотрит? Ох, не нравится все это... Чего-то там Деточкин обещал вот-вот выдать, аппарат какой-то... Якобы должен валить тварь на изрядном расстоянии с копыт долой... Ну и что? А испытывать кто будет? Деточкин свой ящик в доработку заберет, если что не так, резистор какой перепаявать... А их кишки...

Руслан не закончил свои тоскливые мысли. Потому что Оса неожиданно сказал всего одно слово, даже не крикнул – негромко произнес каким-то новым, дрожащим от напряжения голосом:

– Тормози!

2

Когда-то, давным-давно, считалось, что дом этот принадлежит матери Олега и трем ее сестрам, хотя на деле был оформлен на одну из них – недостроенный здоровенный сруб на восемнадцати сотках купили в пятидесятых на деньги, вырученные от продажи дедовского дома в далеком сибирском Ачинске.

Достраивали общими силами и все вместе использовали в качестве дачи, благо рукой подать от Питера, в пригородной зоне, двадцать минут на электричке да несколько остановок автобусом...

И с самого детства Олег каждое лето проводил здесь, в Александровской.

Он помнил все: как крохотным карапузом с сачком для бабочек гулял по берегу, сразу за забором, – в воспоминаниях склон казался высоким-превысоким, настоящей горой, цветы помнились невообразимо яркими, с небывало сильным, кружащим голову ароматом, а бабочки – огромными и разноцветными, загадочно-чудесными обитателями тропического леса.

Помнил первую в жизни *настоящую* рыбалку на Кузьминке – жаркий июльский полдень, журчащие струи приятно холодят босые ноги, напряженные пальцы осторожно шарят под обросшими синева-зеленой тиной камнями, внезапное ощущение живой затрепетавшей плоти под руками там, в крохотной подводной пещере... Выхваченный под жабры налим невелик, не больше столовой ложки, но случившийся здесь отец (он редко заглядывал в «бабье гнездо») внимательно разглядывает свернувшегося кольцом на дне бидончика усатого пленника и уважительно говорит: «Ну-у, ты добытчик...», а мать презрительно морщит нос – и незаметно теряет еще кусочек мальчишеской любви...

Помнил Олег, как первокурсником потерял девственность именно здесь, на чердаке, переделанном под жилую комнату – за окном шальной полумрак белой ночи, неловкая и суетливая возня на кушетке-ветеранке, липкий страх от собственной неуклюжести и возможности неудачи – и распирающее ликованием чувство победы...

3

Воспоминания не вызвали ностальгического умиления – он по-волчьи оскалился, нащупывая в заборе доски с секретом. Потайной лаз за последние пять лет никто не обнаружил и заколотить не озаботился.

Присел на корточки у открывшегося отверстия, несколько минут просидел молча и неподвижно в неудобной позе, напряженно вслушиваясь и вглядываясь в темноту. Пока что ничего противозаконного он не сделал, пока еще можно развернуться и уйти. Отложить *дело*. Подождать другой удобный момент...

Где-то в глубине, в подсознании, таилась дурная надежда: может, не спят, может, что-то празднуют или крутят по ночному времени видак, мало ли на свете «сов», отсыпавшихся днем, – тогда придется уходить, искать и просчитывать другие варианты, он все сделает, но не сейчас, позже...

Тишина стояла полнейшая, ни в одном окне на темнеющей громаде дома не видно признаков жизни – даже слабого света ночника или тусклого мерцания телевизора. Нет никаких достойных поводов к отступлению, надо входить, но не хочется, ой как не хочется...

В висках стучал учащенный пульс, лоб покрылся липкой испариной – тело нагло бунтовало против намерений мозга. Олег предвидел и это.

Плоская фляжка нагрелась во внутреннем кармане, но хороший коньяк не водка, его ледяным не пьют, теплая и ароматная жидкость не запросилась обратно – глоток, другой, третий... – достаточно, больше не стоит, иначе вскоре появится шальной кураж и чувство ложной безопасности.

Подождал немного, пока подействует; чтобы не терять времени, вытащил из кармана сверточек, раскатал и натянул на ботинки тряпичные бахилы, точную копию тех, что выдают посетителям иных клиник – но не белые, а самолично сшитые из прочной темной ткани кривоватыми надежными стежками...

Натянул чеченку... Достал тонкие латексные перчатки – надел две пары, одна на другую, и не расползутся, и пальцы почти не потеряли чувствительности... А коньяк пятилетней выдержки делал свое дело, лихорадочное возбуждение таяло на глазах, руки работали все тверже и уверенней...

Ну вот, все в порядке, единство души и тела восстановлено, пора... Он решительно двинул вперед рубчатую кнопку предохранителя. Нырнул в лазейку – настороже, с выставленным вперед стволом.

...Машинка в его руках по виду напоминала обрез старинной трехлинейной винтовки – любимое орудие кулацких расправ над сельскими активистами и прочими Павликами Морозовыми.

Однако, как ни странно, огнестрельная игрушка производилась на заводе именно в таком виде и по науке именовалась: «Ружье охотничье одноствольное многозарядное ТОЗ-106». По мнению серьезных охотников, из безбожно укороченного ствола малышки 20-го калибра можно завалить одну-единственную дичь: человека.

Но Олег и не собирался на волков, кабанов и медведей.

При его работе, когда приходилось мотаться по области с полным багажником товара (а то и с заваленной им же половиной салона), и бумажник при этом постепенно распухал от выручки – такая штучка под передним сиденьем очень полезна, не обязательно даже жать на

спуск, один ее вид преисполняет уважением к владельцу ствола – сразу видно, что не газовик, коих развелось нынче немерено, таскают все кому не лень, и всякое почтение к силуминовым пукалкам давно потеряно...

4

Он распрямился, застыл на несколько секунд неподвижно, – вторжение, похоже, прошло незамеченным. Двинулся вперед и вверх уже без всяких колебаний, уверенно и ловко огибал едва видимые в темноте препятствия.

«Так, крыжовник... обходим слева... а тут между кустами сирени должен быть просвет, ветви тесно сплелись, но если поднырнуть... а это что-то новенькое... клумба, раньше не было... широкая, зараза, не перепрыгнуть, ну и ладно, недаром бахилы надевал, следы будут смазанные, не опознаешь...»

Подошел вплотную к стене, остановился, опустил обрез стволом вниз, палец на спуске: если кто-то и разглядел его маневры во тьме, сейчас должен проявиться, самое время – выскочить ли на крыльцо, или высунуть в форточку ствол дробовика... Других вариантов и нет, и телефона в доме нет тоже, разве что сотовый...

Он не знал, сможет ли выстрелить в человека, даже при опасности поимки. Скорей всего, не сможет, но с пушкой в руках надежнее. В крайнем случае можно пальнуть вверх. Или по ногам дробью.

Убить человека он, наверное, не сумеет.

Наверное...

Все было тихо, все было спокойно, он сосчитал до ста и начал делать дело – все страхи и комплексы куда-то в момент улетучились, осталась лишь непоколебимая уверенность: все получится, наверняка все получится...

Глава третья

1

Залитые под завязку фляги ни разу за весь поход не булькнули, но сейчас вытекающий бензин негромко журчал – Олег не обращал внимания, уверившись в крепком сне *этих*. Да и случайным взглядом из окна его уже не могли обнаружить – фундамент высокий, а он двигался по периметру дома согнувшись, обильно поливая стены бензином – фляга в руке не дрожит, ствол закинут назад, за спину, но так, что в любой момент можно мгновенно перекинуть вперед и выстрелить...

«...Так, что у нас тут?.. поленница вдоль стены... отлично, плеснем побольше... рядом ящик с газовыми баллонами... ай-ай-ай, ну разве можно держать такое рядом с дровами, это же так, хе-хе, пожароопасно... А тут, за углом опять долетает свет от уличного фонаря... ерунда, яблони заслонят от соседей, необлетевших листьев достаточно... О-о, еще одно новшество – навес над машиной, “тойота” не новая, но приличная... а мы сюда плеснем, под бензобак... вот и тряпье какое-то валяется, полить – и под днище, на тряпках бензин дольше горит, дело известное... Ну все, последняя фляга и последняя стена... не забыть и подвальчик под верандой...»

Вход в подвальчик открывался с улицы – низенькая деревянная дверца, и был он раньше забит деревянными рейками и брусками. Олег распахнул дверцу, вздрогнув от протяжного скрипа – так и есть, идеально высохшие деревяшки хоть и поуменились числом, но и на его долю вполне хватит...

Плеснул остатки бензина, небрежно откинул в сторону флягу – все аккуратно протерто, никаких тебе пальчиков, а улика пусть остается...

Если все добро застраховано на приличные деньги, попробуйте докажите, что не сами подпалили, нынче страховые компании все частные, и денежки выкладывать ох как не любят, вследствие чего подозрительностью страдают маниакальной. Но, скорее всего, никакой страховки и в помине нет, народ сейчас копейчку бережет, куда как реже страхует недвижимость...

Длину шнура, пропитанного бензином (шерстяного, никакой растворимой синтетики), он установил серией несложных опытов – будет гореть полторы минуты плюс-минус десять секунд. Вполне достаточно, чтобы успеть нырнуть в потаенный лаз, поставить доски на место и быстро отбежать за ближайший поворот русла, где не осветят отблески пожара.

А затем пойти ровным шагом, кто вдруг и увидит – внимания не обратит, там, на склоне, сейчас появится более интересное зрелище...

2

Он не понесся сломя голову, не хватало подвернуть или вывихнуть ногу – бежал аккуратно, благо ближний участок берега знал досконально, до мелочей: знал, где можно разогнаться на ровненьком лужке-покосе, где стоит сбавить шаг, осторожно переступая заросшие бурьяном колдобины.

Оружие пока не убрал, лишь сложил мешающий на бегу откидной приклад; назад не оглядывался – все равно сквозь кусты не увидит быстрый бег желтого огонька вверх по склону, не стоит и заморачиваться, а возвращаться в случае накладки и что-то исправлять чревато...

Пару-тройку раз на ходу пшикнул за спину из перцового баллончика «Шок», хотя и не знал, насколько долго продержится эта химия – потом, выйдя из опасной зоны, можно будет не торопясь присыпать след заботливо приготовленной смесью табака и молотого перца.

Русло круто забрало влево, даже днем Олега из обреченного дома уже не увидели бы. Он замедлил шаг – тикавший где-то глубоко внутри таймер спешил, в голове металась паническая мысль, что прошла и минута, и две, и три, и что все рухнуло, что кому-то в доме приспичило по малой нужде и он увидел предательский огонек, – но тут за спиной полыхнуло, заставив остановиться и оглянуться.

Он сдирал с рук перчатки, тонкий латекс расплзался рваными клочьями, а там, наверху, быстро росла огромная красная опухоль – самого пламени он сначала не видел, мешал изгиб берегового склона, но красный отблеск становился все ярче, огонь поднялся выше по стенам и показались первые желтые языки...

Донесся истошный вопль, пронзительный (женский?), ему откликнулись другие крики и рванувшийся волной по поселку истеричный собачий лай; от жара в «тойоте» что-то замкнуло и полыхающая антилопа-гну испустила сиреной вопль агонии – быстро замолкнувший...

«Что, не нравится?.. ничего, заживо не сгорите, выходы я не поливал... но имущество тю-тю... ладно, денька через три посмотрим, что подать вам на погорелое...»

Олег двинулся дальше – *дело* сделано, но операция «Вервольф» продолжается, следующий этап – красиво и чисто уйти. Был у него такой бзик – любил тщательно планировать все, от коммерческих сделок до ремонта в квартире – и именовать операциями с красивыми не русскими названиями...

3

О том, что погибшие при пожарах чаще задыхаются в дыму, чем сгорают, – Олег не думал.

И о том, смогут ли люди, проснувшиеся в пылающем доме, пробраться, – спросонья, среди криков, дыма и паники к пока не вспыхнувшему выходу, – не думал.

Что в гигантском костре горит его прошлое, его детство, – тоже не думал.

Олег думал, что надо не забыть, не пропустить нужный момент – вовремя спрятать ружье и снять бахилы, приняв обычный мирный вид.

План состоит из таких вот деталей.

И каждая важна.

Он продумал все.

4

Пожар стал финальной точкой в агонии старого дома. Но умирать он начал давно, високосным летом, оставшимся в памяти Московской олимпиадой и смертью Высоцкого.

Олег много лет спустя понял, что это было последнее счастливое лето в Александровской, последнее лето детства... Случались и позже там хорошие деньки, но все равно чего-то не хватало – может, семейных летних обедов на улице, под старой, ныне спиленной грушей – на молодую, с нежной кожицей, отварную картошку, час назад выкопанную, сыплется порезанная зелень с одуряюще-божественным запахом, дядька под слегка укоризненными взглядами жены и ее сестер достает литровую бутылку с разливным пивом, жестикулирует надетой на вилку картофелиной, рассказывает что-то невероятно смешное с абсолютно серьезной миной – а вокруг буйство летних красок и запахов, а внутри ощущение уюта и спокойствия, ощущение, что так будет *всегда*...

Да нет, обедали они и после летом на улице, значит не в том дело... А может, не хватало Олегу постоянного, ставшего привычным, деловитого жужжания пчел – на шестом десятке дядька вдруг решил заняться пчеловодством, сначала неудачно, пчелы дохли – взял в напарники опытного пчеловода, дело пошло на лад: в первое лето все ходили безбожно покусанными, но притерпелись к пчелам, а пчелы к ним, улыбки стали привычной деталью пейзажа и привычными стали вечерние чаепития со свежим ароматным медом...

...Дядька умер тем же летом – уехал в Москву в командировку, был здоров и полон планов, – а вернулся в запаянном гробу с маленьким стеклянным окошечком. И оказалось, что именно он, муж старшей из сестер – немного смешной мужик с вечно растрепанными белыми кудрями, рано и полностью поседевшими – главная пружина, на которой держалось в доме *всё*. И без которой всё медленно начало разрушаться и приходить в упадок.

Дому не хватало мужской руки – Олег по малолетству был не в счет, а его отец, которого усиленно приглашали взять в свои руки осиротевшее совместное хозяйство, приехал осенью того же года, имел долгий вечерний разговор на кухне с женой и ее сестрами (Олега бесцеремонно отправили наверх, в комнату, считавшуюся «его»), переночевал, утром уехал с каменно-мрачным лицом – и с тех пор появлялся в Александровской считанные разы до самой своей смерти, получил несчастные шесть соток в полутора сотнях верст от Питера, упорно строил *свое* хозяйство, куда теткам Олега хода не было...

Две других сестры замуж так и не сходили, может быть, во многом из-за кое-каких неприглядных свойств характера – и дом-корабль с четырьмя грызущимися у штурвала капитаншами медленно шел ко дну...

5

Олег ушел достаточно далеко от пожарища – там зарево размазалось огромным пятном в темном, затянутом тучами небе, крики не смолкали, но пожарных сирен он пока не слышал, да и не помогут пожарные...

Накануне соседи по Тополиной привезли огромную кучу дров, загромоздившую всю улицу – клятвенно обещали возмущенным автовладельцам расколоть и убрать в ближайшее время, не успели – и к гибнущему дому пожарным не проехать.

Олег безошибочно выбрал день «Д», недаром долго готовился: белые июньские ночи никак не годились; позже, на исходе лета и в начале осени, хозяева бдительно стерегли сады, огороды и картофельные делянки; и лишь когда небогатый дождями теплый октябрь плавно переходил в ноябрь, пришло время для *дела*.

Может, он подождал бы несколько дней, полнолуние было на подходе, под прожектором полной луны проводить операцию никак не хотелось, – но синоптики пообещали резкое ухудшение погоды, со снегом в конце недели, и заверяли, что густые тучи в ближайшее время ни за что не развеются. Скользить темной тенью по белому снегу – чистое самоубийство, за версту видно, да тут еще неожиданно повезло с этими дровами – и Олег начал методично выполнять план «Оборотень».

...На пересекающую речку дорогу, под свет фонарей, он не стал выходить, прошел под мостом, осторожно ступая – здесь имели обыкновение швырять под откос всевозможный хлам, ненужное старье, свернуть ногу можно мигом...

Но все обошлось, благополучно вышел из поселка, дальше дома вдоль Кузьминки не стояли. Выше по течению справа вплотную к речке подступал старинный Александровский парк, слева, на небольшом отдалении – металлическая, с колючей проволокой поверху, ограда учхоза.

Стоило остановиться и перевести дух – пожар остался далеко позади, криков и шума не слышно, но слабый отблеск на ночном небе показывает, что веселье на Тополиной продолжается...

Он присел на траву, убрал «тозовку» в рюкзак, аккуратно опять замотав в тряпки, – больше не понадобится. Если что – он мирный турист, заплутавший в темноте и пропустивший последний автобус.

Стянул бахилы, в которых мирные туристы обычно не щеголяют, аккуратно свернул и сунул в пакет к драным перчаткам – им и кое-чему еще суждено сгореть в глубокой сухой яме, заранее выбранной на маршруте, огня из которой никто не увидит.

Эмоций никаких не было: ни торжества от удачного дела, ни запоздалого страха... Правда, Олега бил сильный озноб – но это добрался холод ночи, которого до сих пор он не чувствовал, хотя специально оделся легко – чтобы не взмокнуть от немалых нагрузок, долгой ходьбы и бега. И сейчас, когда пришлось остановиться, стало ясно, что в нетолстом комбезе, надетом на рубашку, двигаться надо безостановочно.

Он вспомнил про фляжку, достал, сделал три долгих глотка – теперь можно... Ох, как он напьется следующей ночью, когда все закончится...

Глава четвертая

1

Вся неуверенность Руслана мгновенно куда-то делась, исчезла, испарилась – затормозил плавно, чтоб не сбить Осе наводку луча – и тут же уверенно выдернул пистолет из пружинного зажима – валить тварь должен был напарник, а он подстраховывать и при необходимости добить.

– Смотри, во-он там залег... Жирный... – сказал Оса тем же негромким напряженным голосом.

– Кто жирный? – спросил Руслан, начиная понимать, что тревога ложная.

– Да заяц же! Подстрелим?

– Ну тебя... не за зайцами ездим. Да и не отпишемся потом за... за спецпатроны, – Руслан медленно отходил от всплеска адреналина в крови.

– Ерунда, – уверенно сказал Оса, переламывая вертикалку. – Я на такой случай пару обычных захватил.

Чем снаряжены спецпатроны, Осе знать не полагалось. Но он еще неделю назад разобрал один и внимательно исследовал содержимое. А собрав обратно, прихватил из заряда одну странного вида картечину. В ювелирном его догадку подтвердили – маленький шарик оказался изготовлен из серебра. Не слишком чистого, почти технического, но серебра. Факт этот наводил на интересные размышления.

...Говорят, что подстреленный заяц кричит жалобным, чуть ли не человеческим голосом. Но тот, что в несчастливый для себя час подвернулся под луч прожектора Осе, повел себя нетипично – не издав ни звука, сделал большой прыжок в сторону, крутнулся по траве и неподвижно вытянулся. Оса вновь переломил ружье, вернул на место спецпатроны и открыл дверцу «Нивы».

– Подстрахуй, пойду подберу...

Руслан, держа снятый с предохранителя пистолет в опущенной руке, застыл у крыла машины, тревожно поворачиваясь то в одну, то в другую сторону.

Почему-то сейчас вероятность повстречаться с тварью казалась ему куда выше, чем каких-то десять минут назад. Ночь выглядела не такой, как из теплой кабины – подступила, окружила, обволокла – обманчиво тихая, обманчиво спокойная. И опасная, смертельно опасная. Где-то в ночи кралась на мягких лапах косматая и безжалостная смерть – медленно, как останавливающийся шарик рулетки – чей номер выпадет сегодня?

Оса приближался к жертве своих охотничьих инстинктов осторожно, держа двустволку наготове и внимательно поглядывая по сторонам. И даже далеко обошел высокую поросль бурьяна, явно опасаясь внезапной атаки. Руслан, зная, с какой скоростью атакует оборотень, усмехнулся.

Но все обошлось, Оса вернулся целым и невредимым, высоко подняв за длинные уши незадачливого обитателя полей. Когда он грузил трофей в багажник «Нивы», рассуждая о плюсах и минусах различных способов кулинарной обработки зайчатины, Руслан коснулся его рукава:

– Смотри!

Слева от дороги, километрах в двух, а то и в трех от них – точнее ночью и не определить – поднималось к темному горизонту зарево – отсюда казавшееся небольшим и не опасным, даже каким-то манящим – как далекий костер в степи, заставляющий запоздалого путника быстрее переставлять усталые ноги. Две минуты назад зарева не было.

– В Александровской, – уверенно сказал Оса. – Деревянный дом...

Он не сомневался – приходилось видеть, как горят в ночи дома из разных материалов. И поджигать приходилось.

– Может, подъехать? – предложил Оса, не то рассуждая сам с собой, не то спрашивая у Руслана – и сам не зная, почему его туда тянет.

– Незачем светиться. Искать там нечего. Наш объект к пожарам отношения не имеет...

Руслан ошибался. Порыскать в районе пожарища им очень даже стоило.

2

Второй этап агонии дома наступил еще восемь лет спустя, когда из странствий, наполненных приключениями, заявила кухня Олега, – по его мнению, весьма умная и талантливая сучка.

Приключения были в основном амурного плана и вернулась двоюродная сестричка в изрядно ощипанном виде – потеряв мужа, любовника, жилье и безвозвратно порушив карьеру международной переводчицы. Герой одного из ее романов был женат на партаппаратчице, оказавшейся на редкость склочной бабой, и чеки «Березки» остались кухне-вертихвостке сладким напоминанием о накрывшейся за границе.

Но шустрая поблядушка хорошо владела искусством приземляться на четыре лапки – лихо прописалась с малолетним сыном в квартире, где жили две ее и Олега тетки.

Повторилась старая история про зайца, лису и лубяную избушку: как-то незаметно две тетушки-старушки оказались в Александровской – сначала на лето, затем и навсегда. Тут выяснилось, что идеальный летний дом для круглогодичного жилья не подходит – не больно сладко бегать в мороз в дощатую уборную и за водой на колонку. Да и печь, чтобы поддерживать маломальски пригодную для обитания температуру, жрала дрова в неимоверных количествах.

Олег помогал, чем мог: постоянно возился с дровами, залатал прохудившуюся крышу, хотя бывал здесь все реже, занятый на фазенде отца – к тому же характер тетушек с годами не улучшался, все чаще слышались намеки, что дом принадлежит не ему и даже не его матери – так что особенно выкладываться не стоило, тем более что завидующая кузина, похоже, положила глаз и на загородную недвижимость...

Но тут она маленько просчиталась – упорные пенсионерки мерзли и голодали (как раз шизофрения перестройки закончилась свистопляской цен), но умирать и оставлять наследство не собирались – и в конце концов обменяли дом на трехкомнатную квартиру в отдаленном райцентре области. Сильно продешевили – цены на дома в пригородной зоне росли как на дрожжах...

Для Олега расставание с домом стало ударом, но помешать он ничем не мог – только бывший инженер пристроился на хорошее место в частном бизнесе, особых денег зарабатывать не успел...

Хотя и распрощаться с Александровской был не в силах – снял временку-развалюху через две улицы, перетащил барахло и поклялся выкупить дом при первой возможности...

Но любую клятву, как известно, проще дать, чем выполнить.

3

Дальше маршрут отступления лежал через парк, хотя эту его дикую и запущенную окраину правильнее было назвать лесом. После войны привели в порядок прилегающую к Пушкинскому дворцу-музею часть Александровского парка – а тут, рядом с одноименным поселком, дворцы и павильоны до сих пор лежали в руинах, заросли деревьями и кустарниками, не предусмотренными два с половиной века назад планировщиками парка.

Олег знал здешние заросли как свои пять пальцев и собирался пройти, сбивая след, по ним чуть больше километра – к тому месту, где стоял надежно спрятанный велосипед, игравший большую роль в планах этой ночи.

Двухколесную машину он купил на том же рынке в Автово, продавцом оказался ханыга самого неблагонадежного вида, запросивший удивительно дешево, – Олег подумал: не иначе как недавно угнал от подъезда или магазина и спешит быстрее сбыть с рук, – но не придал значения. Велосипед нужен на одну ночь, так же как камуфляж, ботинки и шапочка-чеченка...

Он прошел больше половины лесного пути, подсвечивая дорогу короткими вспышками фонарика – не встретив никаких неожиданностей. Уверенно пересекал полянки, лавировал между деревьями, обходил заросли кустарника или проскальзывал сквозь них знакомыми лазами.

А в душе начинали уже петь победные фанфары, как ни одергивал себя, как ни говорил, что не все еще закончено – но ведь смог, ведь сумел, не супермен и не спецназовец, обычный,

никогда не служивший в армии и не имевший дела с криминалом инженер – все сам, своей головой, разработал план, провернул *такое* дело и провернул чисто, не оставив никаких ведущих к себе следов – ну просто ниндзя, вервольф, ночной оборотень...

Внутри все ликовало, когда Олег поднырнул в незаметный со стороны проход в гряде кустов – на вид они стояли сплошной стеной, но снизу шел пещерообразный лаз, через который можно было проскочить, низко пригнувшись.

И тут судьба-злодейка в очередной раз показала, как опасно радоваться до полного окончания дела...

4

Мысль о поджоге, поначалу несерьезная, пришла Олегу в голову больше года назад, когда он окончательно понял – всех накопленных за пять лет сбережений едва хватит на покупку небольшого участка в Александровской. Если продать отцовские шесть соток – участка с фундаментом.

Всякое бывало за эти годы: работал начальником отдела в процветающей фирме, получал неплохие деньги; захотел большего, затеял левые комбинации – был вышвырнут на улицу с немалым долгом, повешенным на плечи; основал свою крохотную фирмочку, начавшую путь в бизнесе не со стартового капитала и даже не с полного нуля – с изрядных стартовых долгов, финал оказался закономерен – после годичного бултыханья фирма ушла на дно; отработал год наемным коммерческим директором (к тому времени стал неплохим специалистом в торговле медицинскими товарами) в другой конторе, где труба была пониже и дым пожире – ушел сам, скопив кое-какой капитал – понял, что уже не может работать под хозяином; опять начал свое дело, с учетом всех прошлых ошибок – вроде пошло хорошо, но тут грянул августовский дефолт...

Сейчас в фирме работали три человека, включая его самого (сам себе и владелец, и директор, и менеджер, и агент по продажам, и курьер-экспедитор), дела шли ни шатко, ни валко – на сносную жизнь хватало, хватало и на детей от первого брака, но давнишняя мечта – выкупить дом – оставалась мечтой.

Жена подзуживала: покупай здесь участок, на отцовскую фазенду слишком далеко ездить, за несколько лет вполне осилим строительство... Но ему был нужен именно этот дом, и никакой другой. На худой конец именно этот участок – на котором знаком каждый кустик, и каждое деревце будит воспоминания детства...

А дом стоял на прежнем месте, как издевка над прошлым – от снимаемой Олегом халупы была отлично видна его крыша – и жили в нем чужие и незнакомые люди, которых он помаленьку начал ненавидеть...

Расчет был прост: если *эти* (иначе он их и не именовал) окажутся в преддверии зимы без крыши над головой, – особо чиниться не станут, возьмут за обгорелый фундамент деньги, или, как запасной вариант, обменяют руины на две комнаты Олеговой жены в коммуналке на Суворовском.

А уж восстановить он сумеет, хоть сейчас может нарисовать по памяти каждую досочку...

Моральные аспекты Олега не волновали. Он имеет больше прав на дом, чем *эти* – и точка. Это у него, а не у них украдена доля дедовского наследства... Волновало другое – ну как кто свяжет явившегося на свежее пепелище покупателя (а затягивать нельзя – перекупят) с очевидным поджогом? Тут нужен был филигранный план и железное алиби...

Он такое алиби рассчитал и подготовил.

Глава пятая

1

Олег ничего не понял: странный клацающий звук, резкая боль в щиколотке, ногу что-то с хрустом стиснуло – он не удержал крик, рванулся вперед и тут же рухнул лицом в заросли полыни, не успев выставить вперед руки и смягчить падение, царапая кожу лба и щек о сухие ломкие стебли.

Торопливо перевернулся на бок, попытался подтянуть ногу – ничего не вышло, она подвинулась чуть-чуть с металлическим звяканьем, оставаясь в болезненно-цепком плену. Он зашарил руками вокруг, почти сразу натолкнулся на фонарик, нажал кнопку – и через секунду сообразил, что попал в капкан. В самом прямом смысле слова...

Пожалуй, первым чувством стало возмущение: кто, какой идиот додумался ставить капканы в парке? И, главное, на кого? Звери крупнее зайца даже на здешнюю дикую окраину не забредали...

Тут же сверкнула паническая мысль: ловушка приготовлена именно для него, кто-то обнаружил и расшифровал все его приготовления и вот так заблокировал возможные пути отхода... Но вокруг было тихо, никто радостно не ломился через подлесок к стреноженной дичи, не светили фонари и не перекликались возбужденно охотники, услышавшие падение и вскрик Олега.

«К черту, не надо нагнетать панику... обычная хулиганская шутка... ну, допустим, не совсем обычная... надо быстрее освободиться от проклятой железки, а про идиота-шутника можно будет подумать на досуге...»

Он подполз к капкану боком, как краб, отталкиваясь от земли руками – толстая железная цепь уходила от ловушки в сторону – она-то и не позволила Олегу инстинктивно подтянуть зажатую ногу.

Как хорошо, что он не обул вопреки первоначальному намерению кроссовки и не пожалел денег на высокие ботинки армейского образца. Мощные дуги капкана (ладно хоть без зубцов) стиснули, сплюснули голенище, но толстая кожа смягчила удар – а в кроссовках незащищенная кость наверняка бы сломалась.

...Боль от резкого удара постепенно затихала, хотя от постоянного давления ступня помаленьку начала неметь. Олег попытался раздвинуть дуги и освободить ногу – холодная сталь не сдвинулась ни на миллиметр.

Включил фонарик, внимательно осмотрел капкан и понял, что грубой силой захваты никак не развести в стороны. По бокам капкана стояли две здоровенные пластинчатые пружины, круглые отверстия на их концах скользили по расширяющимся к середине дугам – достаточно сдвинуть до конца обе пружины и захват раскроется сам собой.

Следующие пять минут были наполнены возней, негромким клацаньем железа и приглушенными матерками.

Наконец обессиленный, но не освободившийся Олег растянулся на холодной земле и достал из кармана сигаретную пачку – до сих пор он так ни разу и не закурил. Зажигалка прыгала в дрожащих исцарапанных пальцах, сорванный ноготь саднил, а досада на дурацкую помеху постепенно сменялась крепнущим чувством тревоги.

Ему банально не хватало рук – чтобы освободиться, надо было сжать обе пружины одновременно. А даже правой, более сильной рукой он мог отжать вырывающиеся из пальцев пластины не более чем на половину. Двумя руками, может быть, он и добился бы успеха – но вторую пружину сдвинуть тогда нечем.

Докурив сигарету до фильтра, Олег опробовал новый способ: осторожно встал, балансируя на одной ноге, выровнял на земле капкан, ухватился двумя руками за одну пружину и наступил свободной ногой на другую, пытаясь сжать ее всей тяжестью тела.

Приглушенный крик боли, шум падения... Он поднялся на четвереньки с бессильным рычанием, перевернулся и сел на землю лицом к проклятой железине. Все бесполезно – подошва не имела упора снизу, и вся масса тела прикладывалась к двум точкам – к дугам, начинавшим давить с утроенной силой...

Надо искать другой выход...

Но выхода, похоже, не было.

2

«Ну ладно, как-то же взвел хреновину тот гад, что ее поставил... тащить взведенной из дому неудобно и опасно... значит должно быть что-то неприметное: рычажок, кнопка, шпелек... который освобождает захват и до которого попавшийся зверь дотянуться не сможет даже случайно... нет у зверей для этого ни человеческих мозгов, ни гибких пальцев... а значит... Сука-а-а!!!»

Фонарь, проклятый фонарь получил при последнем падении повреждение – вместо круга яркого света едва затеплилось тусклое свечение, на расстоянии вытянутой руки ничего толком не освещавшее. Лампочка горела в четверть накала, и ее желтый огонек слабел на глазах...

Он торопливо дернул кнопку обратно и стал работать на ощупь, терпеливо и скрупулезно, сантиметр за сантиметром изучая капкан. Кнопки или рычажка не нашлось, ловушка оказалась на редкость груба и примитивна – шесть или семь надежно соединенных кусков железа, никаких изысков и хитростей – и сокрушить эту простую и безжалостную силу, похоже, можно было лишь силой превосходящей...

«Ерунда... должно отыскаться слабое место... надо не ломить и не дергаться, а сесть и спокойно подумать...»

Он пытался успокоить себя, но получалось плохо – паника росла, крепло дикое, неподвластное рассудку желание орать во весь голос и бешено дергать зажатой ногой – словно бездушные челюсти могли испугаться и выпустить добычу...

Он с размаху ударил себя ладонью по щеке, по другой – помогло; вынул фляжку, допил быстрыми глотками и швырнул в кусты, уже нисколько не заботясь об уликах и отпечатках пальцев; достал сигарету; прикуривая, поднес циферблат часов к огоньку зажигалки – и застонал. Тщательно выстроенное, выверенное по секундам алиби летело к чертям...

3

Обставил алиби он безукоризненно.

Для окружающего мира, в том числе и для собственной жены, пребывал сейчас Олег в областной командировке – ночевал в Волосово, в бывшем доме колхозника. Машина, потрепанная отцовская «Волга», мирно простоят всю нынешнюю ночь там же, у всех на виду, на ближайшей стоянке. Ничего не подозревавшая дежурная по этажу должна была разбудить Олега в половине девятого – вечером он демонстративно мимо нее прошествовал, побрякивая кошелкой, наполненной бутылками с пивом – сразу видно, мужик собрался нехило расслабиться. И если ночью на случайный стук в дверь не отреагирует, ничего удивительного.

Окно номера Олег оставил незапертым – прикрыл, запихнув между створок сложенную бумагу. Залезть в утренней мгле труда не составит, – благо первый этаж. Непрошенных же визитеров-форточников при провинциальной простоте нравов опасаться не стоило...

Главная трудность состояла в другом – вернуться в Волосово, не засветившись ни в общественном транспорте, ни у водителей попутков. Проехав двадцать километров на велосипеде (часа полтора, если налегке и в хорошем темпе), Олег успевал на первый утренний автобус Гатчина-Волосово, который вечно был набит самым разным народом, в основном работягами с окрестных предприятий, торопящимися к началу смены – в такой пестрой и похмельной толпе полусонная кондукторша никак бы его не запомнила.

План учитывал все – кроме не пойми откуда взявшегося на лесной тропке капкана. Теперь, чтобы успеть на первый автобус, Олегу требовалось пролететь двадцать километров со скоростью лидера гонки Тур-де-Франс...

4

«Ладно, не стоит ломать голову... автобус дело второе... главное – избавиться от чертовой хреновины... в старом фильме автомобильный вор распилил капкан... я все рассчитал, все спланировал... бл***, кто знал, что потребуется ножовка или напильник... разве что... рычаг, обычный рычаг... и точка опоры... и чем-нибудь зафиксировать отжатую пружину...»

Он почти успокоился, кровь стучала в висках, но это действовал алкоголь – других признаков опьянения не осталось, голова работала четко и ясно, перебирая и отбрасывая один вариант за другим.

Здесь, в кустах, среди тонких ветвей подходящего рычага не найти, это понятно. Но неподалеку, метрах в пятидесяти, самое большое в семидесяти – полуразрушенное строение из красного кирпича.

Неизвестно, что там было в старые, царские времена: сторожка? домик егеря? еще что-то? – стены выщербленные и облупившиеся, проемы дверей и окон заколочены листами прожавшей жести...

А снаружи, у стены, он хорошо помнил, валялась груда всякого хлама: битый кирпич, обломки досок, какие-то гнутые и ржавые трубы... Тут тебе и рычаг, и упор. Но как добраться до той стены...

«Идиот! Цепь... отвязать цепь от дерева... срубить, наконец, его к черту...»

Перебирая руками по холодным звеньям цепи, Олег подтянулся, не вставая, к кустам, пытаясь нащупать в темноте место крепления. Нашупал – и зарычал сквозь стиснутые зубы. Цепь заканчивалась пробоем, глубоко вбитым в огромную деревянную плаху. В длинный, больше метра, неподъемный чурбак, отпиленный от толстого дерева.

...Местные власти регулярно, в основном к очередным выборам, обещали привести Александровский парк в порядок: вырубить дикие заросли, установить вдоль восстановленных аллей скамейки, возродить парашютную вышку на Арсенале и лодочную станцию в Ламском павильоне.

Большая часть обещаний оставалась на бумаге, но некоторые воплощались в спонтанные и лихорадочные действия службы озеленения, бессистемно начинавшей вырубать разросшийся кустарник и спиливать старые, грозящие упасть деревья.

Когда порыв угасал – по так и не восстановленному парку валялись чурбаки от спиленных лип и дубов. Местные жители вывозили их на тачках – на дрова.

Этот не вывезли...

Глава шестая

1

Зажигалка раскалилась и начала обжигать пальцы – Олег погасил трепещущий желтый огонек.

Все напрасно – в цепи ни одного дефекта, все стыки чуть тронутых ржавчиной звеньев аккуратно заварены. На какую глубину уходил в плаху пробой, не понять, но выдернуть его напряжением всех мышц не удавалось...

Тупая, давящая боль уходила, нога ниже капкана начала неметь, и это было плохо. Стоило поспешить. Олег торопливо выдернул охотничий клинок и начал на ощупь долбить и ковырять дерево вокруг пробоя.

Хорошо, что захватил нормальный нож, а не швейцарскую ковырялку – хоть и не собирался никого резать, как и не собирался ни в кого стрелять из «тозовки» – но оружие давало уверенность, рождало боевой кураж, ничуть не хуже ста наркомовских граммов перед боем.

Длинное лезвие плохо заменяло долото, но поначалу дело пошло бойко: кора и верхний слой дерева подгнили, и легко поддавались ножу.

Олег работал торопливо, порой останавливаясь и ощупывая углубляющуюся ямку – все не так уж скверно, с такими темпами можно успеть на второй или третий автобус, и изобразить дело так, что мучимый ранним похмельем, он проскользнул мимо дремлющей дежурной и отправился на поиски пива – а сейчас возвращается... Или придумать что-то другое, время скорректировать план будет.

Наверное, он сглазил, слишком рано начав думать о дальнейших действиях. Работа замедлялась, дерево в глубине становилось все тверже, а нож тупился, регулярно задевая за металл пробоя. И все же воронка в боку чурбака росла...

Он не смотрел на часы, долбил размеренно и монотонно: три полукруговых движения с одной стороны пробоя, три с другой, выковырять отколотые щепки, снова три с одной, три с другой, после десяти циклов измерить достижения и начать все с начала...

Когда глубина отверстия почти сравнялась с длиной клинка, Олег решил, что этого достаточно. Сидя на земле, устроился поудобнее, уперся свободной ногой в плаху, крепко ухватился за цепь, подождал несколько мгновений, собираясь с силами – и потянул изо всей мочи.

Перед глазами вспыхнули огненные круги, в спине мерзко хрустнуло, но пробой не сдвинулся ни на миллиметр.

Олег рвал, дергал, пробовал тянуть равномерно и рывками – паника нарастала, он уже плохо соображал, что делает, когда дрожащими руками просунул длинное лезвие в пробой и рванул за рычаг ручки. Нож сломался с камертонно-чистым звуком, лезвие улетело куда-то в темноту.

И тогда Олег завыл во весь голос...

2

«Сука-а-а!!! Я убью эту суку! Пусть только придет проверить утром ловушку... всажу в брюхо шагов с пяти и буду глядеть, как корчится и воеет с дуршлагом вместо кишек.... Потом подползу поближе и нашипую дробью яйца... и никаких контрольных выстрелов в голову, пустьдохнетмедленно... Заодно посмотрим, чем эта гнида взводит свои капканы... должно быть чем-то вроде тисочков... или винтовой струбиной, даже парой струбин...»

Он дрожал в лихорадочном ознобе – то ли в предвкушении расправы над охотником-параноиком, то ли почувствовав холод ночи, пробившийся сквозь возбуждение, страх и ярость.

Олег сидел на проклятой плахе и, чуть позвякивая цепью, раскачивал пробой вправо-влево. Точнее, пытался раскачивать – железина была откована добротно, с цепляющимися за дерево зазубринами. Гнуться, ломаться или расшатываться пробой не собирался.

«А ведь я кретин, – подумал вдруг Олег, – полный идиот и склеротик. У меня в рюкзаке отличный рычаг, а я сижу и вручную дрочу поганую железку...»

Он торопливо достал «тозовку», повозился с ней у пробоя и досадливо отбросил на траву. Ствол ружья не проходил в пробой. Чуть-чуть, но не проходил...

3

Маньяк, развлекавшийся установкой капканов в парке, не пришел за добычей. Вместо него на рассвете пришел дождь – мелкий, противный, холодный...

4

Странное дело, но холод он перестал чувствовать. Постоянная дрожь под промокшей одеждой стала привычной, он не обращал на нее внимания, как не обращают внимание на побаливающий зуб или постоянный насморк. Сигареты, дававшие иллюзию тепла, кончились час назад; голод или жажда его не беспокоили.

Олег сидел на плахе, забросив все попытки освободиться – так, должно быть, сидит попавший в капкан волк, понявший, что из железного плена не вырваться – сидит и ждет охотника, чтобы дать ему последний и безнадежный бой.

Дождевые капли стекали по лицу, он не вытирал их, ни на что не обращая внимания... Мыслей не осталось никаких – какое-то дремотное отупение, похожее на сон без сновидений наяву...

Дождь кончился и рассвело окончательно, хмурое серое утро с трудом пробилось сквозь кустарник – Олег не шевелился, позабыв о том, как ждал утра, дабы оценить еще раз при свете возможности к спасению.

И тут раздались голоса – веселые, громко перекликающиеся в мокром от дождя парке...

5

Он вскочил, звякнув цепью, мысли заметались напуганными зверьками:

Крикнуть?

Позвать на помощь?

А пожар?

Идут с поселка... наверняка знают о пожаре...

Нельзя...

Ружье, две фляги в рюкзаке...

Нельзя...

В любом травмпункте сразу спросят, что делал тут ночью... и наберут «02»...

А уж те сложат два и два...

Он забился в кусты, насколько позволила длина цепи и густые ветви, прижался к земле за плахой. Вспомнил про оставленные на виду ружье и рюкзак, но не шевельнулся – голоса слышались рядом...

Олег толком не разглядел идущих, – судя по голосам, подростков. Лишь мелькнула раз-другой сквозь заросли яркая куртка. Сворачивать с дорожки в мокрый парк утренние прохожие не спешили.

Он лежал затаившись, ожидая, когда затихнут в отдалении последние звуки. Подождал еще немного и вылез из куста – грязный, мокрый, дрожащий... Не похожий на давешнего ликующего от удачно проведенной операции ночного оборотня...

Способность думать вернулась, хотя мешал постоянный ломающий гул в ушах, отдающий неприятной болью в виски.

К чертям все планы и алиби... Его уже не интересует покупка обгорелых руин, его вообще не тянет больше в любимые когда-то места, а хочется одного – поскорее выбраться и забыть об этой проклятой ночи. Но выбраться надо *самому*, чтобы не сменить одну ловушку на другую, капкан на тюремную камеру.

Домик из темно-красного кирпича он видел как на ладони, до него действительно метров пятьдесят, не больше. Олег легко смог разглядеть никуда не исчезнувшую кучу хлама у стены. Ему даже казалось, что он видит вполне подходящую для рычага арматуру...

А еще, напряженно вглядываясь в домик, он почувствовал странную и неприятную вещь – его тоже разглядывают самым внимательным образом. И даже понял, откуда – из окна, из-под полуоторванного и задранного ржавого листа, прикрывавшего оконный проем.

Там, в темноте – ни движения, но чувство давящего взгляда не проходило – равнодушного взгляда, безучастно взирающего на мучительные попытки выдраться из капкана...

«Бомж? Обкурившийся наркоша? Ерунда... не та сейчас погода... Бомжатник тут мог быть летом, сейчас бездомная публика потянулась в тепло... в подвалы, на теплотрассы... Показалось... крыша едет... глюки пошли...»

Он плюнул на это ощущение и стал думать о главном – как преодолеть злосчастные пятьдесят метров.

6

Для начала он нашел отлетевшее лезвие ножа. Оно, по счастью, не зарылось в траву и не улетело в кусты, лежало на виду, тускло поблескивая. Но – далеко, цепь не подпускала, пришлось лечь на живот, вытянувшись во весь рост на земле и аккуратно подтягивать откидным прикладом ружья.

Затем смастерил рукоять – обмотал нижнюю часть клинка оторванной от рюкзака тряпкой. Получилось ненадежно, но лучше, чем ничего, по беде сойдет. До дна окружавшей пробой воронки таким инструментом уже не добраться, но Олег готовил его для другого дела...

Он торопливо срезал ветви, стараясь выбирать потолще, и делил на равные, в ладонь длиной части. Когда набралась приличная кучка, стал запихивать их в капкан, между основанием и подошвой ботинка.

...Обрубки входили все более туго, последние он заколачивал валявшейся без дела рукоятью ножа. Затем осторожно встал и попробовал наступить на захваченную капканом ногу. Ветки слегка промялись, Олег сел на землю и вбил еще несколько палочек.

Теперь он мог ходить – медленно, сильно хромя, увенчанная нелепым сооружением левая нога стала значительно длиннее правой. Но боли не было, он вообще не ощущал ногу ниже колена...

Олег стал примериваться к плахе.

Тащить ее за собой волоком, как он хотел поначалу, не получалось – тяжеленный чурбак словно прирос к земле. Катить мешал торчащий в сторону сук. К тому же через один с небольшим оборот цепь окажется полностью смотанной. Остается одно – поднять и нести.

Он обхватил сырые, поросшие мхом бока плахи осторожней, чем плечи любимой женщины, попробовал поднять – и понял, как мало у него осталось сил. Чурбак оторвался от земли – медленно и неохотно, но оторвался. Олег опустил его и опустил сам, руки дрожали, тело тряслось в ознобе.

«Тяжелый, зараза... но ничего, полсотни метров как-нибудь протащу... потихоньку, полегоньку, с остановками...»

Он закашлялся – долго, сухо, надрывно.

«Простудился... как пить дать простудился... и температура наверняка вверх пошла... надо скорей в тепло, пока не схватил пневмонию... Ну ладно, пора... Раз-два, взяли!.. взяли и пошли – медленно, осторожно, не спеша...»

7

Взвалить плаху на плечо не позволяла цепь.

Он тащил ее, облапив на уровне живота, осторожно ковыляя – намокшая кора выskalывала из пальцев. Куда ступать, Олег не видел, чурбак не давал глянуть под ноги.

Окружающие кусты и деревья занимались странным делом – вспыхивали на мгновение кроваво-красным цветом, затем медленно приобретали прежнюю окраску, чтобы при следующем шаге снова вспыхнуть...

Он считал шаги, но после десятого сбился. Решил опустить чурбак и передохнуть, дойдя до елочки, росшей примерно посередине пути.

Не дошел.

...Нога с вцепившимся капканом ухнула вниз, в ямку, незаметную под полегшей травой. Он пошатнулся, не удержал равновесия, упал набок, выпустив из рук плаху. Она рухнула на зажатую в капкане ногу...

Боль вспыхнула сверхновой звездой – окружающий мир мгновенно почернел, обуглился... Все кончилось.

8

Он тонул, он захлебывался – ледяная вода рвалась в легкие.

Вынырнув из забытья, из темного бездонного провала, Олег скорчился в рвотной судороге, извергая обратно дождевую воду и сгустки слизи подозрительно красного цвета.

По ушам били неприятные и оглушающие звуки. Немного спустя, когда рвота перешла в надрывный, рвущий грудь кашель, он понял, что слышит воронье карканье – нахохлившаяся мокрая ворона сидела недалеко и низко, на тонких, прогибающихся под ее весом ветвях. Хриплые птичьи крики звучали в ушах близкими взрывами, отдаваясь в мозгу гулко-болезненным эхом.

Вороны чуют падаль, подумал он, с трудом восстанавливая дыхание и не решаясь взглянуть туда, где плаха придавила больную ногу. Впрочем, там боли он не чувствовал. Но она, боль, никуда не делась, она притаилась под чурбаком, как свернувшаяся в клубок гадюка – и, когда Олег, сдвигая плаху, чуть пошевелил ногой – тут же запустила в нее ядовитые зубы. Но застонал он не от того, что почувствовал, а от того, что увидел, своротив плаху на сторону.

От вида согнутой под неестественным углом голени.

Нога была сломана.

Глава седьмая

1

Деточкин наклонился над чемоданчиком из лакированной фанеры, весьма напоминавшим те, с какими ходят по квартирам слесари-сантехники, разве чуть поновее...

– Сейчас... сейчас все сделаю... контакт барахлит... всю ночь паял... сами ведь говорили: быстрее, быстрее... Так ведь? Сейчас...

Он закончил копаться в нутре своего детища, закрыл крышку и подключил к разъему кабель, тянувшийся откуда-то издалека. Пятеро зрителей этой сцены стояли рядом молча, не комментируя и ни словом не попрекая за задержку.

Морозящий дождь притих, но порывы ветра срывали капли воды с деревьев, растущих во внутреннем дворике Вивария – и в одинаковых синтетических плащах с поднятыми капюшонами пятерка казалась вынырнувшей откуда-то из глубины веков – не то капитул мрачного древнего ордена, не то судьи-инквизиторы, собравшиеся на сожжение очередной ведьмы...

Шестой зритель, по сути, зрителем не был – скорчился косматым клубком в углу клетки, не касаясь покрытых серебром прутьев, – обманчиво-неподвижный и спокойный. Хотя и мина на боевом взводе тоже выглядит достаточно мирно... Пока не взорвется.

– Готово... Включаю!

Не произошло ничего.

– Сейчас, сейчас... частоту вручную надо подстраивать...

Тварь забеспокоилась: вскочила, затем присела на полусогнутых лапах, повела заросшей (глаз не видно) мордой из стороны в сторону... Деточкин продолжал колдовать над прибором. Тварь взвыла, покатила по полу клетки, коснулась прутьев, тут же отдернулась обратно – и замерла, распластавшись в неестественной позе, судорожно подергивая конечностями.

– Интересно... – пробасил Эскулап. Неторопливо подошел к клетке, поднял лежавшую рядом палку с железным наконечником и просунул между прутьями. Сейчас зверь должен был вскочить и броситься на прутья в безнадежной попытке достать врага. Не вскочил. Не бросился. Лежал и никак не реагировал на тычки Эскулапа.

– Сейчас, сейчас... Добавим мощность... Ведь надо с запасом, да? Ведь правильно?

Объект уже не дергался – всю тушу била крупная дрожь; из глотки вырывались слабые сильные звуки – гортань и связки, судя по всему, тоже оказались парализованы.

– Все! Можно теперь это... голыми руками... – Деточкин говорил с гордым видом Ньютона, схлопотавшего по макушке яблоком.

– Какой радиус действия? – спросил Капитан. Спросил внешне спокойно, но с внутренним ликованием: ну наконец-то наука выдала что-то стоящее.

– Сейчас проверим... По расчетам – метров двадцать... или тридцать... отойдем немного... надо будет накинуть – прутья слегка экранируют...

До клетки было метров восемь и Деточкин начал отступать назад, подбирая волоочащийся провод. Десять шагов, пятнадцать – дрожь перешла в подергивания. Отошел еще – тварь попыталась подняться и вновь рухнула. На восемнадцати с половиной метрах действие аппарата визуально уже не определялось.

– Все ясно. Заканчивайте. Пойдем под крышу – там все и обсудим. – Генерал, как всегда, казался спокоен и холоден, лишь несколько мрачнее обычного – никаких следов энтузиазма от увиденного. Утром к нему поступила очередная недельная сводка. С очередными жертвами...

Эскулап пытался возражать, говорил, что опыт надо продолжить, продолжить как минимум несколько дней, что любая поспешность преступна, что жизнь людей нельзя доверять не

проверенному аппарату... Генерал и сам все понимал, но лишних дней у него не было. Не было даже часов. И он повторил:

– Заканчивайте.

Капитан придвинулся к клетке, вынул из под полы плаща странную конструкцию, отдаленно напоминающую древний, довоенный американский пистолет-пулемет Томпсона – но подвешенный снизу громоздкий диск снаряжался охотничьими патронами редкого у нас десятого калибра.

...Картечь, понятно, использовалась специальная – полые серебряные шарики, заполненные ртутно-серебряной амальгамой – по пятьдесят разрывных мини-пуль в каждом заряде. Ядовитых для объекта пуль.

Капитан не промахнулся ни разу – всадил в упор все десять патронов. И все равно им пришлось стоять почти сорок минут, глядя как медленно и тяжело издыхает разбитая, разодранная, искромсанная картечью тварь – Генерал не отпустил никого. Такие демонстрации время от времени нужны – иначе здесь, внутри безопасной Лаборатории, смерть становится понятием отвлеченным и даже нестрашным (чужая, разумеется). Кое-кому полезно постоять вот так на свежем воздухе, пропитанном запахом сгоревшего пороха и свежей крови...

За решеткой издыхал последний живой *объект* Вивария. Теперь клетки населяли лишь невинные дворняги и морские свинки, кролики и белые мыши. Через час останки твари сгорят, и комиссия, о приезде которой предупредили Генерала (очень недоброжелательная комиссия), не обнаружит ничего криминального. Кроме специально подготовленных и оставленных на виду мелочей и не слишком подсудных злоупотреблений, – предназначенных спустить пар в свисток и направить рвение проверяющих в безопасную сторону...

Шли молча, даже герой дня Деточкин перестал распускать хвост павлином. Хотя, говоря по правде, аппарат не был его единоличной заслугой – существование частоты, воздействующей исключительно на мутировавшие мышцы, открыл покойный Доктор. Он же и предложил основные параметры сигнала...

– Когда будет серия? – спросил Генерал хмуро. – Хотя бы штук десять? И с автономным питанием, без проводов дурацких?

– Ну так... недолго... я-то из всякого барахла... чтоб быстрее... правильно ведь? Если из импортных деталей... Деньги нужны, – неожиданно твердо завершил Деточкин свой лепет.

– Деньги... С деньгами и дурак все купит. Ты попробуй без денег достань, – проворчал Генерал.

Деточкин, не раз слышавший такую присказку, понял, что Генерал, при всех их нынешних трудностях, деньги найдет.

На это – найдет.

2

Он пролежал без сознания долго, уже спускались ранние сумерки. Чуть не утопивший его сильный дождь, гораздо более обильный и долгий, чем в первый раз, успел пролиться и закончился, оставив в низинках глубокие лужи.

Но Олег не обращал внимания на воду вокруг, на стекающие под одеждой струйки, на непрерывный кашель.

Он смотрел на красное здание разрушенной сторожки.

Он понял, кто поставил капкан.

Тот, кто притаился там, в темном провале окна. Тот, чей немигающий и пристальный взгляд продолжал буравить Олега. Тот, кто спокойно выжидал, когда пойманная дичь потеряет последние силы...

«Гад... Ты выиграл, ты победил... что тебе еще надо?! Вот он я, подходи, бери...»

Олегу казалось, что он выкрикнул эти слова в направлении сторожки, но на самом деле его губы двигались беззвучно. А еще ему показалось, что там, в темноте, что-то шевельнулось – но только показалось...

И тут же он позабыл и про давящий взгляд и про вроде замеченное движение – на дорожке за кустами снова раздались голоса, снова шли люди.

Пожар, поджог и рюкзак, полный убийственных улик, не играли уже никакой роли, и Олег закричал с отчаянной надеждой:

– Эй!!! Помогите!!! – он хотел крикнуть, что это не шутка, что он не пьян, что у него сломана нога, но распухшее горло отказывалось повиноваться, вместо громкого крика раздавались слабые шипящие и свистящие звуки.

А люди приближались – смех, громкий спор о том, успеют или нет проскочить парк до очередной порции дождя.

Он торопливо выпутывался из лямок насквозь промокшего рюкзака – потревоженная нога ответила вспышкой боли; рванул клапан, выхватил «тозовку», откинул приклад и нажал на спуск. Не последовало ничего: ни выстрела, ни щелчка бойка, он давил и давил на неподвижный спусковой крючок... Наконец Олег сообразил, что ружье стоит на предохранителе, – и толкнул вперед скользящую под мокрым пальцем кнопку.

Невидимые прохожие тем временем миновали самую ближнюю к нему точку аллеи – голоса слышались глуше, медленно удаляясь.

Он вновь дернул спуск – щелчок... осечка? – нет, спустя короткую паузу из дула неохотно вырвался клуб дыма, выплюнутые пыжи и дробь рассыпались в трех шагах от Олега. Хлопок прозвучал слабее звука, с каким вылетает пробка из бутылки шампанского.

Патроны промокли, сразу понял он, но отчаянно передернул затвор и опять попытался выстрелить – и второй, и последний третий патрон не дали даже такого слабого эффекта – боек впустую бил по капсюлям.

Он ещё раз попытался крикнуть вслед слабеющим голосам, но никто не обратил внимания и не обернулся на бессильные звуки, похожие на поскуливание умирающего животного.

3

Руки дрожали, ходили ходуном, когда он разрезал камуфляжную штанину обломком охотничьего ножа.

Снятый с ружья ремень был захлестнут тугой петлей ниже колена – пережать, остановить поток крови. Отодвинув в сторону лохмотья штанов, он смотрел на опухшее, почерневшее место перелома.

Не мог начать задуманное – и уговаривал, убеждал сам себя: «...Больше по парку никто не пройдет... на ночь глядя и по глухому углу... патронов нет... еще одну ночь не выдержать... остается последний выход... Волчий выход... так попавшие в капкан серые разбойники отгрызут лапу – и уходят... хромые, но свободные...»

Обломок ножа, подрагивая, приблизился к почерневшей коже, скользнул по ней – оставив не разрез, даже не царапину – небольшую, не закровоточившую вмятинку...

Он стиснул зубы и нажал сильнее. Струйка черно-красной крови побежала вниз. Боль не ощущалась – но темнота, затаившаяся где-то на периферии зрения, рванулась к центру, застывая и судорожно стиснутый в руке нож, и сочащуюся кровью ранку; собралась, сгустилась – и поглотила все и вся.

Вид крови – до дурноты, до обморока – Олег не выносил с детства...

Глава восьмая

1

Когда стемнело, пошел обещанный синоптиками снег. Мокрые хлопья падали на ветви кустов и деревьев, на пожухлую траву, таяли в лужах. Таяли на запрокинутом лице Олега – он никак не реагировал. Его уже здесь не было.

2

Олег шел по цветущему, благоухающему тысячей пряных запахов берегу – зеленому берегу Кузьминки. Долина казалась громадной, откосы берегов уходили куда-то вдаль и вверх – их сплошь покрывало цветущее, не тронутое косой разнотравье. Огромные соцветия сияли неправдоподобно яркими красками, но не резали глаза, как не резало их жаркое, стоящее почти в зените летнее солнце. Бабочка – большая, с небывалым тропическим узором – бесшумно, почти нечувствительно села на его загорелое предплечье – и замерла, развернув во всей красе крылья. Олег ласково на нее дунул – лети, лети, мне надо спешить... Надо спешить – впереди, в нескольких шагах, шла Танька, та самая, первая его девушка, шла в босоножках, в простеньком ситцевом летнем платице и почему-то казалась слишком высокой; он должен был догнать ее, вроде неспешно шагающую, – и никак не мог... Ноги вязли в зеленом сплетении стеблей, он опустил глаза и увидел застиранные шорты, исцарапанные загорелые коленки и детские сандалики с вырезанными носками. Я опять маленький, подумал он без всякого удивления, но тут же понял, что все не так, на самом деле все иначе, что на самом деле он только что открыл простую и удивительную вещь, даже не открыл, а вспомнил истину, известную когда-то всем, и всеми же в свое время прочно позабытую: в детстве мы не растем – просто мир вокруг нас уменьшается... Теперь мир снова стал громадным и ярким, он звал и манил, надо было спешить, он догонит Таньку, она возьмет его за руку и за ближним поворотом покажется его дом – пахнущий свежим деревом и сосновой смолой, а не запустением и плесенью, не злым дымом пожарища... Там его любят, там его ждут, дядька отложит дымарь и радостно закричит: «Сынок приехал!», он всегда зовет племянника сынком, и пчелы будут басовито гудеть вокруг, когда Олег побежит вверх по косогору, поднырнув в лаз под кустами сирени... Слезы радости туманили глаза и он спешил, спешил через долину, которая никак не кончалась...

3

Ближе к полуночи крепчающий ветер разогнал, разорвал тучи, белесая полная луна покрыла землю кривыми, уродливыми черными тенями. Снег продолжал непонятно откуда падать – но не искрился под луной, как искрятся безумной красоты хороводы снежинок в морозном январском небе – падал наклонно и казался в лунном свете грязно-серым.

И тогда пришел тот, на кого был поставлен капкан.

Полуоторванный лист жести на окне сторожки не издал ни скрипа, ни скрежета, когда черная тень скользнула наружу и медленно, беззвучно двинулась вперед. Она, тень, будь у этой сцены зритель, казалась бы призрачно-бесплотной и в тоже время массивной и мощной. Над Олегом тень задержалась на мгновение – и исчезла, растаяла в ночи. Ее привлекали живые...

Снег падал и падал, цепь исчезла под ним, плаха постепенно превращалась в холмик снега. Снег еще таял на лице Олега – но все медленней, медленней, медленней...

4

Утром, впрочем, опять все растаяло – до зимы оставался ровно месяц.

5

– Объявилась конкурирующая фирма. «Отец Федор и сыновья», – с такими словами Капитан опустил на генеральский стол звякнувший металлом сверток.

– Что это? – Вопрос прозвучал неприязненно, Генерал не оценил шутку и не притронулся к свертку.

Капитан не смутился, разорвал бумагу, явив пред очи начальства увесистую стальную конструкцию.

– Что это? – еще более неприязненно повторил Генерал.

– Капкан. По характеристикам приблизительно соответствует фабричному N8 – тот применяется исключительно на медведей. А этот самодельный – так что может и не фирма, а конкурент-одиночка.

– Откуда? – Генерал наконец прикоснулся к капкану: осторожно, двумя пальцами, поднял над столом – дуги развалились пополам – на разломе виднелись следы газового резака.

– Кто-то поставил в кустах, вот тут, на пустоши... – Капитан показал на карте. – Последних медведей здесь, кстати, истребили при императрице Елизавете Петровне. Да и волков лет двадцать не встречалось... Кроме как на объекта, больше ни на кого такую штуку насторожить не могли. Стояла замаскированная, на малозаметной такой тропке. А наши как раз сегодня там на дневном прочесывании были... Ну Седой и наступил. Полтора часа снять не могли, пришлось подмогу вызывать и автогеном резать. Будем брать?

– Кого?

– Конкурента...

– Каким образом?

– Ну-у... должен же он, или они, проверять капканы... Поставим засаду, и...

– Так-так. Засада – это двое как минимум. Ночью обещают снегопад – значит, больше трех часов под открытым небом не выдержать. Нужна смена, нужна машина – отдохнуть, отогреться... У тебя так много людей и техники?

– Но ведь...

– Вопрос: подобный капкан удержит объект?

– Эскулап говорит – ненадолго. Или выдерет лапу с мясом, или сломает кость, перетрет мышцу и кожу – уйдет на трех и отрастит новую.

– Так в чем дело? У кого-то свои счеты со зверюшкой, логично? Сводит он их самым кустарным способом. Поймать он ее этим не поймает. И убить не убьет. Зато может серьезно поранить, лишит на день-другой подвижности. Нам только на руку.

– Не согласен, – стоял на своем Капитан. – А если все это маскировка? Если за объектом всерьез охотятся серьезные люди? Если его уведут у нас из-под носа? Что тогда?

Генерал помолчал и сказал предельно жестко:

– Ты не можешь взять его четыре с лишним месяца. Зная при том про объекты больше, чем кто-либо на свете. Если какие-то мифические серьезные люди в силах тебя обскакать – значит, пора тебе сдавать дела и попробовать устроиться на местечко поспокойнее. Сторожем в детском саду, например.

Капитан промолчал. При наличных силах и средствах большего не мог сделать никто. И оба это прекрасно знали.

– Впрочем, можешь выставить дежурство, если найдешь добровольцев. Вреда не будет. Пользы, я думаю, тоже.

– Почему?

– Потому что я родился в деревне и в капканах немного понимаю. Надолго такую штуку могут поставить в тайге, где месяцами никто не появляется. А где шляется много народу – ставят затемно и снимают на рассвете. А когда в капкан влетел Седой? Вот то-то... Похоже, охотничек не совсем понял, с чем имеет дело, и маленько не рассчитал силы... И отохотился... Навсегда.

– Жаль, если так. Рисковый был мужик, – Капитан забрал со стола капкан и подкинул его на ладони. – До сих пор всех жрали и никто ничего даже не попытался сделать... Я бы его в команду взял не раздумывая.

– Будет тебе команда. Грамотная и профессиональная. По первому снегу привлечем охотничество и егерей. Легенда уже запущена: волки под городом размножились до опасного для людей предела. Предстоит большая охота. Готовься.

– Всегда готов! – безрадостно отрапортовал Капитан. Отошел к окну и отдернул занавеску. Первый снег был легок на помине: падал и таял.

Ну что же, поохотимся...

Часть четвертая

Зима: сильное звено

Глава первая

1

Издалека его могли принять за мирного лыжника, за горожанина, решившего в выходной пообщаться в одиночку с природой. Отдохнуть. Прокатиться неподалеку от дома – не имея времени либо желания отправляться куда-нибудь в сторону красот Карельского перешейка.

Впрочем, вблизи он тоже мало чем отличался от любителя загородных лыжных прогулок: белый комбинезон с синтепоновым утеплением, белая же вязаная шапочка, лыжи не слишком дорогие и навороченные, но и не дешевка, кое-как выстроганная из кривой доски – нормальные прогулочные лыжи, достаточно широкие и длинные, чтобы уверенно катить по снежной целине безо всякой лыжни.

Но мирным горожанином он не был. По крайней мере в первой части этого определения.

Пожалуй, стороннего наблюдателя мог удивить маршрут лыжника – тот не искал удобных для спуска горок, которых хватало здесь, на склонах долины Славянки, не выбирал ровных чистых мест. Старался держаться поближе к неудобьям, к заросшим лошадкам, к кустарникам. И явно что-то высматривал.

Ночью прошел снегопад – на ровной белой пелене следов немного. Разных, оставленных мышами, птицами, зайцами... Вот здесь проскакал длинными прыжками горностай (или хорек?) – человек слабо разбирался в следах. А тут неспешно прошла собака...

Все посторонние отпечатки псевдоотдыхающего не интересовали. Он искал один-единственный след. Который не спутает ни с чьим. По которому пойдет до конца. Хотя ходить по этому следу смертельно опасно.

2

Нет, все-таки на редкость дурная привычка – встречать Новый год в самых разных экзотических местах. Сколько раз ведь Наташа зарекалась идти на поводу у Ирки – и опять наступала на те же грабли.

Ладно, в лесу отпраздновали неплохо, благо и зима, и компания оказались достаточно теплыми. Шашлыки, правда, не получились – сдуру установили мангал под высоченной елью – и огромный пласт подтаявшего снега похоронил шампуры с почти готовым блюдом...

Зато Саблинские пещеры Наташка без дрожи не вспоминала – там неожиданно выяснилось, что она страдает клаустрофобией. В достаточно легкой, к счастью, форме. А может, и какой другой фобией – связанной не с замкнутым пространством, а с многометровой толщей над головой. Хорошо хоть в метро и в подземных переходах это никак не проявлялось...

Но самый неприятный казус приключился ровно год назад. Тогда Ирка тоже соловьем разливалась: домик в деревне, камин, медвежья шкура, ели и сосны за окном... Ага. Добираться им пришлось своим ходом – и заплутали. Место пустынное, народ вечером тридцать первого объяснял дорогу крайне сбивчиво... В результате бутылку шампанского они раскупорили в гнусном подъезде поселковой многоэтажки, под звук курантов, доносившийся сквозь запертые двери.

Вот и сейчас – свеженькая идея. Миллениум в старинном замке. Ах, ах, ах! Руины, башни, стены, подвалы и казематы... Зарытые клады, фамильные проклятия и призраки в белых саванах. Средневековье. Романтика. Да откуда тут, под Питером, старинные замки? Ерунда какая-то... Так и надо было Ирке сказать: нет уж, дорогая подруга, давай ты как-нибудь сама в замке празднуй. А я уж нынче по старинке, в общаге, в нормальной комнате с телевизором...

Но в общежитии оставаться нельзя. Опять заявится Марат – уж в эту ночь точно... Пьяный, наглый, знающий всему и всем цену – в валюте, с точностью до десяти центов. Всем – и ей тоже. И опять придется... Нет уж, лучше в замок...

Там будет Генка... Два года не виделись. Конечно, все забыл... Да и что, собственно, забывать? Неясное предчувствие, что все у них может быть хорошо? Смешно...

Тут в комнату ворвалась Ирка. Она всегда – врывалась.

– Ну что, Натусик, ты готова? Нам пора...

– Готова, – обреченно сказала Наташа.

3

Он остановился. Воткнул в снег палки, стянул перчатки и провел рукой по разгоряченному лбу. Спешить некуда. Он нашел, что искал.

След.

Ровная, как по ниточке, цепочка пересекает долину. Характерный, до боли знакомый след – отпечатки четырех лап образуют нечто вроде буквы «У». И между такими «У» – пять-шесть метров чистого белого снега. Лихо шел. Налегке. Нажравшись, скачет гораздо тяжелее и медленнее...

Человек нагнулся, покрошил снег пальцами. Взглянул на часы. След ночной, причем середины ночи, до того как прихватил предутренний морозец. Таким аллюром до утра мог отмахать ого-го...

Достал из-за отворота куртки мобильник. Нажал кнопку и сказал одну короткую фразу: «Оса летит в улей». И тут же отключил. Рациями им пользоваться здесь, под городом, запрещено – слишком много любопытных ушей в эфире. Но если кто и сканирует телефонные переговоры, ничего им услышанная фраза не даст... Ему, впрочем, тоже. Помощи ждать не стоит.

Оса летит в улей... Пчела в улей больше не вернется. Шмель тоже. И другие не вернуться... А Овода очень хотят в улей вернуть, да вот неизвестно, где порхает. Смылся, плюнув на все: и на обещанные деньги, и на возможные последствия... На пистолет со своими отпечатками, оставшийся у Капитана после контрольных стрельб, – ничего не стоит обеспечить из того ствола пару свежих жмуриков, сохранив в целости отпечатки. Капитану это за просто... И Овода будут старательно ловить по всей стране, а то и по всему миру. Но Овод, похоже, счел такой вариант меньшим злом. После ноября – меньшим.

В конце ноября, по первому снегу, их тщательно отобранная и подготовленная группа вступила в схватку с *объектом*. Схватка оказалась недолгой – и группы больше нет. Почти нет...

Оса легко заскользил вдоль следа.

4

Ну хватит, подумал Игорь. Сегодня Ирка мне даст. Не отвертится. Довольно ей носить дурацкое прозвище Динамо. Сколько можно дурить парням головы... На дворе не девятнадцатый век, а она не тургеневская барышня. Хватит убивать время и деньги на странное какое-то общение, полудружеское, полу... не пойми что. Все. Сегодня.

Игорек накручивал сам себя. Но в глубине души прекрасно понимал, что и сегодня все будет как обычно. Опять ему ничего не отвалится. И не обломится.

Ирка, простая душа, обладала редким талантом: могла пойти куда угодно – в турпоход, на вечеринку, в сауну, наконец, – пойти с балдеющим от нее парнем и вернуться без малейшего для себя ущерба. Могла, в конце концов, припозднившись, переночевать у парня дома – совершенно целомудренно.

Что самое поразительное – отношения впоследствии у нее ни с кем не портились. Просто в этих отношениях с самого начала не бывало с ее стороны ни малейшего эротического подтекста. Ирке, личности весьма экспансивной, ничего не стоило броситься парню на шею, обнять, расцеловать – и при всем том остаться с ним на дружеской ноге, не более. А мужчин, способных, распалившись, в какой-то момент пустить в ход грубую силу, Ирка с удивительным чутьем избегала.

Игорь, потерявший с ней почти полгода, не раз говорил себе, что надо плюнуть и найти нормальную девицу, не страдающую инфантильной фригидностью. Самку. Телку. Не отягощенную излишними извилинами и ведущую здоровую половую жизнь. Полным-полно ведь таких рядом... Были же подходящие случаи, и некоторые блиц-знакомства на студенческих вечеринках в этом году заканчивались самым приятным образом, но... Но расстаться с Иркой он пока никак не решался.

Гена сидел рядом, на водительском месте, и не обращал на душевные терзания старого приятеля ни малейшего внимания. Молча курил в приспущенное окошко.

Генкин лимузин заставлял проходивших мимо общежития граждан замедлять шаги и оглядываться. Битый и мятый жизнью «запорожец», вместо бокового стекла фанерка. Пожеванный борт ЗАЗа-ветерана украшал намалеванный красным суриком рекламный призыв: «ПРОДАЕТСЯ! ДЕШЕВО! ОН ЕЗДИТ!!!» – кривые буквы зачеркнуты небрежным движением кисти, краской другого цвета. Сие чудо техники Генка приобрел аж за пятьсот рублей спустя две недели после возвращения из армии – то есть месяц назад.

Мода на похожие развалюхи распространилась не так давно среди молодежи, в основном среди небогатых студентов – никаких комплексов неполноценности за рулем зверь-машины Генка не испытывал. Не смущало его и отсутствие номеров и документов на «Антилопу-Гну» – не угнанная, понятное дело, кто на такую рухлядь польстится... Но многочисленные прежние владельцы резонно считали, что сумма налога на транспортное средство, техосмотр и переоформление увеличат стоимость раритета раза в три-четыре – и не утруждались излишними формальностями.

Что характерно, ГИБДД такой транспорт останавливала не так уж часто. Да оно и понятно. Прав у сидящего за рулем чаще всего нет, да и денег на штраф тоже, документы «забыл дома» – если что, плюнет на все и бросит навсегда свой металлолом, благо стоит копейки, возле гаишного поста – и что с ним прикажете делать? Себе дорожке связываться...

А в хозяйстве вещь полезная. Удобно покатить веселой компанией на лоно природы, или попросту двинуть на уик-энд в первопрестольную. На предсказания о том, что «запорожец» будет чиниться больше, чем ездить, Гена не обращал внимания. С детства был на короткой ноге с двигателями внутреннего сгорания, опять же отслужил механиком-водителем – и собственноручно перебранный движок работал как часы. За сегодняшнюю поездку не стоило волноваться.

Девчонки появились, когда вышедший из машины Игорь начал нервно притопывать ногой и нетерпеливо поскрипывать зубами.

– Привет, Игореша! – Ирка с налету чмокнула его в щеку. Обежала машину и проделала ту же операцию с открывшим дверцу Генкой:

– Привет, Генульчик! А это Наташа, ты ее едва ли помнишь... Когда тебя призывали, она не у нас училась, в параллельной группе.

Гена выбрался из «запорожца», посмотрел на чуть отставшую от стремительной Ирки высокую темноволосую девушку. Много других лиц мелькало вокруг два последних года – но ее он хорошо помнил. Хоть и не переписывались, ничего не обещали...

Он откинул вперед спинку сиденья, протянул ей руку и сказал просто:

– Привет! Если ты забыла – меня зовут Гена.

Она не забыла.

5

След тянулся по открытому месту недолго. Поднялся из долины Славянки и запетлял среди редких кустов, росших на протяженном пустыре.

Оса огляделся. Невдалеке громоздился серый бетонный забор какой-то фабрики, слева шумело шоссе. По опыту прошлых охот не похоже, что объект заляжет здесь на дневку. Вполне мог отмахать за ночь в таком темпе верст сорок-пятьдесят и по дороге пару раз подкрепиться. Тогда до ночи лежку никак не найти. А к вечеру синоптики обещали снег и все придется начинать сначала... Все так. Но Оса часто собирал в непрозрачные мешки из толстого пластика то, что осталось от пытавшихся просчитать поведение *этой* дичи.

Он снял и убрал перчатки – морозец не страшный, два-три градуса. Вынул из бокового кармана пистолет, дослал патрон, поставил на предохранитель и положил поудобнее, – чтобы выхватить за доли секунды. Пистолет, конечно, мало пригоден. Но здесь, под городом, всякая охота запрещена, – и у лыжника с длинномерным стволом за плечами немедленно начнутся выяснения отношений со всеми встречными стражами порядка...

Оса не постеснялся бы, конечно, завалить и присыпать снежком хоть егеря, хоть мента, но не видел смысла. Да и пистолет, даже со спецпулями, не главное оружие. Пистолет – поставить точку.

Он вытащил и повесил снаружи черный портативный ящичек. Миопарализатор. Мощность выкрутил на максимум. Жаль, включить сразу нельзя. Если объект не попадает в двадцатиметровую зону уверенного поражения, эффект обратный: пугается и уходит. Остается уповать на то, что времени нажать кнопку хватит. Должно хватить – днем зверюга все-таки не так молниеносна. Должно...

Поздно появились у них эти приборчики, слишком поздно. Теперь можно выходить на охоту в одиночку – но выходить почти некому. Будь у их группы месяц назад хотя бы небольшая партия парализаторов... Хотя бы один...

Оса недобро усмехнулся. Ну, был бы... И что? Завалили бы сразу и пришлось бы делить премию на всех. Оса не любил делиться. Пусть уж все достанется одному – и риск, и деньги.

6

Девчонки разместились сзади. Игорек всю дорогу просидел, обернувшись к ним. Гена уверенно рулил, «запорожец» бесшабашно тархтел по Киевскому шоссе, делая вид, что относится к тому же семейству, что и прочие «форды» с «мерседесами». Впрочем, машин на трассе было немного – мало кого тянет путешествовать за город тридцать первого декабря...

На джип с тонированными стеклами они не обратили внимания. Ни когда он обогнал их, ни спустя несколько минут, проезжая мимо той же машины, приткнувшейся у обочины невядалеке от поворота на Пушкин. Интересы у двух мужчин в униформе, сидевших во внедорожнике, их экстравагантное средство передвижения тоже не вызвало. Мало ли на чем рассекают граждане просторы своей необъятной страны...

Разговор шел сумбурный: говорили о сессии, бывшей в самом разгаре, о планах на каникулы, об общих институтских знакомых. Гена, для которого былая студенческая жизнь успела

стать чем-то далеким и малореальным, больше помалкивал. Тогда ему было двадцать. Сейчас – двадцать два, но минувшие два года стоят многих...

Генка молчал. На вопрос Ирки – собирается ли он восстанавливаться, ответил коротко и честно: сам пока не знаю.

Наташа спросила про замо́к.

– О-о-о, это древний замок... – протянул Игорек с таким гордым видом, будто своими руками воздвиг сию твердыню. Или, по меньшей мере, являлся ее наследственным владельцем.

– Откуда тут взяться замку? – искренне удивилась Наташка. – Тут ведь триста лет назад ничего не было – леса да болота...

– Вот в лесу, на берегу реки Славянки, замок и построили. В окрестностях нынешнего Павловска. Еще шведы, до Петра Первого. Так в народе и зовут: Шведский замок. Петр его разрушил, а Павел Первый восстановил и дал название «Крепость Бип». Современники, кстати, расшифровывали как «Бастион императора Павла»...

Игорь говорил как эрудит, не жалеющий о часах, проведенных в библиотечной пыли. Гена усмехнулся, не оборачиваясь. Сам он родился и вырос в Павловске, и окрестности его знал превосходно. Дружок же почерпнул всю информацию в туристском путеводителе – четыре дня назад, в гостях у Генки. Когда случайно в разговоре у них родилась шутливая идея: встретить тысячелетие в старых крепостных развалинах.

Все бы и кончилось разговорами – но назавтра Ирка с ходу подхватила несерьезную вроде мысль. И с обычной своей кипучей энергией реализовала. Точнее, подвигла на реализацию, – их.

Незабываемый будет Миллениум.

Глава вторая

1

Оса давно подозревал, что зверюшка, на охоту за которой подрядил его старый знакомец, не простая. Из-за сбежавшей от доцентов-кандидатов подопытной собаки такое сафари никто не станет устраивать, даже из-за самой что ни есть клонированной.

Нет, он не так наивен, чтобы верить в детскую сказочку. Не то что покойный Шершень – тому было все равно, кого убивать и ловить, лишь бы деньги платили. Вот и ловил, пока не рухнул в снег с перегрызенной глоткой. Оса куда предусмотрительней. По кусочку, по фрагменту, по крупинке собрал он эту историю. Неосторожно сказанные слова и понятные только своим намеки, случайно оставленные на столах документы, из которых Оса успевал ухватить абзац-другой... История проявилась крайне паскудная.

Лет шесть-семь назад в гомельских и брянских лесах появились очень неприятные и опасные звери. Мутанты – чернобыльская зона под боком. Ведущие происхождение не то от волков, не то от собак, не то от тех и других разом. Хищники, совершенно не боявшиеся человека. И считавшие его легкой добычей. Агрессивность, неутомимость, невиданная способность к регенерации и явные зачатки разума привлекли внимание военных – и наших, и белорусских. Несколько особей с трудом отловили, в глубокой тайне начались исследования – как приспособить для нужд обороны и нападения. И один уцелевший под скальпелями объект изучения умудрился сбежать, продолжив прежнюю хищную жизнь под самым боком северной столицы. Гибли и исчезали люди – пока что все получившие огласку случаи удавалось списать на волков и на бродячих собак. Уничтожить мутанта надлежало срочно и секретно, дабы не вызвать в прессе и в обществе новой антиармейской волны...

Оса, которого многие считали не то контуженным, не то отмороженным убийцей, ценящим свою жизнь в пятак, а чужую – в копейку, тем не менее инстинктом самосохранения обладал. Он вполне представлял, что обещанная награда может обернуться пулей в затылок в безлюдном тихом месте. И принял меры – свел в достаточно связный письменный рассказ все раздобытые обрывки, все подслушанные даты, фамилии, номера воинских частей и названия географических пунктов. Информация продублирована, и если Капитан вздумает выкинуть какой фортель...

Оса уверовал, что работает на армейскую науку. И не знал одного – вся собранная им история есть чистой воды легенда, разработанная специально для него и его коллег. В конторе (отнюдь не армейской), с которой он связался, неосторожные фразы ни у кого не вылетали. И документов на столах никто просто так не разбрасывал... Даже настоящий адрес Лаборатории Оса не смог бы назвать – дважды его привозили туда в кунге⁵ без окон, проезжавшем сразу в тесный внутренний дворик.

...След петлял среди кустов. Зверь шел медленно. Что-то выискивал? Расстояние между Y-образными отпечатками сократилось до полутора метров. Любого охотника-профессионала наверняка насторожило бы несоответствие: след никак не сочетался с версией о мутировавшем волке. Форма отпечатков казалась скорее характерной для зайца-переростка... Точнее, для любого существа, задние конечности которого значительно длиннее передних. Но Оса начал изучать ремесло следопыта всего пару месяцев назад.

След оборвался. Исчез. Последний чуть смазанный отпечаток у куста... и все. Больше ничего в пределах видимости нет. Рука Осы легла на кнопку парализатора. Он осторожно обогнул куст и остановился.

Снег под лыжами был красным.

Красным от крови.

2

Замок Бип разочаровал Наташу.

Сначала цветом – древний замок в ее представлении должен быть сложен если уж не из мрачно-черного камня, то по меньшей мере из зловеще-красного кирпича, потемневшего от времени. Но бастионы Шведской крепости оказались довольно-таки веселого желтого цвета – вовсе не загадочного и не романтического. Хотя издаലെка замок смотрелся весьма живописно. Желтые башни и стены стояли на крутом берегу реки, точнее сказать, на высоком полуострове, образованном слиянием Славянки и какого-то ее притока – и снизу, с противоположного берега, казались гораздо выше и внушительней.

– Красота! Ну что, пойдем? – нетерпеливо предложила Ирка. Добираться надо было по льду Славянки (широкой здесь, подпертой плотиной) и подниматься по весьма крутому береговому откосу.

– Не стоит, – ответил Гена. – С другой стороны, по мосту, можно подъехать почти до ворот. Просто отсюда самый красивый вид...

Игорек молчал, равнодушный к красотам ландшафтов и пейзажей. Черт с ней, с этой старой развалиной. Новое тысячелетие они здесь только встретят, но продолжат праздник рядом, у Генки. А тот остался нынче один в двухкомнатной квартире. И уж тут-то...

После короткой дискуссии постановили съездить сейчас в Бип на разведку, потом заняться последними приготовлениями у Гены – и вернуться в крепость поближе к полуночи.

⁵ Кунг (правильнее КУНГ) – кузов универсальный герметичный, зеленый армейский фургон на шасси грузовика. Служит для перевозки людей и грузов, монтажа мобильной аппаратуры и т. д. и т. п.

...Вблизи Шведский замок смотрелся не таким уж и веселым. Особенно изнутри. Игриво-желтая штукатурка, местами отвалившаяся, покрывала стены снаружи. Внутри они выглядели именно так, как представлялось по дороге Наташке: старинный красный кирпич – разрушенный временем и непогодой, выщербленный, почерневший.

Уцелевших перекрытий в крепости не осталось – поработали в минувшую войну не то наши, не то немецкие летчики. Однако груд кирпича от рухнувших потолков на полу первого этажа не было – как объяснил Генка, давным-давно все растащили по досочке, по кирпичику местные жители, восстанавливающие в послевоенные годы дотла сожженный Павловск.

...Замок не нуждался в фамильных призраках, грохочущих цепями. Он сам казался призраком – призраком веселой и солнечной желтой крепости, выстроенной на утеху великовозрастному цесаревичу Павлу. Большим суровым призраком, состоящим из множества призраков поменьше. Вот по внутренней стене башни извивается спираль одинаковых выемок – призрак винтовой лестницы.

Чьи шаги раздавались на сгинувших ступенях? Каблучки молоденьких фрейлин, спешащих на свидание к бравым офицерам-гвардейцам? Тяжелая поступь курносого императора-затворника?

Над зубцами башен развеваются невидимые призраки имперских штандартов. Мрачные стены тоскуют по шпалерам и гобеленам. Слепые провалы окон глядят на изменившийся мир с безмолвной злобой. Призраки помнят всё.

...Игорек продолжал демонстрировать эрудицию, дословно цитируя Генкин путеводитель:

– После убийства императора Павла замок вычеркнули из списков военного ведомства и пушки отсюда убрали. Вдова императора открыла здесь первое и единственное в России училище для глухонемых...

Наташа зримо представила старую крепость с еще целыми лестницами и перекрытиями, с застекленными стрельчатыми окнами. И полную людей. Безмолвных, неслышно, как тени, скользящих по залам и коридорам людей. Объясняющихся знаками. Ей стало жутковато.

Встречают же нормальные девушки Миллениум в нормальных местах, с тоской думает она. В клубах. На тусовках. На новогодних супердискотеках. Дома, в конце концов. А меня опять черт занес куда-то... Она поднимает голову, вместо крыши – серое низкое небо.

– Если к вечеру тучи растянет, под звездами тут будет красиво... – негромко, словно оправдываясь, говорит ей Гена. Наташка печально улыбается.

Игорь с Иркой прошли вперед, в длинную анфиладу комнат. Звонкий Иркин голос эхом отдается от стен:

– Сюда, смотрите, что я нашла!

Они догоняют. В полу неровный проем, под ним – темнота. Там, куда достает неяркий зимний свет, виден низкий сводчатый потолок, заиндевевшие кирпичные стены. Дальше – непроглядная чернота.

– Красота... – восхищается Ирка. – Каземат, настоящее подземелье... Исследуем?

– Без фонарей опасно, – остужает ее пыл Гена. – В двух шагах ничего не видно. Хочешь встретить третье тысячелетие в гипсе?

Но Ирку уже не удержать:

– Значит, договорились! С фонарями обязательно слазаем! Найдем что-нибудь интересное. Сундук с сокровищами. Или замурованный скелет. И, хе-хе, сфотографируемся с ним на память!

Наташа смотрит на провал. Изломанные края щерятся кирпичами, как огромный, искаженный воплем рот. Пасть. Тьма внутри притягивает. Заманивает. И отталкивает одновременно, хочется бежать и не оглядываться. Кажется, что в любой момент пол может вздыбиться,

превратиться в конвульсирующую воронку – и они покатаются к мерно клацающей зубами-кирпичами дыре.

Она делает резкий шаг назад, спотыкается, инстинктивно хватается Гену за руку. Вспоминает Саблинские пещеры и пригласившего их молодого любителя подземных игрищ – тот долго развлекал ее кошмарными байками про Черного Спелеолога. И про соединяющие залы пещер узкие щели-перелазы, иногда без всякой видимой причины давящие, расплющивающие людей... Стандартный набор для «чайников».

Страшилки, способные вызвать улыбку на поверхности и солнечным днем, – внизу, в каменном чреве, действовали безотказно. Когда жуткие рассказы достигли цели, когда стены и свод надвинулись, готовые стиснуть в смертельном объятии, а окружающая тьма проникла внутрь, к сердцу и мозгу, – тогда молодой пещерник обнял побледневшую, тяжело дышащую Наташку и банально попытался залезть в трусики. Пещеры – гигантский термостат, зимой и летом плюс пять градусов – и рука показалась холодной как лед. Рука трупа...

...Рука Гены теплая. Наташа сжимает ее и отступает еще дальше от провала.

Практичного Игорька подземелья не интересуют – он присматривает удобное местечко для встречи Миллениума. К нему присоединяются остальные, только Ирка все поглядывает на заинтриговавший ее провал.

Идею расположиться в восьмиугольной башне отвергает Наташа – стены давят, не хватает еще вновь испытать приступ клаустрофобии... Игорь проходит в следующее помещение – в обширный зал. Внешняя его стена наполовину разрушена. И разрушена самым живописным образом.

– Здесь и остановимся, отличное местечко! – Игорек останавливается у самой стенки.

Гена молча берет его за рукав и показывает на валяющиеся под ногами кирпичи. Они не присыпаны снегом... Поднимает руку – с гребня стены нависает глыба – огромный блок из сцементированных кирпичей. Держится на честном слове, вернее, на слегка подпирающем его конце железной балки. Очень ржавой балки. Место празднования без споров переносят в другой угол зала...

Когда они возвращаются к заждавшемуся «запорожцу», Наташа думает: что же было раньше в том подземелье? И сама себе отвечает: ничего хорошего.

Абсолютно ничего хорошего.

Ей не хочется сюда возвращаться.

3

Бедный Тузик... Но может и не Тузик, а самая натуральная Жучка, – надо быть Кювье, чтобы по немногим уцелевшим фрагментам определить пол растерзанной собачонки. Одно понятно: не породистая и не крупная. Картину быстротечной трагедии Оса представлял достаточно ясно, – ни схватки, ни погони не было. Зверюга, зайдя против ветра, одним шестиметровым прыжком перемахнула ивовую поросль, и вольная бродячая жизнь шавки на этом закончилась. А победитель подкрепился и продолжил свой неизвестно куда ведущий путь...

Оса мрачно смотрел на остатки кровавой трапезы. «Ничего, – успокаивал он себя, – сейчас, днем, зверь так не прыгает... не должен прыгать... не любит, гад, дневного света... выбрал где-нибудь укромное логово и лежит в полумраке, дожидаясь заката... там я его и возьму».

Вполне здравые рассуждения утешали слабо. Месяц назад «насекомые» уже охотились днем. И было их тогда гораздо больше...

Генерал выполнил свое обещание. Обеспечил информационную поддержку акции на «отлично». Не какие-нибудь бульварные листки – вполне солидные издания стали выдавать статью за статьей о нашествии волков на Питер. «Волки в городе?» – заголовки пока вопрошали, но тон писак и приводимые факты не оставляли сомнений, что вопросительный знак

легко и просто может смениться восклицательным. И никто из егерей и охотников-добровольцев, рекрутированных в помощь «насекомым», не удивлялся необычной затее.

Удивился Оса: на этот раз газетчики не соврали. Действительно, возле самого города на первой же облаве они уложили волчий выводок. На второй – перебили стаю одичавших собак, хищностью не уступающих волкам, а наглостью превосходящих. А на третьей обложили беглую зверюгу. *Объекта.*

И все сразу пошло не так. Флажки зверь проигнорировал, тут же нырнул под них. Но вместо того, чтобы уносить ноги, стремительно двинулся по внешнему краю оклада. Началась охота на охотников.

Засевшие на первых двух номерах «насекомые» не успели ни крикнуть, ни выстрелить – все их внимание было направлено внутрь круга облавы. А день, как на грех, выдался ветреный, – из-за шума верхушек сосен не слышать за спиной стремительных и мягких прыжков приближающейся смерти...

Третьим стоял Шершень – и успел в последнюю долю секунды нажать на спуск. Промазал, но привлек внимание четвертого номера. Тот был из привлеченных охотников-любителей, не слишком-то дисциплинированных, – и нарушил одно из главнейших правил облавной охоты: не сходить с места, пока все не закончится. Этот сошел. Может, оно бы и к лучшему, – успел выстрелить дуплетом в подмявшую Шершня черную тушу. И даже попал...

Но на свою беду, горе-охотник нарушил и еще один пункт полученной строжайшей инструкции: встав на номер, заменил выданные спецпатроны своими, собственноручно наби-тыми, «более надежными»... Пожалеть об этом он не успел.

Потом была погоня по кровавому следу. На трех «Буранах». Снегоход Осы и его напарника на морозе не завелся, и они бессильно матерились, глядя как исчезает вдаль более удачливая шестерка – вместе с нею исчезала надежда на долю призовых денег. Спустя пару часов их мнение о своем везении кардинально изменилось, – когда пришлось собирать у опрокинутых снегоходов то, что осталось от преследователей...

Зверь совершил маневр простой и беспроектный: заложив широкую петлю, вернулся к собственному следу – в узкой ложине, где «Бураны» неслись не развернутым фронтом, а один за другим. Передний снегоход выпрыгнувший зверь опрокинул вместе с седоками. Два других ни отвернуть, ни затормозить не успели – врезались на полном ходу. Куча мала, беспорядочная и недолгая пальба... Все закончилось быстро – три покореженных машины и шесть растерзанных тел.

Оса все равно жалел, что не довелось участвовать в той погоне. Слепо верил в свою удачу – и она пока не подводила...

4

– Ну и как тебе Генульчик? – спрашивает Ирка, лихо работая кухонным ножом. Вареная картошка быстро превращается в ингредиент для русского национального блюда – салата оливье.

Наташа молча пожимает плечами. Ирина и не ждет ответа. У нее бескрайний круг знакомств, и ее хобби – сводить между собой самых разных людей. Просто так, для интереса.

Наташа молчит. Гена другой, не тот бесшабашный паренек, что был два года назад. Стал спокойнее и выдержаннее. Но нравится ей по-прежнему. Особенно на фоне Игорька.

Невысокий, но крепкий, Игорь на полголовы ниже Наташи. И как-то так получается, что никогда не смотрит в глаза, влажный оценивающий взгляд всегда упирается в ее грудь. Она не ханжа, она считает себя вполне современной и раскованной, но... Затертое выражение «раздевает глазами» тут не подходит, липкий взгляд Игорька давно ее и раздел, и ошупал, а сейчас просто-напросто...

Она не говорит ничего.

Вдруг выясняется, что поручать парням закупки к праздничному столу – дело безнадежное. Выпивка в избытке, но половины продуктов не хватает. Они с Иркой вытирают руки и выходят в комнату. Ребята заняты делом: Гена копается в электронных потрохах портативного телевизора – есть идея взять его в замок, встретить Миллениум, как положено, под бой курантов. Игорек помогает ему советами и параллельно смотрит по большому экрану «Иронию судьбы».

Короткий спор: кому идти в магазин. Игорек отговаривается незнанием здешних торговых точек, у Гены проблемы с «Электроникой», у Наташи пирог в духовке. Список и деньги берет Ирка, идет в прихожую. Игорь спешит за ней – он у них рыцарь, а на праздничных улицах столько пьяных... От двери оборачивается и похотливо подмигивает Генке. Наташа готова расцарапать ему физиономию. Уходят.

...Духовка пышет жаром, Наташа ловко выхватывает пирог и выкладывает на широкую кухонную доску – остужать. Простенький, из привезенного с собой слоеного теста, но вроде удался. Больше на кухне до возвращения посланных в магазин делать нечего, она выходит в комнату. Генка склонился над телевизором, в руке паяльник, лицо сосредоточенное. Поднял голову, улыбнулся:

– Что-то жутко вкусное там у тебя получилось... Я тоже сейчас заканчиваю...

Заканчиваю, и?.. Наташка чувствует, что лицо у нее красное. От духовки, конечно, это от духовки, но... Она отворачивается к застекленному шкафу, смотрит корешки книг. Мама всегда учила: хочешь лучше узнать человека, посмотри, что он читает. Хотя в наше время в таких шкафах чаще хранят видеокассеты...

Книги Наташе нравятся. Корешки потрепанны – стоят не для интерьера. Здесь же, за стеклом, две фотографии. Молодой парень в парадной форме, угол перечеркнут траурной ленточкой. На другой: кучка ребят на фоне танка – низкого, приплюснутого, обвешанного непонятными ей прямоугольными штуками. Крайний слева – Генка. Улыбается немного грустно, в руках танкистский шлем, короткие светлые волосы взъерошены. На дальнем плане тоже какая-то боевая машина, она в них не разбирается, – искореженная, опрокинутая, обгоревшая. И фоном – горы.

Он побывал *там*? – Наташка удивляется. Встретился ей не так давно один... герой чеченской кампании. В поезде, в плацкартном вагоне – возвращалась от родителей. Парень в камуфляже и лихо заломленном десантном берете, – всю дорогу пьяный. Кураж и бахвальство мешались в нем с лютой злобой ко всем окружающим – пославшим его рисковать жизнью и терять товарищей, а теперь, после геройского возвращения, не желающим принять его право на... Право на что он столь рьяно отстаивал, Наташа так и не поняла. Право на беспробудную пьянку? Или на рукосуйное приставание ко всем встречным девушкам, обязанным приласкать героя? Или право полезть драться со старичком-ветераном, намекнувшим, что пришедшие с великой войны вели себя скромнее? Разбушевавшегося вояку сняла с поезда милиция, а мрачное впечатление осталось... Герой-самозванец? Тыловая крыса, не нюхавшая пороху? А может и нет, на войне, как и в жизни, всякие люди встречаются...

Но вот Гена... Ведь если бы не случайный взгляд на фото...

...Маленький телевизор издает шипение и вдруг начинает петь голосом Милен Фармер. Наташа оборачивается. Картинка на экране вполне приличная, довольный Генка прикручивает панель на место.

Она показывает на снимок и спрашивает уже вслух:

– Ты был *там*?

Он подходит, смотрит на фотографию. Лицо мрачное. Отвечает коротко и глухо:

– Да.

Она понимает, что он ничего не хочет вспоминать. Что рассказа о подвигах и геройствах она не услышит. Она ничего не спрашивает. И, неожиданно для себя, кладет руки ему на плечи.

Серые глаза совсем близко, Фармер что-то поет о любви и одиночестве.

Нельзя так сразу... – пытается подумать Наташка. И опускает веки...

...Губы прильнули к губам. Руки скользят под тонким свитером. Удивительно нежные руки. Удивительно терпеливые. Как будто им и не пришлось два года ласкать убийственное железо там, где есть женщины-снайперы и женщины-беженки, – и нет просто женщин...

В голове – обрывки мыслей: что он подумает?... так вот, в первый день... сейчас Ирка вернется... надо прекратить... как хорошо...

Потом мыслей не остается, она опускается на диван и увлекает его за собой.

Он не спешит и не торопит, он предоставляет все решить – ей. Но она все уже решила.

Глава третья

1

Судя по отпечаткам, зверь вновь пошел широкими скачками. Оса тоскливо глянул на обложенное низкими тучами небо. Опускающееся солнце нашло в них невеликий разрыв и заискрившийся снег делал пейзаж идиллическим и мирным. До заката недолго. И шансов дойти до конца следа мало. Вертолет, ох как нужен вертолет...

Тогда, в Ломоносовском районе, после неожиданного разгрома ядра группы, вертолет им ненадолго дали – потрепанный эмчээсовский Ми-8. Но стреляная зверюга стала на редкость осторожна. Охотилась в снегопадные ночи – к утру след заносило, и с воздуха его было не разглядеть. Облавы, вслепую проведенные неподалеку от мест очередных нападений, позволили изрядно почистить район от волков и волкособак, – и только.

А потом погода выкинула привычный в последние зимы фортель: от резкого потепления сошел снег и охота по следу закончилась... Охотники-добровольцы радостно пересчитали шкуры добытых волков и отправились за премиями, считая дело законченным, – нападения на людей и скот действительно прекратились, объект откочевал в неизвестном направлении. Группа Капитана считала только своих убитых...

Снег выпал в предновогоднюю неделю. И жалкие остатки группы опять вышли на охоту. Вспомогательных сил во второй раз привлечь не удалось, людей для целенаправленного поиска на огромной территории не хватало. И всем желающим предложили поработать в одиночку – наука расстаралась и выдала на гора прибор, вроде как обеспечивающий полную безопасность. Парализующий исключительно мутировавшие мышцы. Премия, и без того немалая, увеличилась вдвое.

Оса подумал – и согласился испытать свой фарт. А вот Овод поразмыслил, поразмыслил – да и двинулся в бега. Неизвестно, чем там для него все закончится, а Осе, как и обычно, повезло. Первым след неуловимого зверя нашел именно он...

Пошел снег. Неважно, до темноты след занести не успеет. Надо спешить. Шанс еще есть.

2

Вернувшись, Ирка смотрит на ее счастливое лицо и сразу все понимает. Радует – она любит сказки с хорошим финалом. Игорек глядит мрачно и проходит на кухню, выкладывает продукты из сумки.

– Извините, задержались... – говорит Ирина с хитрым видом. – Везде такие очереди...

Никто ее не попрекает.

За окном темнеет, Миллениум близко.

Наверное, улыбка получается глуповатая, но Наташа не может сдержать ее. Впереди – целое тысячелетие.

Новое тысячелетие.

Их тысячелетие.

3

Незаметно, тихой волчьей поступью, подкрались сумерки. След нырнул в глухую, заросшую ольхой и кустарником ложину. Мрачное местечко. Весной, надо понимать, здесь скатывались к Славянке талые воды – и промыли за долгие годы небольшой, с крутыми берегами, овраг.

Оса остановился на краю склона. Последний шанс взять сегодня зверя. Если, конечно, он залег именно здесь. Место вроде подходящее: прямой солнечный свет в овраг не попадает, и лежат упавшие, подмытые весенними паводками деревья – такие места зверюга как раз и предпочитает для лежек... Но гарантии никакой.

Он вытащил мобильник, помедлил. Сигнал «Оса летит в улей», поданный утром, к немедленным действиям никого не обязывал. Означал: появилась зацепка, реальная возможность выйти на объект. Группа поддержки должна быть наготове. Небольшая – человека два, много три, больше людей нет. Дать сигнал на выезд? Но никто не сказал, что искомая дичь наверняка тут. А пока доберутся, стемнеет. Тропить в темноте вставшего с лежки, отдохнувшего и оголодавшего за день мутанта безнадёжное занятие. Да и делить премиальные на одного проще, чем на троих.

Попробовать взять в одиночку?

Оса замер в раздумье. Страха он не испытывал, вполне уверенный в парализаторе, сам видел, как корчился в клетке зверь – близнец здешнего. И в быстроте своей реакции сомнений не было. Дома у него лежал большой серебряный крест – таким награждали казаки-добровольцы в Сербской Краине своих отличившихся товарищей. Оса заслужил его, нырнув в неосмотрительно открытый люк хорватского бэтэра. Один. Вооруженный единственно ножом. «Кондор» захватили целым и невредимым, и новенькая немецкая машина им бы не помешала, но... Бронетранспортер сожгли, никто не захотел отчищать то, что осталось от сидевших внутри шестерых усташей.

Он убрал телефон, одним движением сбросил лыжи. Аккуратно воткнул в снег палки. Снял с груди парализатор, сжал в левой руке – палец на кнопке. В правую взял снятый с предохранителя пистолет. И шагнул вперед.

Скопившийся на склоне снег скатился мини-лавиной. Оса скатился вместе с ним. Пробежал несколько шагов по инерции, остановился. Снизу овраг казался еще мрачнее – прямо декорация киноужастика. Добро пожаловать во владения мутанта-хищника...

След исчезал в кустарнике. Оса медленно, очень медленно зашагал туда. Негромкий звук слева – резко обернулся, чуть не всадил серебряную пулю в дерево, сбросившее снежную шапку. Ноздри раздувались. Кровь вскипала адреналином. Рот приоткрылся не то в усмешке, не то в оскале. К черту премию! К черту опять обгадившуюся науку с ее интересами! Сейчас два хищника выяснят, кто сильнее.

Пистолет на уровне плеча, дуло приподнято. Зверь прыгнет, зверь обязательно прыгнет высоким многометровым прыжком – он всегда нападает так. И Оса встретит его пулей и нажатием кнопки.

Зверь не прыгнул. Сугроб в трех шагах от Осы разлетелся во все стороны снежными комьями. Косматая тварь присела на задние лапы совсем рядом. Неподвижно. Не атаковала. Сидела и смотрела. Глаза поблескивали сквозь густую шерсть.

Оса замер в секундном оцепенении. Он был готов среагировать на стремительный волчий бросок, и... Это не волк! И не собака, пусть хоть трижды мутировавшая. Это ведь...

Трудно сказать, что случилось раньше: нажал ли палец на спуск, или распрямились задние лапы твари. Оса промахнулся. Зверь – нет.

Стелющийся прыжок – выстрел – Оса опрокинут – пуля выхватывает клочок шерсти с холки зверя. Излучение добирается до мутировавших протофибрилл⁶ и скручивает их в тугие спирали боли. Но чуть раньше клыки оборотня добираются до горла Осы.

Человек умирает.

Медленно.

Видит, как рядом корчится зверь.

Лапы разбрасывают снег.

Пальцы тянутся к отлетевшему пистолету.

И не достают.

4

Реакция не подвела Осу – парализатор он включил раньше прыжка зверя. Подвело незнание некоторых особенностей конструкции прибора. Тот включался через трехсекундную цепь задержки. Самый вероятный результат такой паузы – убитый охотник и парализованный зверь. Просто и экономно. Информация о странной дичи никуда не просочится и премиальные деньги останутся в кассе.

Кроме того, одновременно включался вмонтированный в корпус радиомаяк. На тот случай, если неожиданно уцелевший охотник затеет сыграть какую-то свою игру...

РЭБовцы⁷, как и многие другие, использовались в операции втемную. Но исправно выдали треугольник ошибок. Джип с тонированными стеклами, стоявший у обочины Киевского шоссе, рванул с места.

5

Темнота. Отблеск далеких фонарей едва освещает лед, покрытый ровным белым снегом. Настоящей, первозданной тьмы здесь, в окрестностях огромного города, не найти. По снегу скользит тень. Зверь уходит. Зверь, когда-то бывший человеком. Забывший всё. Уходит по льду реки от лощины, чуть не ставшей смертельной ловушкой. Сегодня ему не до охоты. Сегодня не его ночь.

Мышцы не отошли от убийственного излучения. От заливка, оттуда, где шкуры коснулась серебряная пуля, расходится волнами болезненное жжение. Зверь не боится боли. Но сейчас ему нужно одно – найти берлогу, нору, укрытие. Отлежаться, прийти в себя. А еще ему нужно мясо, живое мясо, много мяса – чудовищные мышцы пожирают чудовищное количество энергии. Но это не сейчас. Это следующей ночью.

Тень замедляет бег. Впереди, достаточно далеко – освещенные улицы городка, шум машин. Зверь останавливается, открывает и закрывает огромную пасть. Туда он не пойдет. Слева – тишина и темнота. Зверь поворачивает и взбирается по высокому крутому склону тяжелыми прыжками. Тяжелыми – для него. Любой сторонний наблюдатель был бы поражен быстротой и легкостью. Но сторонних наблюдателей, на их счастье, нет.

⁶ Протофибриллы – сократимые белковые волокна мышц.

⁷ РЭБовцы – специалисты радиоэлектронной борьбы. Треугольник ошибок (сильно упрощая) – приблизительное расположение на местности пеленгумаго передатчика.

6

Нападения они не боялись. Миопарализатор на груди Руслана излучал постоянно. В корпусе их прибора радиомаяка не было – и Седой работал с портативным пеленгатором без помех.

Шли молча, проваливаясь в свежий рыхлый снег. Стемнело и Руслан подсвечивал дорогу фонарем, укрепленным над стволом укороченного дробовика-автомата.

От машины пришлось пройти метров пятьсот, не больше. Пеленг шел все сильнее, и на краю крутого склона Седой уверенно показал вниз: здесь. Руслан осветил. Пятно света судорожно металось среди сплетения кустов и деревьев. Ничего. Ничего и никого не видно. Надо спускаться...

Руслан зябко поежился, морозец после тепла машины начал чувствительно пощипывать сквозь тонкий камуфляж. Ему не верилось, что все закончилось. Что им предстоит самое простое и легкое – спуститься вниз и добить парализованную тварь. Слишком многими трупами отмечен их путь, чтобы все завершилось так буднично. У страшных сказок не бывает хороших концов и Руслан не расслаблялся, готовый к любому повороту событий.

– Спускайся, – скомандовал он Седому. – Я подсвечу и прикрою.

Седой с сомнением глянул вниз. Достал пистолет. Начал спускаться.

...Окровавленный снег. Окровавленное тело в окровавленном комбинезоне. Оса. Впервые они видят последствия не законченной атаки оборотня. Единственный укус, вскрывший яремную вену. Красный светодиод на панели парализатора издевательски подмигивает. Чуть поодаль торчит из снега пистолет – мертвая рука тянется к нему. И не дотягивается.

Нет самого главного. Нет неподвижной, судорожно подергивающейся косматой туши. Неподалеку от трупа снег разрыт до земли, разбросан в стороны. словно тут кабаны пытались добыть желуди из-под сугробов. Взрытая полоса тянется в сторону по дну лощины. Подсвечивая двумя фонарями, они идут по странному следу – готовые ко всему. Десять шагов, двадцать – здесь зверь недавно попытался встать на лапы, упал и забился, – но все равно, ползя и перекатываясь, неуклонно удалялся от источника излучения.

Им уже все понятно, и, когда еще дальше отпечатки неуверенных шагов сменяются широкими прыжками, уходящими вверх по склону, они не удивляются. Молча поворачивают обратно. Новогоднего подарка Генералу не будет. Игра, казавшаяся беспроегрышной, не удалась. Живец мертв, а хищник ушел невредимым – пятен крови на следе нет.

Первый блин комом, думает Руслан, придется увеличивать мощность парализатора – тварь куда устойчивее к излучению, чем ее живущие в клетках собратья. Но это уже забота Деточкина. Руслана волнует другое – кто станет работать с новой моделью аппарата. Оса хоть нажал кнопку... Два дня назад Москит не успел и этого – рухнул в снег после внезапной атаки сзади. Осе, понятное дело, про гибель коллеги ничего не сказали. И про то, что он последний – тоже. Ирония судьбы – первым завербовался и последним погиб. Из набранной Капитаном группы «насекомых» не уцелел никто. Чисто, как после дихлофоса...

Капитан тоже исчез, как в воду канул. Генерал информировал скупой: на задании. Понятно. Руслан хорошо знает, какие задания тот обычно выполняет... Похоже, кто-то и где-то проявил интерес к их затянувшейся на полгода возне. И потребовалась зачистка концов. Все бы хорошо, но в результате сегодняшней стычки осталось всего два *посвященных* оперативника: он сам и Седой... Пацаны из пополнения ни в счет, как продолжать охоту – неизвестно.

Они возвращаются. Окровавленный снег в свете фонарей кажется черным. Руслан подбирает пистолет, Седой достает сложенный мешок с застежкой-молнией. Молча, буднично, без эмоций, пакует тело. Кровавое пятно оставляют без внимания – с неба сыплет все гуще, к

утру занесет. Тащить груз вверх по склону неудобно, но им не привыкать. Ремесло сборщиков трупов освоено в совершенстве...

Молчание – тяжелое, неприятное. Опасное, как граната с вынутой чекой. Нарушает его Седой – после того, как они загрузили мешок в заднюю дверь внедорожника. Начинает сноружу, не садясь в машину:

– Тебе это не надоело?

Руслан мгновенно насторожился:

– Что: это?

– Всё это. Жмурики бесконечные... Как дрова ведь уже возим, привыкли... Ко всему привыкли: объект жрет, кого встретит; мы его ловим, теряем людей и след; придумываем что-то новенькое, снова ловим... И никакой ведь суеты, как весной было... Все по плану, все по графику. График облав, график прочесываний. План по сожранным... Ты понимаешь? Мы привыкли! Это уже не ЧП, это уже рутина. «Насекомых» нет, кончились «насекомые»... Что дальше? Набираем новых – и опять по кругу? Нельзя долго дергать смерть за усы. Один раз ошибемся и... Или засветимся так, что никто не отмажет.

Вот оно что. Седой решил соскочить. Или провоцирует? Проверить недолго. Если говорит по заданию – непременно сейчас пойдет дальше. Сделает предложение, не отреагировать на которое нельзя – так или иначе.

– Есть другие варианты? – холодно спрашивает Руслан.

Но Седой осторожен.

– Думать надо о вариантах. Вместе думать...

– Хорошо, подумаем, – легко соглашается Руслан и садится в машину. Ему тоскливо. Только что он остался один. Совсем один. У Седого с этой минуты никаких вариантов нет.

– Поехали, – говорит Руслан живому трупу и вскрывает пачку сигарет.

Надо спешить. Миллениум на подходе.

Глава четвертая

1

Гена не ошибся. За час до полуночи снегопад прекратился, ветер разогнал тучи. Когда «запорожец», светя единственной фарой, подкатил к Шведскому замку, ночь напоминала декорацию к рождественской сказке – луна в россыпях подернутых легкой дымкой звезд.

Фонари разрывали мрак четырьмя лучами – он отступал, сгущался у стен, в углах и нишах.

Они неуверенно стояли в самом начале анфилады, ведущей к облюбованному залу и почему-то не решались пройти дальше. Вроде бы ничего тревожного – длинный ряд тускло-одинаковых пятен лунного света, падающего из оконных проемов, перемежался с густыми полосами тени – но было в их правильной и мрачной последовательности что-то такое... Не хотелось пересекать эти белесые пятна и уж совсем не хотелось входить в эту угольно-черную тень.

– Незачем тут плутать в темноте, – вполголоса сказал Гена. – Пошли вдоль наружной стены, там есть пролом – через него в зал и пролезем.

Заплутать в крепости было трудно, но они тут же с облегчением согласились. Даже у Ирки при виде ночного замка поубавилось романтического энтузиазма, а Наташа хоть сейчас была готова развернуться и отправиться обратно к Генке – по ее мнению, Миллениум можно прекрасно встретить и там...

... Знакомый зал выглядел не так зловеще – луна гораздо лучше освещала его обширное пространство, чем анфиладу тесных комнат. Когда добавился свет укрепленных в нишах и выемках фонарей, а из включенного телевизора понеслись бодрые припевки – тревога и неуверенность ушли, отступили за стены, забились в дальние углы казематов и затаились между зубцов башен. Но не исчезли...

Парни разворачивали в дальнем углу целую батарею китайских боеприпасов – ракеты, петарды, римские свечи. Девчонки накрывали импровизированный стол. Ирка вслух удивлялась: почему они здесь одни? Почему никто другой не пришел встретить новое тысячелетие в таком экзотичном местечке? Даже в Саблинских пещерах, уже уходя, они наткнулись на две компании, выбиравшиеся из дальних залов – тоже праздновали. Но аборигенам Павловска чужда романтика...

Наташа не отвечала, она не могла отделаться от прилипчивого наваждения – в замке они не одни. Совсем не одни. Подошедший Игорь словно прочитал ее мысли. Может, действительно прочитал – по встревоженному взгляду и побледневшему лицу. Хотя в смешанном свете луны и фонарей мертвенно-бледные лица были у всех.

– Знаете, как использовали при императоре Павле здешнее подземелье? – начал Игорек самым зловещим тоном. – Туда временами запирали юных проштрафившихся камер-пажей. На ночь. И однажды...

Он выдержал паузу. Прозвучала она гнетуще, но на самом деле Игорь просто не успел придумать окончание импровизированной пугалки.

– И однажды дежурный по крепости офицер забыл сказать сменщику, что в каземате сидят трое парнишек. Вспомнили только через два дня. Открыли дверь и... никого не нашли. Исчезли пажи, как в воздухе растаяли. Но с тех пор по ночам, в полнолуние...

Он замолчал. В Наташке закипала злость – нашел место и время для idiotских страшилок.

– Вот оно! Слушайте! – Игорь поднял руку.

Они вслушались. Ветер? Зимний ветер свистит в зубцах башен? Наташа передернулась. Не бывает такого ветра – негромкое завывание становится все жалобнее, звучит детским плачем, переливистым рыданием. И внезапно смолкает. Они молчали, затаив дыхание. А сверху снова поплыл стон невинно загубленных душ...

Закончивший с пиротехникой Генка грубо испортил Игорьку развлечение:

– Кончай сеять панику! Какие, к черту, замурованные пажи?! Обычные пивные бутылки с отбитыми донцами. А внутри кусок тонкой резины одним концом приклеен. От ветра подывает замечательно. Мы сами пацанами те пугалки и ставили – лазали на башню и закрепляли в трещинах. Некоторые уцелели.

Он задрал голову, оценил высоту башни, будто впервые ее видел, и покачал головой:

– И как шеи-то не поломали? А то еще порой с банкой краски и кистью лазали – намазывать имя подружки. Кто выше напишет – у того, значит, и любовь крепче. Сейчас смешно...

Наташа, как днем у провала, взяла его за руку. И сразу успокоилась. Почти успокоилась...

2

Шампанское шипит в пластиковых стаканах. На крохотном экране крохотный президент обращается к своей огромной стране. Куранты. Генка, быстро выпив, отбегает к стене и проводит огоньком зажигалки по запальным фитилям. Грохот, огненные цветы в небе. Замок и его гости с каждой вспышкой окрашиваются в новый цвет. Красный. Желтый. Синий. Зеленый. Красный. Опять красный.

Красные стены.

Красный снег.

Красный отблеск глаз.

Ирка подпрыгивает и кричит, размахивая руками: «Миллениу-у-у-м!!!» Эхо вторит. Игорь торопливо разливает по второй. Генка смотрит в глаза Наташки и говорит, негромко и слегка удивленно: «Миллениум...» Она улыбается.

3

Огромная квартира – высокие потолки, гулкие комнаты. За столом женщина. Катя Колыванова. Она одна. Черное вечернее платье, макияж – но она никуда не идет. И никто не пришел к ней. На ее лице не совсем естественное спокойствие. Перед ней – бутылка шампанского и две фотографии. Улыбающийся мальчик лет десяти-одиннадцати в черной рамке. Мужчина с волевым лицом, с поперечной морщинкой на лбу – вокруг его снимка никакой рамки нет.

Телевизор выключен, кремлевских курантов она не слышит. Вместо них – зловещий бой старинных часов в углу. Двенадцать ударов. За окном крики, разноцветные ракеты чертят небо.

Катя наливает шампанское. В три бокала. Рука не дрожит.

4

Капитан встречает Миллениум в семейном кругу. Хотя теперь он не Капитан – появилась семья, другая работа. Другая фамилия. Новая служба много времени не отнимает. А увлечение у него одно. Пржнее.

У них с женой гостя, женщина с короткой стрижкой. Примерно его возраста – и лет на шесть-семь старше жены. Празднично накрытый стол. Женщины оживленно общаются – он расслабился в кресле и не прислушивается к разговору. На вид не прислушивается. Улыбается благодушно. Без оружия и униформы вид у Капитана самый мирный, но глаза те же – холодные и цепкие глаза убийцы. Но к его взгляду не присматриваются.

5

Тьма. Холод. Зверь лежит неподвижно, любое напряжение мышц отдается болью. Он нашел убежище и пробудет здесь до следующей ночи. О том, что сегодняшняя разделяет тысячелетия, зверь не знает. Он вообще давно ничего не знает, кроме самых простых вещей: голода, еще раз голода и дикого голода. Умеет он тоже немного: убивать и не быть убитым. Жизнь его проста и по-своему гармонична. Зверь счастлив.

Непонятные звуки снаружи. Он поднимает голову. Громадная пасть приоткрывается.

6

Офицерское общежитие. Веселые голоса, выстрелы шампанского, девичий смех, разудалая песня под гитару. Сегодня можно все, сегодня комендант отдыхает. Миллениум! Руслан попал сюда сразу после операции – с корабля на бал. В той же униформе, на правом рукаве – кровавое пятно. Никто не удивляется – и не такое видали.

Недавно вернувшиеся ребята говорят о перестрелках и зачистках. Руслан молчалив, о его войне никому не расскажешь. Много пьет и присматривает себе девушку – их сегодня здесь много. Руслану хочется забыть обо всем. Хотя бы на эту ночь.

7

Старик в Тосно, встречает Миллениум с дочерью и зятем. Окружен заботой, отдающей легкой фальшью. Стол ломится от бутылок и закусок. Старику пить нельзя – слегка пригубливает шампанское. Чтобы новое тысячелетие было лучше минувшего. Хочется верить и он готов поверить. Поверить, что его мрачная эпопея закончилась сама собой – больше месяца на снегу нет знакомых следов, и не слышится в темноте проклятый вой.

Он вспоминает серую июньскую ночь, лапы с острыми когтями, вцепившиеся в край настила... Вспоминает убитого зверя – поднимающегося и уходящего. И не верит ничему.

8

Зал сверкает – люстры, хрусталь, звезды на груди и звезды на погонах. Мундиры. Вечерние платья – на дамах неопределимого возраста. Бомонд, военный бомонд. И не совсем военный.

Генерал мрачен. Вспоминает сегодняшний разговор, весьма неприятный. Открытым текстом ему дали понять, что игра чересчур затянулась. Груда ставок растет, а выигрыша нет и нет. Не пойманного объекта попреки не касались – мелочь, недостойная внимания небожителей. Десяток-другой трупов – невелика важность, от паленой водки гибнет больше...

Нет результатов, давно обещанных, – тех, которые можно превратить в миллионы и миллиарды. Перспективы и сроки отодвигаются, как мираж в пустыне. Это – самое главное и самое гнусное. На косматого хозяина ночи людям, прикрывающим спину Генералу, по большому счету наплевать. Не вышло в этом тысячелетии – закончат в следующем. Время есть.

Глава пятая

1

Они вдвоем.

Бутылка опустела, вторая тоже. Следы пиршества сложены в пакет. В зале стало темнее – Ирка с Игорем прихватили два фонаря и отправились-таки на подземную экскурсию.

Она делает шаг к нему, ей хочется сказать многое. Что она не такая, как он мог подумать... Что у нее нет и никогда не было привычки через три часа после возобновления знакомства ложиться под первого встречного парня... Что он не первый встречный, что...

Она не говорит ничего. Он тоже. Говорят руки, говорят губы – беззвучно – и прекрасно понимают друг друга.

2

Подземелье вовсе не романтическое. Хотя замшелые кирпичные своды могут произвести сильное впечатление. Но дело портит земляной пол, обильно усыпанный мусором. Отнюдь не древним: одноразовые стаканы, банки, бутылки, обертки и объедки... Похоже, иные граждане облюбовали замок для неформального общения с выпивкой и закуской. При этом активно используют дыру в полу как мусорную яму. И, по совместительству, – как отхожее место. Ладно хоть все замерзло.

Ирка брезгливо морщит нос, но продвигается дальше. Справа подземелье быстро кончается – наружная стена крепости. Ряд похожих на амбразуры подвальных окошек. Достаточно широких – для пушек? Видно звездное небо и, смутно, – другой берег Славянки. Больше здесь ничего интересного. Игорь даже не старается прижаться к ней поближе – обстановка не располагает.

Они возвращаются к пролому и двигаются влево. Пол резко повышается, под ногами гряда земли и битого кирпича – приходится низко пригнуться. Сверху, в заиндевевшем кирпичном своде – еще один лаз, в него все и насыпалось. За ним – черная горизонтальная щель. Узкая, протиснуться можно лишь на четвереньках. Игорь светит туда. Батарейки подсажены, луч вязнет в липкой тьме, ничего не видно. Ничего, кроме... Кроме...

Два слабо светящихся пятнышка. На долю мгновения исчезли, зажглись снова. Слегка переместились? Глаза? Тут же, ответом, – низкое рычание. Собака, шепчет Ирка и растерянно пятится.

Но это не собака.

Рычание становится громче.

3

Шаги. Желтый круг света прыгает по стенам. Игорь. Наташа делает шаг назад.

– Ну что, диггеры? Много сундуков и скелетов откопали? – интересуется Гена, не скрывая скепсиса. Он досконально обшарил здешние подвалы еще мальчишкой.

Игорек не отвечает, торопливо выбирает из уцелевшей кучки петард самую большую. И спешит обратно.

– Что случилось? Где Иришка? – тревожно спрашивает Наташа. Ушедшие было страхи мгновенно возвращаются. Замок опять кажется чужим и враждебным. И пустым лишь на вид.

– Там Ирка, – Игорек на ходу мотает головой. – У нас проблемка нарисовалась, надо шавку одну шугануть, а то...

Уходит, конец фразы гаснет за стеной. Гена недоуменно провожает его глазами и не знает, что в последний раз видит приятеля.

Живым – в последний.

4

– Вскочит и улепетнет как ошпаренная, – говорит Игорь. Он зол на идиотскую бездомную псину, заставившую его так поспешно отступить из подземелья. Отступить на глазах у Ирки. Как на грех, и палки под рукой не оказалось, и камень из смерзшейся кучи не выковырять. Ну ничего, сейчас он ей покажет...

Ирка молчит, она равнодушна к собакам и кошкам. Но ничем не мешает. Мальчик решил почувствовать себя защитником и рыцарем – пусть, она все понимает. Ирина по прозвищу Динамо вообще понимает гораздо больше, чем думают многие ее знакомые, обманутые имиджем непосредственной и простоватой девушки-ребенка...

Они стоят у края второго, меньшего, лаза. Игорь нагибается. Петарда с горящим фитилем летит по дуге в черную щель.

Яркая вспышка. Взрыв в узком замкнутом пространстве бьет по перепонкам. Но собака не улепетывает как ошпаренная. Она невероятным прыжком вылетает наверх. Прямо к ним.

Какая громадная, успевает подумать Игорь – и это его последняя связная мысль.

Бросок зверя неразличим глазом – Ирка сбита, отброшена на несколько шагов. Ошеломлена, даже не пытается защититься, прикрыть горло... Способ нападения давно отработан. Пасть схлопывается на правом предплечье – резкое движение башки – хруст костей, и тут же

– истошный, пронзительный вопль. Громкий – но короткий утробный рык перекрывает все. Пасть вновь атакует – в живот. Разлетаются ошметки пуховика. Пух липнет к морде – окровавленный. Вопль не смолкает.

В те же секунды: Игорь бросается к подмявшей Ирку черной туше – медленно, очень медленно. Между ними пять шагов – шаг, полшага – застывает – Ирка, словно зовя на помощь, взмахивает рукой – но странно короткой. Струя крови. Прямо в лицо. Он разворачивается и бежит, не разбирая дороги. Молча.

Несется к дальнему концу крепости. Каким-то чудом не падает в темноте, не спотыкается о разбросанные обломки. Иркин крик за спиной смолкает – резко. Слышно только собственное дыхание, рвущее легкие. Быстрее, еще быстрее! К машине! Темное пятно выхода близко. Обрывок мысли: снаружи – безопасно. Быстрее!!! Мягких прыжков за спиной он не слышит – удар в спину валит с ног неожиданно. Судьба милосердна – пасть сразу крушит позвонки у основания черепа. Всплеск черноты. Ноги подергиваются, пытаюсь продолжить бег. Короткий торжествующий рык.

Тишина.

5

Звук несильный – но замок вздрагивает. Мелкая дрожь под ногами. Грохот взрыва прокатывается по каменному нутру, толстые своды гасят – им слышен глухой протяжный вздох. Вздох разбуженного гиганта. Сверху кирпичи – два? три? – выпадают из ветхой кладки. Там, где хотел расположиться Игорь. Генка встревожен:

– Сдурели они там? Все на честном слове держится. Здесь уже получали по...

Его обрывает вопль. Долгий, истошный. Женский? Эхо бьется о стены. Доигрались, думает Гена, схлопотали кирпич на макушку. Хватает фонарь и спешит в темноту. Наташа – за ним. Ей не хочется туда, к хищной каменной пасти провала. Но еще меньше хочется остаться одной.

Они ошибаются проходом. Слабеющее пятно света дергается по снегу – входа в подвал нет. Вопль смолкает. Назад, влево – тупик. Другой проход, знакомая башня... Они едва затормозили на краю провала. Спешить некуда, в комнате пусто. Гена светит вниз – никого. Спрыгивает. Наташка остается наверху, в темноте. Отступает к стене, раскрытый рот ловит воздух.

– Иго-о-орь! Ири-и-и-на-а-а!

Звуки вырываются из подземелья искаженные, изломанные. Никто не отзывается. Или... Наташка вздрагивает – откуда-то из лабиринта стен и проемов доносится приглушенный звук. Очень неприятный звук. Хрип? Она вслушивается. Тишина. Внизу – тоже. Послышалось? Нервы звенят готовыми лопнуть струнами. Провал скалится глумливой усмешкой.

Ей кажется, что Генка не вернется, как не вернулись те двое. Что она осталась одна, совсем одна. Уйти, сбежать – все равно куда, подальше от страшного места. Но ноги подкашиваются, рваный кирпич стены дерет шубку. Она не замечает. Свет снизу, Генка цепляется за зубья кирпичей, легко подтягивается. Выдыхает: никого.

Фонарь агонизирует, луч едва теплится. Гена еще раз окликает пропавшую пару. Здесь странная акустика – крик тут же глохнет, эха нет. Ответа тоже.

– Может, они в зале? Разминулись... – неуверенно говорит Гена.

Ей хочется, чтоб так и было. Чтобы Игорь сидел там, тихонько постанывая. Чтобы Ирка неумело пыталась перевязать его рассаженный лоб носовым платком и ругала пропавших Генку с Наташей. Чтобы они втиснулись в маленький уютный «запорожец» и уехали отсюда – навсегда.

Замок беззвучно смеется.

Глава шестая

1

Тишина. Больше они не зовут Игоря с Ирккой. Почему-то шуметь не хочется. Бессмысленно тыкаются в каменные закоулки.

Гена останавливается. Вдалеке, в глубине сквозящей через весь замок анфилады – легкое движение. Слабая игра тени и лунного света. Мерещится? Поворачивается к Наташе – но та увидела нечто небольшое и бесформенное. В углу комнаты, на полу – подходит туда опасливыми шажками.

Все-таки что-то движется со стороны входа. Что-то пересекает дальние пятна лунного света. Он всматривается. Слабо светящаяся полоска? Та самая, флуоресцирующая полоска на куртке Игоря? Возвращается? Они зачем-то двинулись к «запорожцу»? Нет, та полоска горизонтальная и должна быть выше...

Неясное нечто приближается. Через несколько мгновений он видит. Видит все. И не удивляется крику Наташи – лишь так и можно отреагировать на увиденное.

Это действительно знакомая полоса на куртке. Это Игорь. Но он не возвращается. Его тащат. Обмякшие ноги чертят по снегу. Руки тоже. За вывернутой назад головой – густой темный след. Сломанная марионетка тела подпрыгивает, приближается короткими скачками.

На следующем лунном пятне Гена разглядел носильщика жуткого груза.

2

Наташка уже не кричит. Воздуха в легких нет, она задыхается. Наружу выходит слабое бульканье...

...Она не видела, что приближалось к ним в лунном свете. Не смотрела туда. Ее внимание привлек предмет в углу. Смутно видимый, ни на что не похожий. Но совершенно не характерный для здешнего антуража.

Второго фонаря не захватили, она нерешительно шагнула в темноту, нагнулась и... Дальше не было ничего. Она, похоже, потеряла сознание. Отключилась. Самым странным образом – оставшись на ногах и продолжая кричать. Но больше не осталось ничего – ни мыслей, не чувств.

Был лишь крик, крик-всхлип, крик-выдох – вдохнуть она не могла. Были пальцы, сведенные судорогой. И была голова – покачивалась на длинных окровавленных волосах, зажатых в Наташкиной руке. Голова с лицом, искаженным таким же криком, но – мертвым, безмолвным. Голова Ирины...

3

Пощечина. Вторая, третья... Перед глазами вспышки, но она наконец вдыхает – холодный воздух раздирает легкие. Генка бьет по скрюченным пальцам – резко, больно – вышибает страшную находку. Хватает за рукав и буквально влочит за собой.

Она едва переставляет ноги, спотыкается. Не понимает, откуда и куда он ее тащит. Память о последних двух минутах стерта начисто. Темное пятно.

Фонаря нет, фонарь где-то брошен. Тесные каменные закутки, низкие своды. Она не успевает пригнуться – кирпичи притолоки ударяют в лоб – боли не чувствует, все тело становится

мягким и невесомым. Звуков нет, она обвисает на Генке – губы его дергаются, но Наташа не слышит ничего. Тут же – прорывом из памяти – Иркино лицо, так же беззвучно вопящее. И – снизу, где должна быть шея – раскромсанные лохмотья. Кровь.

Кровь на губах – ее кровь. Течет с разбитого лба. Она одна, Генка исчез. Сползает по стене, хочется лечь и закрыть глаза. Тогда все кончится.

Откуда-то выныривает Гена, тащит ее, с силой пригибает, втискивает в узкую и низкую щель. Башня. Огромная вертикальная труба, на дне – ровный восьмиугольник снега. И она. Темные стены сдвигаются – пятно снега все меньше – сходятся и поглощают Наташу. Чернота...

...Снег перемешан с кирпичной крошкой, до крови дерет кожу. Гена не обращает внимания – зачерпывает полные ладони и втирает в ее лицо. Это помогает. Возвращается боль, возвращаются звуки. Яростный шепот: лезь!!! уходим!!! Показывает – в стене башни дыра, не очень высоко. Дыра наружу.

Что?!!! Что это?!!! – спрашивает она. Или ей кажется, что спрашивает. Он торопит: лезь, лезь!!! Некогда, после разберемся!!! Она неловко дотягивается до края дыры. Генка толкает снизу. Отдергивает руку – ее джинсы тепло-мокрые.

Кровь? Ранена?! Темно, приближает ладонь к лицу. Не кровь, моча. Он сплевывает. Не страшно, нормальная реакция. Видывал. Подсаживает, ей никак не подтянуться, не перевалиться через край дыры.

Рычание. Возможно – где-то рядом, в каменном лабиринте не понять. Низкое, вроде негромкое. Но кажется – дрожат стены. Кажется – рычит сам замок – из каменной утробы, сквозь пасть-провал.

Обмякшее тело Наташки валится ему на руки.

4

Они в зале. Как, когда там очутились – она не помнит.

Последний оставленный тут фонарь погас, но телевизор еще работает. Напомаженный инопланетянин Филя – из другого мира, из другой Вселенной – поет о своей неземной любви к Алле. Генке – мимолетно, на ходу – хочется разнести экран. Кулаком.

Он волочит ее к пролому, там стена развалена почти до земли. Там он сможет перетащить Наташку. А потом... Что потом, он и сам не знает. Добраться до машины и уехать. И пусть те, кому положено, разбираются со здешними кровавыми чудесами. Мысли короткие, рваные – но четкие. Затмевающей все паники нет. Ему плевать, что за хищник возник ниоткуда на стыке тысячелетий. Главное – выжить, не стать ему кормом. И спасти свою женщину. Вот так, просто и ясно.

Анализировать – после.

Сейчас – добежать до машины.

Успеть.

Они не успели.

5

Зверю плохо. Бунтует все: мышцы, связки, суставы – убитый Оса продолжает мстить за себя. Зверь еле передвигается. Он бы думал, что умирает – если бы умел думать. Но зверь умеет только убивать.

Ликантроп едва тащится по замку – так кажется ему. Со стороны движение быстрое, хотя до былой стремительности далеко. Впереди добыча. Сил на нее пока достаточно. И – в подвал, надолго. Еды хватит, еды тут много. Сейчас будет еще больше.

Зрением и слухом оборотень почти не пользуется, его ведет запах. Чужой запах ужаса, запах предчувствия смерти.

Мохнатая груда мышц беззвучно скользит к залу.

6

Они не успели.

Совсем чуть-чуть. Рык за спиной раздался, когда он буквально подтащил Наташку к пролому стены. Несколько секунд – и они выйдут из замка. Казалось – там безопасно, казалось – неведомая тварь порождена здешними стенами и наружу вырваться не сможет...

Не успели. Самому можно еще выпрыгнуть. Наташку не вытащить. Его рука дернулась к карману, за выкидным ножом. Смешно, конечно, – против махины, тащившей здорового парня легко, как загрызенного котенка. Сработала привычка барахтаться до конца.

Наташка удивила. Падала в обморок, не видя зверя, даже не слыша – просто от ауры места. А сейчас – один взгляд назад – вострепнулась и дикой кошкой вскарабкалась по крутому наклонному торцу стены – быстро и молча, ни визга, ни крика. Гена – за ней, нож в руке мешал хвататься за выступающие кирпичи... Им потребовались секунды – две, три? Зверю, чтобы пересечь зал и прыгнуть – меньше.

7

По правому бедру полоснуло, когда он был в двух метрах над землей. Сверху вниз, почти без боли. И почти без звука – он слышал, как трещит кожа куртки и ткань джинсов. Штанина сразу намокла горячим – не обращая внимания, он рванулся выше – нога тут же подломилась, Генка едва удержался на гребне. Неуклюже, медленно, опираясь на одну левую, пополз вверх.

Зверь опять прыгнул – тяжело, устало – как делал все этой ночью. Не увидев – почувствовав прыжок, Генка махнул ножом назад не глядя, наугад. Чуть не свалился, но – попал. Лезвие резануло по живому.

Вой снизу – почти жалобный. Не оглядываясь, он подполз к Наташке, вцепившейся в гребень стены в самом высоком месте. До земли четыре с лишним метра – не допрыгнет. Нога быстро немела, на лбу высыхал холодный пот. Он стиснул артерию у самого паха – высоко, ох высоко зацепили клыки! – прохрипел ей: ремень! выдерни мой ремень!!!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.